О. В. Иванайнен

«АЗЪ» ЛЕТОПИСЦА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ», ЕГО ВАРИАНТЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Категория автора не обделена вниманием в современном литературоведении[1]. Специфика древнерусских произведений не только в том, что значительная их часть анонимна, но и в том, что древнерусскому автору не свойственно индивидуальное авторское сознание, известное нам по литературе нового времени. С. С. Аверинцев, выясняя лексическую этимологию слова «авторство», приходит к заключению, что «у истоков» его значение смыкается с понятием «авторитет», т.е. для архаического сознания имя «автора» есть знак «авторитета»[2]. В установившемся представлении «о едва ли не полном отсутствии авторского самосознания у древнерусских писателей» Е. Л. Конявская видит причину того, что вопросы «авторского комплекса» «принадлежат к наименее изученным в современной медиевистике»[3]. Не способствует решению проблемы отсутствие общепринятой терминологии, разнотолки в определении ключевых понятий авторского комплекса и в их соотношении.

Общетеоретические исследования по проблеме «автора» базируются, как правило, на творчестве писателей Нового времени[4], поэтому разрабатываемый понятийный аппарат оказывается плохо применим к литературе Древней Руси. Достаточно указать на разграничение между древнерусской и новой литературами по категориям вымысла/достоверности, чтобы осознать, что такие термины, как «сюжет», «образ героя», «образ автора» имеют в этих типах литератур разное наполнение.

Применительно к «Повести временных лет» сложно решаемым остаётся вопрос о целостности летописного текста как литературного произведения[5], как и вообще его отнесённости в числе других древнерусских памятников собственно к «литературе»[6]. Между тем, как отмечают теоретики литературы, «единство и целостность лите-

ратурного произведения напрямую связаны с фигурой (образом) автора»[7].

«Сводный» характер летописей, «жанровая пестрота», отсутствие «единого» автора обусловили то, что господствующими в науке остаются историческое и текстологическое направления (иногда объединённые в историко-текстологическое). Текстологи пытаются отыскать, реконструировать реальные летописные своды или слои и, по возможности, атрибутировать их, причём определение сводов делается на основе всякого рода стыков, вставок, перестановок. «Шахматовский метод»[8] имеет многочисленных сторонников и продолжателей, к их числу, в частности, относятся Д. И. Абрамович[9], Н. Серебрянский[10], Н. Н. Воронин[11], М. Д. Присёлков[12], Д. С. Лихачёв[13], Б. А. Рыбаков[14]. Гипотезы двух последних наряду с «шахматовской» вошли в учебные пособия[15]. «Шахматовский метод» остаётся господствующим и в работах исследователей, выступающих с критикой тех или иных конкретных положений А. А. Шахматова. В числе оппонентов А. А. Шахматова были С. А. Бугославский[16], В. М. Истрин[17], Л. В. Черепнин[18], Н. Н. Ильин[19], А. Н. Насонов[20], А. Г. Кузьмин[21], Л. Мюллер[22], А. В. Поппэ[23] и ряд других учёных, которые предложили собственные гипотезы развития начального этапа русского летописания.

Предлагаются новые методы определения авторства в рамках всё того же текстологического направления. Л. В. Милов берёт за основу формально-количественную методику[24], в результате которой подтверждает авторство Нестора по текстам «Чтения о Борисе и Глебе», Жития Феодосия, «Печерской повести» (летописные статьи 1051, 1074, 1091 гг.) и летописной статьи 1015 года. А. А. Гиппиус использует лингвистический аспект — архаичные или новые грамматические формы[25]. Методика стратификации текста, опробованная А. А. Гиппиусом, легла в основу гипотетических построений С. М. Михеева[26]. А. Л. Никитин в поисках очередного соавтора «Повести временных лет», названного исследователем «киевлянином-краеведом», обращает внимание «на индивидуальные особенности стиля, на повторяющиеся в разных «новеллах» одни и те же синтагмы, на излюбленные автором «словечки» и манеру полемизировать с невидимыми оппонентами»[27]. «С позиции «идеологии» летописца» осуществляет отбор и атрибуцию текстов М. Х. Алешковский, которому, между прочим, принадлежит ценное замечание по поводу целостности «Повести»: «перед нами произведение, отличающееся необычайной цельностью авторского мировоззрения, ав-

торской политической и художественной позиции, несмотря на многосоставное, противоречивое и в то же время контрастное разнообразие речевых средств»[28].

Одним из первых с позиции литературного труда подошёл к изучению «Повести временных лет» М. И. Сухомлинов[29]. Он сделал интересные наблюдения над стилистикой летописного текста, в сравнительно-типологическом аспекте исследовал особенности литературной манеры древних писателей, выделил два типа летописных статей: «краткие заметки» и «подробные описания». Впоследствии наблюдения над жанровыми формами летописных статей были развиты в исследованиях И. П. Хрущова[30], И. П. Ерёмина[31], О. В. Творогова[32]. Важным дифференциальным признаком жанровых форм выступает, по мысли И. П. Ерёмина, наличие/отсутствие автора: «летописный рассказ» отличается от «погодной записи» появлением «автора», который «заявляет о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямой характеристикой действующих лиц, отступлениями в сторону (морально-дидактические сентенции), даже отбором слов, в особенности же своей индивидуальной манерой излагать рассказ»[33].

Литературоведческий подход, предполагающий изучение «Повести временных лет» как реально существующего «целого» текста, исследование «автора» как литературной, текстовой категории, был обоснован А. А. Шайкиным[34]. Выражая разочарование в возможностях только текстологического подхода, учёный замечает: «к какой именно из десятков существующих текстологических версий следует привязывать литературоведческий подход?»[35]. И далее: «Даже если текстологи сумеют дать не гипотетическую, а абсолютно достоверную картину «движения текста» летописи, сумеют точно отделить один слой от другого, то и в этом случае для литературоведческого анализа учёт «слоистости» имел бы обязательный, но тем не менее вспомогательный характер. Литературоведческий анализ должен иметь дело, прежде всего, с реально существующей редакцией, с той цельностью и противоречивостью, какая сложилась в существующем тексте»[36]. Учёт «единства» ПВЛ как художественного произведения важен и при исследовании проблемы автора-летописца. Как считает А. А. Шайкин, «прежде чем появится возможность категориальной характеристики древнерусского автора, необходимо провести немало эмпирических исследований, выявляющих типовые слу-

чаи авторских экспликаций, их идеологию, способы и формы в древнерусских текстах»[37].

Попытки объединить традиционную текстологическую методику с собственно литературоведческим подходом впервые наметились в исследованиях Д. С. Лихачёва[38] и И. П. Ерёмина[39]. Д. С. Лихачёву принадлежат суждения о характерных для средневекового искусства коллективных чувствах и коллективном отношении к изображаемому, а также о жанровых отличиях образа автора (образ автора-агиографа, автора-летописца и т. д.)[40]. Противоречивость теоретических построений учёного заключается в признании, с одной стороны, цельности «Повести временных лет», с другой стороны — её «сводного» характера. Последнее определяет мировоззрение летописца, которое под пером Д. С. Лихачёва тоже становится «сводным»: «летопись не отражает даже единого, цельного мировоззрения летописца»[41].

С точки зрения реального единства «Повести временных лет» подошёл к изучению текста И. П. Ерёмин: «Реально дошедший до нас текст «Повести» должен лечь в основу анализа и потому, что он реальный, то есть безусловно достоверный»[42]. В работе «Повесть временных лет». Проблемы её историко-литературного изучения» учёный сосредоточивает пристальное внимание на особенностях *литературной* работы летописцев, их стиля. Между тем, абсолютизация «погодного принципа» привела И. П. Ерёмина к выводам о «допрагматическом», «фрагментарном» мышлении летописцев, проявившемся в характере и способах оценки летописных персон и событий. Отталкиваясь в своих построениях от теории «фрагментарности», концентрируясь на «противоречиях», «швах», «загадках» летописного текста, ни И. П. Ерёмин, ни Д. С. Лихачёв так и не смогли оторваться от традиционных текстологических подходов[43].

Выражая неудовлетворённость сегодняшним состоянием медиевистики, нерешённостью многих вопросов «авторского комплекса», Е. Л. Конявская обращается к изучению особенностей авторского самосознания[44] и выявлению форм авторского присутствия в летописных текстах[45]. В результате сопоставительного анализа текстов Германа Вояты и пономаря Тимофея исследовательница выделяет характерные черты двух авторов (высказывания от 1-го лица; эмоциональные оценки; излюбленные эпитеты, оговорки; рассуждения в духе христианского провиденциализма; комментарии к событиям; «самоотсылки» и т. д.), которые свидетельствуют об их индивидуальном стиле.

С точки зрения этнического самосознания древних авторов анализируют летописные сообщения «Повести временных лет» Н. И. Толстой[46] и В. М. Живов[47].

Вопрос о специфике авторского самовыражения в «Повести временных лет» был поднят в работе В. Ф. Харпалёвой[48]. Исследовательница предлагает рассматривать некоторые типы авторских ремарок «как своеобразный способ организации структуры летописного текста в единое целое». При этом «характерные особенности авторского своеобразия» вслед за Д. С. Лихачёвым она связывает с «жанровой принадлежностью памятника»[49].

В последнее время возрастает интерес к герменевтическому направлению в изучении древних текстов и их авторов. В ряду таких исследователей назовём С. Я. Сендеровича[50], Р. Пиккио[51], И. Н. Данилевского[52], которые предлагают рассматривать текст «Повести временных лет» в контексте Священной истории. С точки зрения эсхатологизма объясняются «характерные черты древнерусского летописания»[53], авторские интенции. В работах А. С. Дёмина актуализируются особенности повествовательной манеры летописцев[54].

Попытки систематизации текстовых сообщений «Повести временных лет», помеченных авторским присутствием, предпринимались ещё в конце XIX — начале XX века. И. И. Срезневский, используя в качестве маркирующих признаков высказывания от 1-го лица, авторские ремарки, сообщения, похожие на запись очевидца, и др., сделал выборку летописных материалов и пришёл к заключению, что «в написании летописи приняли участие последовательно, по крайней мере, два лица, отделённые одно от другого чуть не полувеком»[55]. Обращая внимание на «характер» речи летописца, событийные подробности при изложении исторических фактов, идеологические предпочтения, оценки и т.д., П. П. Толочко[56] выделяет эпизоды, где ощущается авторское присутствие, и выстраивает научные гипотезы о времени написания летописных статей и имени их составителя.

В своём исследовании мы стремимся уйти от атрибутирования пластов текста «Повести временных лет» тому или иному летописцу и предпринимаем попытку изучения «автора» как литературной категории, т.е. изучению того, в каких формах, в каких экспликациях предстаёт автор летописи; в каких ситуациях преодолевается безличность летописного изложения, и текст окрашивается той или иной авторской оценкой, пронизывается субъективизмом.

Глава 1

ЛЕТОПИСЕЦ — ОЧЕВИДЕЦ

Мы исходим из понимания «Повести временных лет» (далее ПВЛ) как целостного произведения, обладающего структурной завершённостью и общей идейной направленностью. Отсюда намечается определённый подход к рассмотрению проблемы автора-летописца: не реконструкция сводов и определение имён конкретных авторов, причастных к работе над летописью, а выявление типовых случаев авторских экспликаций в реально дошедшем до нас тексте ПВЛ и их классификация.

При фиксировании авторских проявлений нами использовался метод семантического и лексического отбора текстовых сообщений, обладающих признаками оценочности, субъективности, включённости авторской позиции в структуру повествования. Позиции авторской вненаходимости, метапозиции можно противопоставить позицию включённости в описание, выражающую субъективность восприятия настоящего[57]. На основе разных форм авторских проявлений нами были разработаны две классификации: *семантическая и внешних (словесных) форм*[58]. Тексты первой группы представилось возможным подразделить на две подгруппы: *очевидческие* и *аксиологические*. Настоящая глава посвящена *очевидческим* текстам.

1. Прямые сообщения автора о себе

Тексты с прямым сообщением автора о себе встречаются в ПВЛ в летописных статьях 1051, 1091, 1093 и 1110 гг. Первое упоминание летописца о себе обнаруживается в так называемой Печерской повести, датируемой 1051 годом. Рассказав об истории создания Печерского монастыря, его игуменах и чернецах, автор в числе пришедших к Феодосию называет себя: **азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьский**[59]. Исходя из написанного, узнаём, что летописец пришёл в Печерский монастырь в возрасте 17 лет, был принят Феодосием и является автором рассказа о Печерской обители. В заслугу себе автор ставит только рассказ о Печерском монастыре, видимо потому, что здесь потребовались

его самостоятельные изыскания, тогда как остальной материал он находил уже готовым и только вносил в летопись.

На протяжении нескольких столетий учёные спорят об имени этого летописца, но так и не пришли к единому мнению. А. А. Шахматов атрибутирует текст о 17-летнем юноше, пришедшем в монастырь, Нестору, несмотря на противоречия, имеющиеся в «Житие Феодосия», где Нестор «совершенно ясно говорит о себе, что он пришёл в Печерский монастырь после смерти Феодосия при его преемнике Стефане»[60]. Е. Е. Голубинский, А. Г. Кузьмин сообщение 1051 года связывают с именем Сильвестра, полагая, что прежде он мог быть монахом Киево-Печерского монастыря, а оттуда выведен в игумены Выдубицкого. Для нас представляется важным не определение имени конкретного *летописателя*, а выявление вполне чёткой «*аз-позиции*», которую занимает здесь автор.

Для текстов с прямым сообщением автора о себе характерно использование самоуничижительных формул. В вышеозначенном примере это **худый и недостойный рабъ**. Рассматривая подобные формулы в контексте проблемы авторского самосознания в литературе Древней Руси, Е. Л. Конявская отмечала глубокие традиции такой «скромности» и предостерегала от чрезмерного доверия к авторскому самоуничижению: «традиционный образ автора — «недостойного» и «неразумичного» — нельзя воспринимать слишком буквально и отождествлять с внутренним самосознанием древнерусского писателя»[61]. Исследовательница говорит об ориентированности самоуничижительных формул на профессиональную сторону собственного несовершенства. На наш взгляд, в статье 1051 года речь идёт скорее о духовном несовершенстве, которое проистекает от неопытности, юности. Автор сообщает о себе в конце летописной статьи после подробного описания заслуг Феодосия, к которым относит увеличение числа монастырской братии, введение монашеского устава и, как следствие, возросший авторитет и влиятельность Печерского монастыря. То есть на тот момент, когда Феодосий, благодаря своим добродетельным поступкам, приобрёл в церковной среде уважение и авторитет, будущий автор (очевидно, что статья написана позднее самого события) лишь только сделал маленький шажок на пути к познанию Бога и, придя в монастырь, проявил готовность отречься от земных благ взамен духовным. Он «худый» и «недостойный» по отношению к Феодосию, своему учителю и наставнику.

Погодная статья 1091 года написана от первого лица участником перезахоронения мощей преподобного Феодосия. Рассказывая о личном участии в этом процессе, летописец называет себя грешным:

азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ (138). Осознание собственной греховности — одна из отличительных черт самоуничижительных формул древнерусского книжника[62]. В новом развитии темы о казнях Божьих 1093 года автор причисляет себя к тем грешникам, которые разгневали Бога и ввергли Русь в череду бедствий и страшных мучений: **Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни** (147). По мысли П. П. Толочко, летописец, обозначивший своё причастие к описываемым событиям, занимает чёткую гражданскую позицию[63]. Мы считаем, что здесь имеет место синкретизм религиозно-гражданской позиции летописца, причём с явным превалированием религиозной, которая определяет и включает в себя гражданственность.

Ориентированность самоуничижительной формулы на профессиональное несовершенство имеет место в ПВЛ в статье 1091 года. О сложности подобрать достойные слова в адрес своего духовного наставника автор «сокрушается» в похвале Феодосию: **Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимь похвалити добраго твоего житья и въздержанья** (140). Недоумение по поводу способа словесного воспевания заслуг учителя соотносится с недостатком литературной образованности и таланта, что связано со стремлением русских книжников выразить высокую значимость словесного творчества[64]. Автор похвалы называет себя «рабом» и «учеником» Феодосия. И если понятие «раб» заключает в себе момент уничижения, то «ученик» звучит гордо, с определённым достоинством и самоуважением, свидетельствует о преемственности. Быть учеником самого Феодосия Печерского — великая честь, ведь ученичество предполагает последовательность во взглядах и интересах, необходимость соответствовать образцу.

Семантическая и лексическая однородность текстов 1051, 1091 и 1093 гг. может свидетельствовать в пользу единого авторства.

Между тем некоторые тексты с прямым сообщением автора о себе содержат элементы авторского эгоцентризма. Так, заключительные слова хвалебной речи в адрес Феодосия (1091 г.) противоречат традиционному образу древнерусского автора «недостойного» и «неразумичного». Обращаясь на страницах летописи к своему духовнику, книжник просит не за всех христиан, а за себя: **Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблюди мя твоими молитвами** (141). С подобным вариантом молитвы к святому встречаемся в погодной записи 1110 года, в

авторской приписке игумена Сильвестра: **Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Лѣтописець, надѣяся от Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ** (188). Приписка Сильвестра по стилистике и интонации отличается от других прямых авторских проявлений. В ней нет уничижения, наоборот, слышен голос человека, который знает себе цену, требует от читателей поминания своей личности в молитвах и надеется за свой труд получить специальную милость от Бога. Как отмечает А. П. Толочко, «колофон Сильвестра свидетельствует о том, что он был летописателем, а не простым коппистом. …в приписке Сильвестра нет ни одной формулы, приличествующей скромному труду копииста. Напротив, это выдержанное в твёрдых выражениях и даже несколько самоуверенное утверждение»[65].

Итак, большинство авторских высказываний о себе связано с Киево-Печерским монастырём и именем Феодосия Печерского. Свою причастность к описываемым событиям автор отмечает в отступлении о казнях Божьих. Осознавая важность своего труда, летописец обозначает своё имя. Одни тексты о себе содержат самоуничижительные топосы (летописец называет себя худым и недостойным рабом, осознаёт собственную греховность), что являлось данью литературной традиции, в других случаях автор называет себя учеником Феодосия, осознаёт «авторские права» в отношении рассказа о Печерском монастыре и Летописца в целом, проявляет «личностную» авторскую позицию.

2. Летописец — очевидец, участник событий

«Очевидческие» тексты показательны с точки зрения авторского самовыражения. Большинство из них обнаруживается в печерских известиях, например, в рассказе о жизни киево-печерских подвижников. Начало повествования строится по принципу устного рассказа. Летописец стремится «привлечь внимание читателя через понятие «чудного», то есть необычного, выдающегося», что сближает летописный рассказ с патериковым, который «по сути тождествен устному рассказыванию»[66]: **Таци бо бѣша любовници, и въздержьници, и постници, от них же намѣню нѣколико мужь чюдных** (126). Перечислив удивительные способности каждого из черноризцев, автор приступает к повествованию об Исакии: **Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, яко же и еще сущю ему в мирѣ, в житьи**

мирьстѣмь, и богату сущю ему, бѣ бо купець, родом торопечанинь, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ, и иде к великому Антонью в печеру, моляся ему, дабы 'и створилъ черноризцемь (127). Интересные наблюдения с точки зрения выявления авторской позиции в рассказе об Исакии предложил С. Б. Чернин, обративший внимание на такие свойства автора-повествователя, как осведомлённость о жизни Исакия до принятия монашества, сознательный отказ от придания рассказу черт агиографичности (краткость описания таких важных событий, как принятие решения об уходе в монастырь, о пришествии к старцу-отшельнику и о пострижении), намеренное употребление сниженной, бытовой лексики в расчёте на повседневный опыт читателя. Документальность придают рассказу отмеченные автором событийные подробности. Он знает, как Исакий облёкся во власяницу, где именно он уединился, называет размер кельи — **яко четырь лакотъ**; его рацион питания; каким образом Антоний передавал ему пищу — **и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука**; как Исакий спал и сколько лет продолжалось затворничество.

С точки зрения непосредственного наблюдателя описывается видение Исакия: **Єдиною же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапу свѣт восья, яко от солнца, в печерѣ, яко зракъ вынимая человеку. И поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице єю, акы солнце** (128). Летописцу оказываются доступны не только событийные факты, но и тайные помыслы персонажа, не способного распознать **бѣсовьскаго действа**. Автор как всеведущий повествователь описывает бесовские забавы, получающие в тексте речевое наполнение: «**Възмѣте сопели, бубны и гусли, и ударяйте ат ны Исакий спляшеть**» (128).

В дальнейшем повествовании происходит смена точек зрения. С позиции неосведомлённого читателя автор рассказывает о том, как Антоний, придя утром к оконцу, чтобы покормить Исакия, не дождался ответа, и, подумав, что тот преставился, позвал монахов и Феодосия раскопать проход и вынести чернеца. Когда выяснилось, что он жив, Феодосий предложил свою интерпретацию происшедшего: «**Се имать быти от бѣсовьскаго дѣйства**». Мнение Феодосия, как считает С. Б. Чернин, «несет в себе имплицитное утверждение непререкаемого его авторитета для рассказчика», и во многом объясняет авторскую позицию в предшествующем описании. Содержит оно и указание на возможный источник информации о жизни Исакия: «возможно, он был среди тех, кто раскапывал келью подвижника и слы-

шал слова Феодосия, или же слышавшие их передали ему сказанное игуменом, или же слова Феодосия стали широко известны среди монахов и прочно закрепились в их актуальном, передаваемом от одного к другому знании об Исакии»[67].

Действительно ведущая роль в рассказе об Исакии отводится Феодосию, который после отъезда Антония взял на себя заботу о спасении черноризца. Летописец отмечает, что **Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть 'и, за 2 лѣта се сотвори около его.** Кроме того, **Феодосий же моляше Бога за нь, и молитву творяше над нимь день и нощь.** Именно Феодосию автор приписывает полное выздоровление Исакия, трактуемое как «избавление от дьявольских козней»: **и тако избави 'и Феодосии от козни дьяволя** (129). Думается, что во многом авторитетность Феодосия, желание летописцев прославить его добродетели, повлияли на внесение этого сюжета в летопись. В то же время Е. Л. Конявская связывает причину увековечивания для потомков истории Исакия с чудом: «С помощью чуда обнаруживаются порок и грех, даётся знамение о том, что подвиги иноков богоугодны»[68]. Сравнивая тексты о черноризцах печерских, содержащиеся в ПВЛ и «Житие Феодосия», исследовательница обнаруживает очевидную между ними связь и заключает, «что первичным был летописный текст, который Нестор впоследствии включил в «Житие», соответственно переделав»[69].

Рассказ о выздоровлении Исакия сопровождается эмоциональными репликами: **Се же бысть дивно чюдно; яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни от какого брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глух лежа за 2 лѣта** (129). По этому поводу С. Б. Чернин замечал: «Судя по всему, рассказчик не только стремится удивить своих читателей, но и сам удивляется тому, что происходило с Исакием. Этот факт вновь нарушает всеобъемлемость его компетенции как повествователя — он все более обнаруживает себя как свидетель, как реальный автор, человек, имевший возможность видеть происходившее с Исакием или слышавший подробные рассказы об этом от других»[70].

Заключительная часть рассказа развивает тему «чудности» Исакия. Повествование строится по принципу коротких рассказов, в основу которых положен яркий, запоминающийся случай. С позиции реального очевидца передаются сведения о том, как Исакий ходил в стоптанных башмаках, из-за чего ноги во время заутрени зимой примерзали к камню; как однажды по насмешливой просьбе повара взял ворона в руки и принёс повару; как поселился в пещере и собирал детей, одевал

их в одежды чернеческие; сносил побои от игумена Никона и родителей тех детей; как смог потушить босыми ногами вспыхнувший в одну из ночей огонь. Речи, вложенные в уста Исакия, где он противопоставляет жизнь в затворе с жизнью в общежительном монастыре («**Се уже прелстил мя еси былъ дьяволе, сѣдяща на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя в манастырѣ**»), интерпретация его действий как юродство помогают понять особенности мышления и ценности летописца. По замечанию С. Б. Чернина, эти сентенции отсылают «к дискурсу киево-печерских монахов, сторонников общежительного устава, считающих главным авторитетом для себя игумена Феодосия»[71]. Реальный автор в лице печерского монаха обнаруживает себя в летописном сообщении: **И ина многа повѣдаху о немь, а другое и самовидець бых** (130). Таким образом, летописец чётко обозначает свою позицию: он и самовидец, и «послух», и свидетельства очевидцев он ставит на первое место.

Рассказ о перенесении мощей Феодосия Печерского (1091 г.) характеризуется прямым выражением авторской позиции и написан участником события, о чём есть прямое свидетельствование: **повелѣ игуменъ рушити кдѣ лежать мощѣ его** и т. д. (138). Интересно, что летописец предваряет рассказ ремаркой о намерении довести до адресата безусловно достоверные сведения, он отдаёт предпочтение информации, полученной по личным впечатлениям: **первое самовидець**. При этом он не просто сообщает о личном участии в процессе перезахоронения, а подчёркивает свою роль в событии: **скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь начальникъ**.

От первого лица летописец начинает повествование о ходе подготовки к процессу поиска и перезахоронения останков Феодосия: **Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никомуже, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья** (138)[72]. Авторская речь строится по принципу прямой речи персонажа. Заботясь не столько о связности рассказа, сколько о достоверности, летописец стремится не упустить из виду ни одну значимую, с его точки зрения, деталь[73]. Для него существенно, что знаковое событие покрыто ореолом тайны. Втайне от всех определяется место, где следует копать, о секретности задания напоминает рассказчику игумен: «**Не мози повѣдати никому же от братьи, да не увѣдаеть никтоже; но поими, его же хощеши, да ти поможеть**» (138). В тёмное время суток, втайне, задуманное осуществляется: **И въ вторник вечер в суморок, пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущю никомуже, придох в печеру и, отпѣвъ псалмы, почах копати** (138).

По мере рассказывания в нейтральное повествование проникают подробности субъективного характера и эмоциональные отклики. Автор сообщает о физической усталости: **И утрудився вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати**. Передаёт своё внутреннее состояние: **начах тужити, еда како на страну копаемъ**; присутствует элемент самооценки: **Азъ же, веземъ рогалью, начах копати рамено** (138). Итогом внутренних переживаний становится не вполне адекватная реакция на результат работы: **Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начах звати: «Господи помилуй!»** (138). Существительное «ужас» и производный от него глагол «ужаснулись» употребляются в ПВЛ в значении «страх, сильное душевное потрясение», о чём свидетельствуют аналоги-контексты[74], эти значения в числе прочих зафиксированы и словарём И. И. Срезневского[75]. «Ужас» охватывает митрополита, нетвёрдого в вере: **И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима** (121); характеризует состояние Давыда накануне преступления: **и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци** (172) и Владимира при известии об ослеплении Василька: **Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ** (174); передаёт состояние монахов, воочию узревших «чудность» Исакия: **и ужасошася, и повѣдаша игумену и братьи, и начаша братья чтити ’и** (130) и людей, потрясённых необычным знамением: **ужасошася вси людье** (141). «Ужас» нападает на воинов во время сражений: **убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его** (170)[76]. В данном контексте отсутствует негативный смысловой оттенок значения, и «ужас», по-видимому, соотносится не столько со «страхом», сколько с большим душевным потрясением, изумлением, глубоким осознанием торжественности и значимости момента.

Повествование переключается в план 3-го лица, и прямая авторская речь переходит в косвенную, когда в рассказ очевидца вторгаются свидетельства сторонних лиц. Летописец пересказывает «чудеса», которые из окон монастыря наблюдали печерские монахи: **Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, иде же положенъ бысть Феодосии** (138). Не менее реалистичны по описанию впечатления епископа Стефана, который одномоментно с печерцами увидел **зарю велику надъ печерою**. Вместе с тем «чудо» оказывается мимолётным и очень зыбким, доступным лишь с большого расстояния, поэтому **и яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста к**

печерѣ, и не видѣста ничтоже (138—139). А. А. Шайкин отмечает: «Такая искренность замечательна: как ни любил автор своего игумена Феодосия, он не поддался соблазну личного свидетельствования чудес, он сохраняет чувство реальности и в этот необычный и торжественный для него момент»[77].

Переход к очевидческим наблюдениям осуществляется посредством переключения повествования в план 1-го лица: **Єгда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «Приди да вынемемъ 'и»** (139). Впечатления самовидца закреплены в описании внешнего вида мощей Феодосия и процесса выноса останков из пещеры: **и видѣхом лежащь мощьми, но състави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. И взложьше 'и на вариманътью и, вземше на рамо, вынесоша 'и предъ пещеру** (139). На этом заканчивается рассказ живого участника события. Описание официальной церемонии перенесения мощей характеризуется безличностью летописного изложения[78].

Обобщая вышесказанное, отметим, что автор рассказа о перенесении мощей Феодосия выступает в тексте в качестве живого участника события, а также использует свидетельства других лиц. Но возникает вопрос: зачем летописцу, который и так участвовал в раскопках мощей Феодосия, вносить в текст ещё чьи-либо свидетельства? Безусловно, автор стремился к достоверности, поэтому использовал все известные ему факты. Однако в самом содержании используемых источников прослеживается интересная закономерность. И печерские монахи, и епископ Стефан сообщают о знамении: одни — в виде огненных столпов, другой — в виде великой зари. Аналогичный тип чудес, связанный с прославлением монастыря и святого, характерен для агиографических сочинений, в частности для «Жития Феодосия», ибо, как пишет Е. Л. Конявская, «Феодосий — строитель, создатель русского монастыря как такового, и всё в этой его деятельности, безусловно, важно и должно быть освящено чудесными явлениями. Вокруг же церкви Печерской, по-видимому, именно в этот период начали складываться легенды, подчёркивающие её исключительность и возвышающие её над всеми другими»[79]. Так что автор приводит свидетельства сторонних наблюдателей не случайно, а с вполне определённой целью — показать чудо и прославить святого, поскольку сам по известным причинам находился внутри пещеры и наблюдать этого чуда не мог.

Впрочем, такая структура рассказа (чередование прямой речи летописца с косвенными свидетельствами) может быть объяснена самим процессом летописания. Т. В. Гимон и А. А. Гиппиус, рассмат-

ривая русское летописание в свете типологических параллелей с западной анналистикой, усматривают сходство в самой процедуре ведения погодных записей. По мысли исследователей, «создавался анналистический свод (или просто копия анналов, ведшихся в другом городе или монастыре). Затем эта же рукопись начинала продолжаться погодными записями, иногда совершенно синхронно событиям, а иногда — с перерывами или большими блоками, по нескольку погодных статей сразу. Это видно по смене и вариациям почерков, смене чернил и перьев в рукописях»[80]. Если переложить гипотезу на исследуемый материал, то части рассказа, написанные от разных лиц, можно соотнести с разными летописцами. И тогда картину составления летописной статьи можно представить следующим образом. Один автор написал краткую информацию о событии, а второй, будучи участником события, расширил её личными наблюдениями[81]. Допустима и иная трактовка. Поскольку повествование имеет вид цельного рассказа, сюжетно и композиционно завершённого, с большой вероятностью вкрапления прочих свидетелей можно отнести на счёт одного составителя.

Признаками очевидческого текста обладает рассказ о нашествии на Печерский монастырь «безбожного» Боняка — предводителя половцев[82]. Летописные факты 1096 года свидетельствуют об особой агрессивности половцев в тот период. И без того тяжёлую для Руси ситуацию отягощали внутренние раздоры. 20 июля 1096 года Боняк подступил к окресностям Киева и напал на Печерский монастырь. Болью пронизаны строки, рассказывающие о бесчинствах захватчиков, но всё же это взгляд со стороны, внешнего наблюдателя: **приде … Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, к Кыеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на манастырь, и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы. И придоша на манастырь Печерьскый**… (151). Только когда речь заходит о Печерском монастыре, летописец, словно потревоженный во сне, неожиданно пробуждается и начинает взволнованно вспоминать о лично пережитом. Красноречивое свидетельство живых впечатлений — ведение рассказа от 1-го лица: **намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, намъ же бѣжащим задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшим на полати** (151). Последовательное детализированное описание бесчинств Боняка обнажает личность его автора. Как ревностный христианин, он не может равнодушно взирать на происходящее, поэтому в гневном порыве называет налётчиков «безбожными

сынами Измаиловыми», которые покусились на святая святых: Божий храм, его святыни, что, по мысли автора, равнозначно оскорблению самого Господа Бога[83]. Вероломство захватчиков пробуждает в авторе-очевидце религиозные суждения о Божьем испытании праведников, которые через множество скорбей и напастей становятся только сильнее и прочнее **яко злато искушено в горну**, и временном «довольстве» и «веселии» «поганых», которые **на ономь свѣтѣ примуть муку, с дьяволом уготовани огню вѣчному** (152). Поджог половцами Красного двора, поставленного князем Всеволодом, вызывает у летописца отчаянный эмоциональный отклик, находящий соответствие в Священном Писании: **Тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ: «Господи, Боже мой! положи 'я яко коло, яко огнь пред лицемь вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако поженеши 'я бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья».** Постепенно авторские излияния становятся всё более конкретными: **Се бо оскверниша и пожгоша святый дом твой, и манастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ.** С горечью летописец сообщает об убийстве нескольких монахов: **Убиша бо нѣколико от братья нашея оружьемь безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ** (152). Разорение монастыря получает в авторской трактовке провиденциальный смысл. Лейтмотивом из Слова о казнях Божьих звучит мысль о наказании христиан посредством иноплеменных набегов.

Интересную мысль о возможном процессе формирования летописной статьи 1096 года высказал А. А. Шайкин: «подробности разорения половцами Печерского монастыря схвачены, несомненно, участником этого события, одним из тех, кто бежал «задами монастыря», но вряд ли он являлся автором предшествующего описания военных действий. Переключение к плану 1-го лица может обозначать то место, где в повествование одного автора включается второй[84], то есть можно думать, что основной автор ведёт широкое повествование о главных событиях на Руси, но там, где это надо и где это возможно, он пользуется материалами иных авторов, не всегда устраняя следы вставок. Но, может быть, пробуждение лирического и эмоционального тона, это различение деталей, которые выявляются всё в том же «основном» летописце, когда дистанция между событиями и их обозревателем становится нулевой, когда он из наблюдателя вдруг оказывается участником»[85].

С позиции участника события описана встреча с Васильком Ростиславичем в составе повести об ослеплении Василька Теребовльского (1097 г.). Первое сообщение автора о себе связано с его местонахождением. Он сообщает, что пребывал во Владимире в то самое

время, когда Василько сидел под стражей в том же городе во дворе Вакееве: **Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ, и яко приближися пость великый, и мнѣ ту сущю, Володимери** (175). Ночью автор — участник события встречается с князем Давыдом Игоревичем: **въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ**, и по его просьбе отправляется к Васильку: **Азъ же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы** (176). Несмотря на заинтересованность в участии Василька, способного повлиять на действия Владимира Мономаха, сам Давыд не спешит выполнять просьбу своего пленника, и второй раз посылает к Ростиславичу Василия (176). То, что автора сказания об ослеплении Василька Теребовльского звали именно Василием, доказывается его личной ссылкой на себя, вложенной в уста князя Давыда: **Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему...** (175). А. Л. Никитин, идентифицирующий Василия с книгописцем Печерского монастыря и келейником Феодосия иноком Иларионом, предполагал, «что под этим крестительным именем Иларион был известен в аристократической среде Киева и в кругу своих светских сверстников»[86].

Какова же была роль Василия в этой встрече? И почему Давыд обратился именно к нему? Василию отводилась роль посредника и дипломата, который должен был уговорить Василька **послати мужь свой** к Владимиру. В случае отказа последнего от притязаний к Давыду Василько мог получить из рук Давыда один из городов: Всеволож, Шеполь или Перемышль. Выбор Давыда относительно Василия продиктован с одной стороны доверительным отношением к нему самого Давыда и с другой стороны личным знакомством Василия с Васильком. Об их давнем знакомстве и духовной близости свидетельствует откровенность Ростисливича во время беседы (**се повѣдаю ти поистинѣ**), которую правильнее было бы назвать монологом — исповедью Василька. Автор здесь выступает в роли слушателя, или пассивного участника диалога. В интимной обстановке, наедине, Василько начинает изливать Василию душу[87]. Летописец подробно передаёт мысли Василька, доказывающие его невиновность по отношению к братьям: **И се кленуся Богомь и его пришествием, яко не помыслилъ есмъ зла братьи своей ни в чем же** (176). Ошибка Василька, по его личному убеждению, кроется в собственном высокомерии (176).

Дальнейшее повествование ведётся от 3-го лица, но содержит элементы авторского субъективизма. Как неравнодушный к Васильку человек, летописец оценивает каждый его шаг. И если речь Василька-

затворника проникнута большим авторским сочувствием и пониманием, хотя прямо оценка нигде не звучит, то поступки Василька-мстителя подвергаются справедливой критике: **Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, да бы Богъ отместник былъ, и взложити было на Бога мщенье свое** (177). Конечно, справдлива эта критика с точки зрения христианской морали, и именно это обстоятельство дало основание некоторым исследователям отнести Василия к человеку духовного звания. Так, А. А. Шахматов писал: «Что Василий был духовником Василька Ростиславича, можно заключить из того осуждения, которое встречают в нем поступки Василька, несогласные с христианским чувством»[88]. На наш взгляд, оснований для отнесения Василия к лицу духовного звания недостаточно. Мы разделяем контраргумент А. А. Шайкина, считающего, что при обращении князей к Василию они ни разу не называют его «отче», как подобало бы обращаться к духовному лицу. Кроме того, автор-Василь достаточно сдержан в оценках князей, лишь однажды он обращается к словам пророка, и то, чтобы осудить поступок Василька. В характеристике Василия, предложенной М. Х. Алешковским, тоже не прослеживается связь с монастырской средой: «Внимательный читатель Хроники Амартола, наблюдательный путешественник, поклонник Мономаха и Рима, чуткий собеседник Василька Ростиславича и Мстислава Владимировича»[89].

Признаками очевидческого текста обладает не только рассказ Василия о его встрече с Васильком после ослепления, но и собственно эпизод расправы, изобилующий подробностями, доступными, кажется, только очевидцу[90]. Автор ведёт рассказ от 3-го лица, но, вероятно, лишь потому, что не является непосредственным участником драмы, а имеет возможность наблюдать за происходящим со стороны[91]. Он рассказывает, что Василёк увидел **торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотят 'и слѣпити, възпи к Богу плачем великим и стенаньем**[92]**.** Вместо длинных молитв, которые предшествовали убиению Бориса и Глеба и «замедляли» развитие сюжета, автор-Василь сразу переходит к описанию процедуры ослепления. Он отмечает, что Василёк оказывает злодеям серьёзное сопротивление[93]. Вряд ли в замешательстве Василёк понимал, кто повалил и связал его, и уж тем более, не мог знать, будучи свёрнутым в ковёр, кто сел по разные стороны доски, и что сняли эту доску именно с печи[94]. Думается, что Ростиславич к моменту извлечения глаз, находился в полуобморочном состоянии, обессиленный борьбой с мучителями, поэтому маловероятно, чтобы он так точно запомнил сцену ослепления: **И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в**

око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари 'и в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. Взгляд стороннего наблюдателя выдаёт описание состояния Василька после жестокой расправы: **И томъ часѣ бысть яко и мертвъ.** Не мог, конечно, полумёртвый Василёк знать и то, что его взяли на ковре и взвалили на телегу. Следующее описание также указывает на очевидца события: **И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати. Попадья же, оправши, взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному.** Вероятно, автор-Василь сопровождал Василька и во время поездки во Владимир[95]. А. А. Шайкин обращает внимание на авторскую ремарку (**онѣм обѣдующим**) о людях из свиты Давыда, «обедающих вблизи омертвелого Василька», которая «несущественна для хода событий, но запомнилась, запала в память, может быть, из-за своей несообразности, которую этот очевидец даже и не осмыслил тогда, а просто отметил»[96]. В контексте рассказа указательное местоимение «**онѣм**» приобретает дополнительную функцию: противопоставления и отграничения позиции автора, разделяющего участь жертвы, от позиции преступников. Ещё одним доказательством того, что автор участвовал в событиях, служит детальное описание процесса передвижения телеги, на которой везли Василька. Летописец отмечает, что поехали на телеге быстро по неровному пути. Он также знает, что путь до Владимира занял шесть дней, а по прибытии Василька посадили под стражу во дворе Вакееве (173).

А. А. Шахматов несколько раз пересматривал свою позицию относительно участия Василия в летописании. В более ранних работах учёный приписывал Василию составление Начального свода и считал его «едва ли не монахом или игуменом Выдубицкого монастыря»[97]. Позднее он перестал считать Василия киевлянином, так как о Киеве летописец писал со стороны, делая пояснения, не нужные киевлянину (о местонахождении Белгорода), прекрасно знал топографию Волыни. Василий, по мысли А. А. Шахматова, был перемышлец или волынец[98]. В. Перевощиков видел в Василии продолжателя Нестора: Нестор окончил свой труд 1074 г. — Сказаниями о прославленных иноках Печерского монастыря, а Василий продолжил его с 1075 г. словами «**Почаста бысть церкы Печерьская**…»[99]. М. Х. Алешковский считал Василия редактором Нестора и говорил о его принадлежности к ещё одному большому киевскому монастырю — Андреевскому[100]. С. В. Цыб приписывал Василию западно-

русский, волынский свод середины 20-х годов, который большинство учёных связывают с именем Нестора[101].

Относительно времени включения Сказания в летопись тоже нет единого решения. Мы разделяем мнение исследователей, говорящих о периоде 1112—1115 гг., то есть спустя 15 лет после ослепления Василька, что не исключает написания по горячим следам. Доказательством служит авторская ремарка о смерти Давыда Игоревича в Дорогобуже (ум. 1112 г.). И. П. Хрущов отмечал и тот факт, что Владимир Волынский, как известно автору, всё ещё находился в руках Ярослава Святославича[102]. А. Г. Кузьмин позднее время включения Сказания в ПВЛ аргументирует «оценкой деятельности Владимира Мономаха» в Сказании[103].

Таким образом, очевидческие тексты характеризуются:

- прямым выражением авторской позиции («*аз-позицией*»);
- наличием разноплановых точек зрения (реального участника, самовидца, внешнего, стороннего наблюдателя);
- использованием местоимений и глаголов в форме 1-го лица ед. и мн. ч.;
- переходами от беспристрастного повествования (от 3-го лица) к эмоциональным рассказам (от 1-го лица);
- субъективной реакцией на происходящее;
- оценками дидактического характера.

3. Информаторы летописца

Любые сведения с точки зрения летописца должны были быть достоверными и объективными, поэтому возникавшие в процессе летописания информационные пробелы восполнялись за счёт различных источников, в частности свидетельств информаторов. О некоторых информаторах автор ПВЛ упоминает вскользь, ограничиваясь обобщённым определением: **Ту же убита и пископа ихъ Купана и от болярь многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь** (179). О других мы можем только догадываться, однако не так часто, и потому особенно ценно, автор конкретизирует источник информации, и мы имеем возможность узнать реальные исторические лица, привлекаемые к летописанию в качестве соавторов.

В истории об Исакии, где автор ссылается на рассказы монахов и собственные наблюдения, есть оговорка о том, что сам Исакий поведал летописцу о прекращении притязаний со стороны бесов: **И абие погибоша бѣси от него, и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ,**

яко же самъ повѣдаше се яко «Се бысть ми за 3 лѣта брань си» (131). Ссылка на Исакия свидетельствует о личном знакомстве автора с ним. Рассказ попал в летопись, вероятно, после кончины Исакия, когда летописец обобщил всю имевшуюся информацию: рассказы монахов-очевидцев, собственные очевидческие наблюдения и личные сведения самого героя повествования.

Со слов новгородца Гуряты Роговича записан рассказ о северных народах, «заклёпанных» Александром Македонским в горах (1096 г.): **Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець** (167). В этом рассказе представлено несколько точек зрения на одно явление. Гурята Рогович передаёт рассказ с точки зрения отрока, посетившего Югорскую землю. Отрок тоже выступает с позиции «послуха», но «послуха» югры, поэтому Гурята Рогович представляет точку зрения югры, или неосведомлённых читателей, для которых явления в северных горах представляются дивными, необъяснимыми. Летописец, напротив, выступает с позиции обладателя уникальной информацией. Он знает то, что не знают другие, и может объяснить недоступное другим: **Мнѣ же рекшю к Гюрятѣ: «Си суть людье заклепении Александром, Македоньскым цесаремь»** (167). Свою точку зрения летописец подкрепляет сведениями из Мефодия Патарского, что придаёт его догадкам большую «правдоподобность»: **яко же сказаеть о них Мефодий Патарийскый** (167).

Сходный сюжет находим под 1114 годом. Автор от первого лица рассказывает о своей поездке на север Новгородской земли — Ладогу, где велось строительство каменной стены. Сначала летописец выступает в качестве «послуха» ладожан: **Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане, яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, находять дѣти наши глазкы стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода** (197). Затем «чужой» рассказ пронизывается авторским субъективизмом: летописец из повествователя «перевоплощается» в участника события, рассказывает о своих действиях и внутренних ощущениях: **от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: «Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли»** (197). Интересно, что автор

описывает свои чувства с позиции неосведомлённого читателя, делает читателя равным ему с точки зрения наблюдения, и посредством такого приёма стремится показать необычность природных явлений, заставить читателя вместе с ним удивиться. Особую достоверность придают рассказу ссылки на реальных свидетелей: **Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкыи и вси ладожане** (197) и полемические выпады против сомневающихся: **Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа** (197).

На внутреннюю связь этих двух летописных статей указывали многие исследователи. А. Г. Кузьмин отмечал: «От первого лица он (автор — ОИ) сообщает о любопытной беседе с новгородцем. …Та же наивная вера в чудеса проявляется и в отступлении под 1114 годом — про ладожан»[104]. А. Л. Никитин видит здесь «прежнего Илариона с его живой тягой ко всему чудесному и необычному»[105]. Фраза о 4-х годах, использованная летописцем в рассказе о Новгороде и Ладоге (**яже слышах преже сих 4 лѣтъ**), позволила А. А. Шахматову и его последователю Д. С. Лихачёву сделать вывод о принадлежности этих текстов составителю третьей редакции ПВЛ, работавшему над летописью в 1118 году[106]. М. Х. Алешковский датирует эти тексты временем не ранее 1119 года и приписывает их какому-то третьему летописцу (не печерский монах и не Сильвестр)[107]. Современный немецкий исследователь Л. Мюллер сомневается в существовании третьей редакции ПВЛ и возможности безусловно верной датировки этих известий[108].

На наш взгляд, о принадлежности рассказов 1096 и 1114 гг. одному автору можно говорить с некоторой натяжкой. Действительно, в обоих случаях автор сообщает о себе от первого лица, описывает диковинные природные явления, использует свидетельства информаторов, ссылается на авторитетные источники, но в то же время как повествователь выступает с разных позиций: в рассказе о северных народах, заклёпанных Александром Македонским, — с точки зрения обладателя уникальной информацией, недоступной повседневеному опыту читателя, тогда как в рассказе о ладожских чудесах, наоборот, — с точки зрения неосведомлённого читателя, впервые прикоснувшегося к чуду. Впрочем, различия нарраторских[109] позиций могут быть обусловлены разными идеологическими задачами: в одном случае — убедить в реалистичности сведений, в другом — познакомить с «чудом».

Наиболее ценными и самыми упоминаемыми в ПВЛ информаторами летописца представлены Вышата и его сын Ян. Ян — единст-

венный информатор, удостоенный некрологической похвалы (ум. 1106 г.): **В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣт 90, в старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первых праведник.** Из некролога следует, что летописец лично был знаком с Яном и использовал его сведения в своём труде: **От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах.** Посмертная характеристика, в которой главное внимание уделено христианским добродетелям Яна, сближает его с высшими духовными лицами[110].

По мысли Д. С. Лихачёва, в задачу Вышаты и Яна входило напомнить о своих родственных отношениях с киевскими князьями[111]. По рассказам Яна, видимо, описан трагический поход Владимира Ярославича на Царьград, о чём свидетельствует уточнение, что Вышата был отцом Яна: **В лѣто 6551/1043. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вои многы, а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу** (103). Как отмечал П. П. Толочко, «в зените своей славы Ян Вышатич пребывал между 1089 г., когда он занимал должность киевского тысяцкого, и 1106 г., когда был воеводой великого князя Святополка Изяславича. К этому времени, видимо, и следует отнести запись его рассказа о подвигах отца»[112]. Довольно часто Ян упоминается в числе мужей смышлёных, дающих князю правильные, с точки зрения летописца, советы[113]. На участие в этих событиях Яна указывает авторское замечание: **И пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янь и прочии** (144). Д. С. Лихачёв отмечал: «Не может быть сомнения, что речи этих «смысленных людей» (1093 г. и др.) записаны летописцем со слов Яна Вышатича, пожелавшего заявить свое мнение в летописи от лица многих («Янь и прочии»), явиться выразителем «смысленных» людей, отстраненных Святополком»[114].

Как действующее лицо Ян фигурирует в летописной статье 1091 года в сюжете о «чудесах» Феодосия. Судя по летописным известиям, Феодосий любил семью Яна за то, что они с супругой пребывали в любви и жили по заповедям Господним, и часто их посещал, рассказывая о царствии небесном (139). Марии, супруге Яна, Феодосий предсказал, что после кончины она будет положена рядом с его останками, что и сбылось. Рассказ с предсказанием А. Г. Кузьмин считает написанным со слов Яна и сопоставляет с известием 1106 года, где сообщается о его смерти и о том, что летописец от него **многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь**[115]. А. Л. Никитин, отметивший сердечную близость автору (Илариону) Яна, называет и ещё одного информатора. Это «инок Николай, давний знако-

мец Илариона — князь Святослав Давыдович, внук Святослава, по прозвищу Святоша»[116]. В качестве вероятных информантов упоминают киевского боярина Чудина, о котором в летописи сообщается четырежды, разумеется, немалая роль должна принадлежать монахам Киево-Печерского монастыря.

Итак, доказательную принадлежность к летописным известиям обнаруживают только информаторы, самолично названные автором, а это: Ян, Исакий, Гурята Рогович, ладожский посадник Павел и другие ладожане (без указания конкретных имён). Некоторые информаторы, например Ян и Исакий, выступают в ПВЛ и как действующие лица. Тексты, основанные на свидетельствах исторических лиц, имеют устное происхождение, а их включение в летопись обусловлено стремлением автора к безусловно достоверной информации.

Выделяются следующие *характерные признаки* текстов с использованием свидетельств информантов:

- прямые сообщения автора о себе;
- использование местоимений и глаголов в форме 1-го лица ед. ч.;
- указание на реальных информантов;
- ссылки на авторитетные источники;
- полемическая запальчивость;
- субъективизм, эмоциональные реакции;
- выражение авторских позиций «послуха», самовидца;
- проявление полярных точек зрения: всезнающего повествователя, некомпетентного читателя.

4. Летописец — возможный очевидец, участник событий

Выделенная нами группа текстов, написанных с позиции вероятного очевидца события, аргументирована содержанием летописных статей, изобилующих такими подробностями, которые, казалось бы, могли быть доступны только непосредственному наблюдателю, а также особенностями изложения материала, характеризующимися авторской позицией включённости, наличием примет практической одновременности события и его письменной фиксации. Вместе с тем отсутствие высказываний от первого лица, прямых сообщений автора о себе не даёт полного основания для отнесения текстов к ранее обозначенной группе. Кроме того, большинство известий, обладающих признаками очевидческих текстов, удалены от времени работы средневекового книжника порой на несколько веков, имеют фольклорные истоки, поэтому затруднительно относить их на долю современника события. Возникло предложение назвать авторскую

позицию в таких случаях «фиктивным свидетельством», но всё ли мы знаем о способности устных источников сохранять информацию, да и всегда ли возможно исключить наличие письменных источников, близких по времени к изображаемым событиям? При этом следует подчеркнуть, что повествования, где автор не мог быть очевидцем, по характеристикам авторской позиции могут быть тождественны тем, где автор был очевидцем.

Эпизоды, в которых автор сообщает о событии с позиции очевидца, обнаруживаются ещё в ранних летописных записях и связаны, как правило, *с завоевательными походами, военными битвами, захоронением князей, перенесением мощей святых*. С этой точки зрения интересно описание военной операции 941 года, предпринятой Игорем против Византии. Текст заимствован из переводного источника — греческого Жития Василия Нового, но летописец передаёт детали события как непосредственный наблюдатель происходящего: **Съвѣщаша Русь, изидоша, въружившеся на греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша грьци. Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в лодьи и отбѣгоша. Феофанъ же сустрѣте ’я въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести: и тако прочии възъвратишася въсвояси** (33). Не вполне ясно, откуда греческий автор знает о совещании русских и кто произносит: **И бысть видѣти страшно чюдо.** Видимо, в данном случае мы имеем вкрапление русского летописца внутрь позиции греческого источника, и позиции иноземного (враждебного) очевидца и русского летописца начинают проникать друг в друга. Рассказы о событиях похода 941 года, по-видимому, сохранились в устном бытовании, на что указывают глагольные формы (**повѣдаху**, **рече**) и яркая образность сюжета: **Тѣм же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и о лядьнѣмь огни: «Яко же молонья,—рече,—иже на небесѣхъ, грьци имуть у собе, и се пущающе же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомь имъ** (33). Ещё ранее, в летописном сообщении 866 г. о походе Аскольда и Дира на Царьград, автор, опирающийся на греческие источники, с позиции иноземного очевидца описывает бесчинства «безбожных» соотечественников: **Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша**.

С позиции всезнающего повествователя описывается убийство Олегом в 882 году самозваных князей Аскольда и Дира.

Огромная временная дистанция между событием и временем составления записи не представляется автору труднопреодолимым препятствием, так как он умеет не просто излагать, а изображать события, делая их «близкими» и одновременно наглядными, представляемыми. Как живой свидетель, летописец наблюдает за передвижением Олега и его воинов, через реплики, движение и жесты персонажей передаётся реалистичная картина происходящего: **Аскольдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ»** (20). Напоминанием о давности события служат лишь хронотопографические ориентиры: **И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша 'и на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олъминъ дворъ** (20).

Аналогичная авторская позиция представлена в сюжете об осаде Киева печенегами (968 г.)[117]. П. П. Толочко, отмечая подробности рассказа, доступные только с близкого расстояния, убеждён, что рассказ написан по горячим следам автором-очевидцем[118]. Указывает на это осведомлённость летописца в такой зрительной по восприятию детали, как «свержение» юношей-киевлянином «порток» перед прыжком в Днепр (47). Аналогичные примеры исследователь находит в статье 971 года, где подробно описана балканская кампания Святослава; в сюжете об убиении Бориса (названы по именам убийцы); в описаниях битв у Любеча, на Летском (Альтском) поле, у Листвена; в рассказе о подготовке похода 1018 года на Киев и т. д. По мысли исследователя, «автор не пересказывает событие давно минувших дней, а как бы живёт в нём»[119]. То, что летописец изображает прошлое с позиции настоящего, «видит» и отмечает детали события, даёт возможность читателю стать соучастником происходящего, ещё не означает реального, живого авторского участия. Перед нами — литературное произведение, пусть и историческое, описывающее действительные события и ситуации, но не лишённое свойств собственно художественного текста. Поэтому, на наш взгляд, корректнее говорить об особенностях изложения материала, чем предполагать письменную фиксацию бытовавших в фольклоре сюжетов современниками Олега или Игоря Рюриковича. Такие особенности летописного изложения А. А. Шайкин определяет как «художест-

венное настоящее», или «изобразительное настоящее», когда «действие, происходящее в прошлом, изображается, как происходящее сейчас»[120]. В более ранней публикации, посвящённой проблеме времени в «Повести временных лет», исследователь обозначает такой тип или аспект времени как «эмпирическое время, время наблюдателя, очевидца, повествователя»[121].

В рассказе о походе Олега на греков 907 г. А. А. Шайкин определяет позицию летописца как позицию «*внутри события*», при которой он «словно воочию видит», как **выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другана же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху** (24). Как и в предыдущих описаниях греческих походов, здесь «характер изображения имеет форму свидетельства очевидца, и авторская позиция… не отличается от той, какая присутствует при изложении ситуаций, несомненно, местного происхождения»[122].

Как самовидец вооружённого столкновения с печенегами под Киевом (1036 г.), летописец детально описывает расстановку войск Ярославом[123]. О временной дистанции между событием и его описанием свидетельствуют темпоральные ориентиры: **Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, иде же стоить нынѣ святая Софья, митрополья руська: бѣ бо тогда поле внѣ града** (101—102). В формульном описании битвы встречаем указание на время её завершения, которое не обязательно относить к клише: **И бысть сѣча зла, и едва одолѣ к вечеру Ярославъ** (102).

Столь же фактологически точно и подробно описан поход Владимира Ярославича на Царьград (1043 г.)[124]. Есть основания полагать, что рассказ написан со слов либо Вышаты, который являлся одним из действующих лиц этой истории, либо его сына — Яна, о знакомстве с которым летописец впоследствии неоднократно упоминал. Косвенным указанием на время составления летописной записи служит временной ориентир освобождения Вышаты из греческого плена: **По трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу** (104). То, что летописец забегает вперёд, нарушая хронологические рамки, свидетельствует о его способности обозревать совокупность событий[125].

Описание битвы на Немиге и последовавшие за ней события 1067 г. отличает точная хронология: **И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день; По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше кресть че-**

стный къ Всеславу (112). Летописец знает, в каких тяжёлых погодных условиях Ярославичам пришлось собирать войско против Всеслава: **Ярославичи же трие,—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ**; во время решающего боя выпал **снѣгъ великъ** (111—112). «Художественное настоящее» с особой явственностью проявляется в эпизоде крестоцелования: рисуется живая картина происходящего, на изобразительную сторону которой уже обращалось внимание[126].

С позиции объективного наблюдателя описан Киевский мятеж 1068 года. Создаётся ощущение, что автор находился рядом с Изяславом и своими глазами наблюдал за происходящим: **Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со князем, стояще долѣ** (114). Указание «**стояще долѣ**» с особой очевидностью отражает авторскую позицию «рядом с князем», передаёт точку зрения человека, наблюдающего за толпой сверху. В следующий момент автор последовательно окидывает взглядом всех участников события: сначала обращает взор на князя, который озабоченно всматривается в толпу: **Князю же из оконця зрящю**; затем отмечает расположение дружины: **и дружинѣ стоящи у князя** и, наконец, останавливается на конкретном персонаже, Тукы, брате Чудина, который обращается к Изяславу с предложением: «**Видиши, княже, людье възвыли; посли, атъ Всеслава блюдуть**». Но наблюдательный повествователь находится «внутри события», и это даёт ему возможность «видеть» на 180 градусов, поэтому он без особого труда фиксирует одномоментные события: **И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ** (114). Автор ещё рядом с князем, он передаёт предостерегающие слова дружины: «**Се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть 'и мечемь**» (114). Затем, привлекаемый людскими криками, переводит взгляд сверху вниз на бунтующую толпу. И снова обращает взор на Изяслава, который **се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора** (114). В дальнейшем описании автор всё ещё находится «внутри события», но меняется его физическая позиция. Теперь он не «рядом с князем», а «вне князя и его окружения». Поэтому о последствиях бунта летописец сообщает с позиции стороннего наблюдателя[127].

Автор статьи 1069 года знает о тайном побеге Всеслава, о переговорах киевлян с Всеволодом и Святославом[128]. В идеологическом аспекте эта погодная запись отражает взгляд киевлянина на события и поведение князей. Киевляне ставят князьям условие: «…**аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим вь Гречьску зем-**

лю»; те в свою очередь их утешают: **И утѣшиста кыяны**. Сочувствие к киевлянам и одновременно упрёк в адрес Мстислава сквозит в строках, повествующих о наказании бунтовщиков[129]. Вместе с тем киевляне демонстрируют способность к всепрощению, поэтому встречают Изяслава с поклоном; не могут они смириться только с присутствием чужаков: **и избиваху ляхы отай** (116). С позиции очевидца описаны действия Изяслава, обусловленные просьбой младших братьев: **То слышавъ Изяславъ остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мьстислава Кыеву** (116). Приметы живого свидетельствования закреплены в описании карательной акции Мстислава: представлены конкретные меры наказания, количество потерпевших.

Реалистично нарисована картина первого междоусобного конфликта между Ярополком и Олегом (977 г.). Эффект присутствия создают живые подробности при описании бегства Олега[130]. Читатель словно воочию наблюдает за давкой на мосту, за тем, как в панике, пытаясь спастись, люди толкаются и падают в ров, другие гибнут под копытами охваченных страхом коней. С отвратительными подробностями описаны последствия братоубийственной битвы: **и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трупья, вынесоша 'и, и положиша 'и на коврѣ** (53). Особую достоверность в сочетании с субъективно-эмоциональным колоритом придают рассказу реплики персонажей. Это свидетельство очевидца события: **И рече единь деревлянинь: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту»** и гневный упрёк в адрес подстрекателя: **И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свеналду: «Вижь, сего ты еси хотѣлъ!»** (53). По замечанию А. А. Шайкина, «такие детали «изымают» событие из своего времени и предъявляют читателю, как нечто происходящее на глазах, хотя объективно событие остаётся в своём времени: **И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего** (53)»[131]. Замечание можно распространить и на сцену гибели Ярополка: автор, внимательный к деталям, передаёт, как в точности произошло убийство князя[132].

В описании гибели Мстислава Святополковича (1097 г.) летописец вначале погружает читателя в атмосферу боя, отмечая интенсивность, с которой враждующие стороны выпускали друг в друга стрелы: **и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, акы дождь** (180). Затем в поле зрения оказывается князь, готовящийся в очередной раз выстрелить в противника. Намерение Мстислава, оформленное сло-

вами «**хотящю стрѣлити**», будто на мгновение останавливает бой, и Мстислав застывает в позе стреляющего. Но **внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на забороле́хъ, сквозѣ дску скважнею** (180). Наречие «**внезапу**» возвращает к действительным событиям, а подробное описание ситуации делает сцену зрительно представляемой, доступной для восприятия. Воображение помогает дорисовать, как князя, раненого **подъ пазуху**, подхватывают воины и уводят с места сражения: **и сведоша 'и**.

На возможную причастность автора к процессу захоронения русских князей указывают подробности изложения. Летописец оказывается знатоком тайного переноса тела Владимира в церковь святой Богородицы[133]. Описание последних дней жизни Ярослава Мудрого указывает на человека из окружения Всеволода, который делает акцент на заслугах князя. Отмечает особое расположение к нему отца: **Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемь паче всея братьи, его же имяше присно у собе** (108). С позиции живого свидетеля описывается похоронная церемония, и здесь Всеволод вновь представлен её центральным участником[134]. Назван князь первым и в числе плачущих (109). Очевидческие наблюдения закреплены в описании места захоронения Изяслава Владимировича[135].

Насыщенной детализицией выделяется рассказ об убийстве половецких послов Кытана и Итларя с чадью. Автор подробно описывает преступление с момента подготовки до реализации задуманного. Он воссоздаёт точную хронологию событий (вплоть до часа — **заутрени сущи годинѣ**), повествует о каждом шаге, предпринимаемом Владимиром и его дружиной. С точки зрения внешнего наблюдателя описывается расправа над половцами: **И яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша верхъ, и тако Ольбегъ Ратиборичь приимъ лукъ свой и наложивъ стрелу, удари Итларя в сердце и дружину его всю избиша** (149). Итоговая фраза содержит элемент оценки: **И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день** (149). На первый взгляд создаётся ощущение сопереживания, авторского сочувствия к невинно казнённому Итларю, но аналог-контекст убеждает в обратном. Теми же словами описаны последние мгновения из жизни Святополка Окаянного: …**прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте** (98). Сближение Итларя с злодеем

Святополком, пусть даже на уровне лексики, — свидетельство негативного авторского отношения к объекту описания.

Рассказы о перенесении мощей святых Бориса и Глеба содержат фактологические детали, которые могли быть известны только очевидцу событий. Церемония перенесения мощей 1072 года отмечена авторским присутствием. Создаётся впечатление, что летописец своими глазами наблюдал за происходящим. Он подробно описывает всех участников процессии и их действия. Отмечает, что Ярославичи возложили гроб на плечи: **И вземше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя понесоша**. Возглавили процессию черноризцы со свечами в руках, за которыми следовали дьяконы с кадилами, пресвитеры, епископы и митрополит. Князья с гробом замыкали торжественную процессию (121). Летописец фиксирует не только действия, но и запахи, которыми наполнилась церковь в момент открытия раки: **И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня благы; видѣвше же се, прославиша Бога** (121). В числе наблюдавших чудо и прославлявших Бога нетрудно разглядеть самого автора. Он знает о том, что митрополит упал ниц и начал просить прощение: **И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья** (121). От самовидца не ускользнула и такая деталь, как застрявший в дверях церкви гроб Глеба[136]. Впрочем, не исключаем, что перед нами клишированная агиографическая ситуация. И тогда сомнения митрополита приобретают церемониальный характер, а застрявший гроб Глеба следует рассматривать как реальную деталь, понимаемую символически.

Столь же реалистично описана церемония второго перенесения мощей святых (1115 г.). Автор-очевидец создаёт живую картину события. Он отмечает огромное количество людей из народной среды и поимённо называет церковнослужителей, собравшихся на торжественное мероприятие (199). Очень скрупулёзно, точно боясь упустить из виду малейшие подробности, летописец описывает расстановку и действия всех участников грандиозного события[137]. Дальнейшее описание также принадлежит автору-наблюдателю, причём находящемуся в эпицентре события[138]. Начавшиеся беспорядки (люди поломали переносную ограду и мешали везти раку) вызывают у автора эмоциональные оценки: **И не бѣ лзѣ вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху градъ и забрала, яко страшно бяше видити народа множество.** Глагол «смотреть» указывает на зрительное восприятие ситуации. Многочисленность собравшихся подчёр-

кивается в эпизоде с раздачей княжеских даров: **И повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволокы, орници, бѣль, розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ**. Не совсем понятно, чьи ощущения передаёт автор, говоря о сильно налегавших людях, личные или сторонние, однако есть основания полагать, что автор находился в непосредственной близости от раки с мощами, на что указывают подробности установки раки в церкви, доступные только очевидцу: **быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви** (199). О том, что летописец сопровождал князей и во время перенесения мощей Глеба, свидетельствует описание спорной ситуации, возникшей между представителями разных княжеских ветвей по поводу места установления рак с мощами святых. Документальность придают рассказу прямая речь персонажей, подробное описание намерений князей и последующей их реализации, сцены жеребьёвки.

Итак, тексты, написанные с позиции возможного очевидца (участника) событий, характеризуются:

- отсутствием «*аз-позиции*»;
- объективированным повествованием;
- авторской позицией «*внутри события*»;
- наличием разноплановых точек зрения (реального участника, самовидца, внешнего, объективного наблюдателя);
- использованием приёма изложения — «художественное настоящее»;
- фактологической точностью; детализацией изображаемого;
- оценочностью, субъективной реакцией на происходящее.

5. Знамения как свидетельства очевидца

Летописцы, уделявшие пристальное внимание документированию событий, вносили в летопись сведения об экстремальных природных явлениях, основанные, как правило, на собственных наблюдениях или полученные от информаторов из других земель. К ним относятся рассказы о затмениях, кометах, полярных сияниях, грозах, жаре, голоде, граде, землетрясениях, нашествиях саранчи, необычном поведении животных и птиц. Все явления фиксировались либо по горячим следам, либо по истечении небольшого промежутка времени, на что указывают устойчивые формулы «**В си же времена**».

С формулы «**В си же времена**» начинаются летописные сообщения 1065 г. о знамении в виде великой звезды и о ребёнке-уродце, которого рыбаки выловили из реки Сетомли. С позиции объективного наблюдателя летописец описывает то, как выглядела звезда, в какое

время суток её можно было увидеть и сколько дней знамение продолжалось[139]. В рассказе о ребёнке-уродце автор от своего имени удостоверяет событие: **В си же времена бысть дѣтищь вверьженъ в Сѣтомль; сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша 'и в воду.** Очевидческие наблюдения закреплены в описании внешнего вида «детища»: **Бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради** (110). Интересно, что явление уродца описано в целом ряду зловещих знамений, напрямую вытекающих из предшествующего события — **В се же лѣто Всеславъ рать почалъ** (110)[140]. Природные аномалии на солнце, появление уродца в реке — следствие новых бед и несчастий: **Знаменья бо въ небеси, или звѣздах, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не на благо бывають** (111). Неслучайно, что уродца выловили из реки, так как река — мифологическая граница между миром живых и миром мёртвых. Проникновение представителей мира мёртвых в среду живых людей осознаётся летописцем как грозное предзнаменование будущих трагических событий: **знаменья сиця на зло бывають, ли про явленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють** (110).

Если лично наблюдаемые природные явления требуют повышенного внимания и осмысления, то предсказаниям волхвов летописец не доверяет. В рассказе о киевском волхве, предрекавшем перемещение земель и прочие катаклизмы, на это указывает данная по ходу повествования оценка: **В си же времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ** (116). К волхвам, кудесникам и иным язычникам как противникам христиан и православной церкви вообще, действующим «по дьявольскому наущению», на всём протяжении ПВЛ прослеживается однозначно негативное отношение. Они внезапно появляются и также неожиданно и бесследно исчезают (**въ едину бо нощь бысть без вѣсти**), что лишний раз свидетельствует об их связи с нечистой силой.

Личные впечатления самовидца находят подтверждение в свидетельствах иных лиц, и автор стремится подчеркнуть общедоступность, а, следовательно, реальность знамений[141]. Падение в 1091 г. с неба «превеликого змея», ужаснувшее людей, сопровождалось таким звуком, который **мнози слышаша** (141). Знамение 1028 г. в виде змея могли наблюдать из разных точек земли: **Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли** (101). «Весь мир» мог видеть огненный столп над Печерским монастырем[142], но объективности ради летописец отмечает, что так бывает не всегда: **бывають знаменья въ солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но**

в которой любо землѣ аще будеть знаменье, то та земля и видить, а ина земля не видить (196).

Автор-очевидец стремится описать знамение как можно точнее, понятнее, и в этом ему помогают сравнения. Маленькое солнце напоминает месяц: **В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день** (141). Знамение в небе 1092 года, **яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ** (141). Подробное описание небесных явлений 1102 г. делает их для читателя представляемыми, зрительно воспринимаемыми[143]. Ещё большую документальность придают сообщениям точные указания на время и длительность «проявлений». С этой точки зрения показательно знамение 1104 г., в котором встречаемся с поразительно точным описанием астрономических явлений[144].

Когда автор сообщает об экстремальных природных явлениях, сомнений в их подлинности не возникает. Так происходило раньше, так происходит и сейчас: в небе фиксируют солнечные и лунные затмения, над землей пролетают кометы, падают метеориты и т.д. Но некоторые летописные записи могут вызвать у современного читателя сопоставление с нынешними «быличками» об аномальных явлениях. Речь идёт о явлении бесов в 1092 г. в Полоцке, изображенных в той же документальной манере: **Предивно бысть чюдо Полотьскѣ въ мечтѣ: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси**. Об опасности, исходящей от бесов, летописец рассказывает, как о лично пережитом[145]. Следующие строки демонстрируют взгляд самовидца: **Посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта**. Но дальнейшее повествование не отвечает позиции «внутри события». О полочанах летописец начинает говорить со стороны, отделяя себя от них: **и тако уязвляху люди полотьскыя и его область**. Об авторской позиции «вне события» сигнализирует ссылка на информаторов, сообщающих, **яко навье бьють полочаны** (141). Таким образом, в рамках одного летописного сообщения переплетены разные точки зрения, и это делает рассказ нагляднее, объёмнее, содержательнее.

В некоторые рассказы о знамениях, особенно поразивших воображение книжника, проникают субъективно-эмоциональные высказывания. Таково, например, сообщение о налете саранчи 1094 г. **за грѣхы наша** (148). Указание на отсутствие аналогов в прошлом свидетельствует о необычности, уникальности события, и этим оно потрясает очевидца[146]. Еще больше конкретики в выражении чувств по-

является при описании второго нашествия саранчи: **В се же лѣто** (1095 г.) **придоша пругзи, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ, ядуще траву и проса** (150). Впоследствии аналогичное авторское высказывание будет использовано в рассказе о втором перенесении мощей святых Бориса и Глеба для передачи впечатления от множества людей: **яко страшно бяше видити** (199). Возможно, летописец, писавший статью 1115 года, видя массы, сметающие все на своем пути, помнил о набеге саранчи 1095 г. Если это так, то это свидетельство «не фрагментарного», а скорее образного мышления.

Итак, характерными признаками очевидческих текстов о природных явлениях являются:

- выражение авторской позиции самовидца;
- подробности при описании природного явления;
- точные указания на время и длительность «проявлений»;
- апелляция к свидетелям для утверждения общеизвестности факта: **яко видѣти всей земли** (101), **и весь миръ видѣ** (187), **яко мнози слышаша** (141);
- эмоциональные отклики, выраженные предикативными наречиями состояния: **и бѣ видѣти страшно** (150).

Общие выводы главы: Анализ очевидческих текстов наглядно продемонстрировал высокую степень авторского присутствия в ПВЛ. Эпизоды, содержащие прямые сообщения автора о себе, написанные участником и очевидцем происходящего, с использованием свидетельств информаторов характеризуются авторской позицией включённости, субъективности, или «*аз-позицией*». Позиция «*внутри события*» характерна для текстов с объективированным повествованием. Структура очевидческих текстов обусловлена степенью авторской включённости в повествование и представляет собой, как правило, чередование (или взаимопроникновение) текстов автора-объективного повествователя и автора-очевидца (участника), что делает возможным в некоторых случаях предположить отнесённость их к разным летописцам.

Основная масса очевидческих текстов встретилась на отрезке от середины до конца ПВЛ, где описаны события XI — начала XII вв., что может свидетельствовать о времени работы летописца, близком изложенным событиям, и механизме летописания по горячим следам, или по принципу дневника. Большинство авторских экспликаций обнаруживает связь с Киево-Печерским монастырём и именем Феодосия Печерского, показывает повышенный интерес автора к различ-

ным чудесам (в Ладоге и Новгороде) и экстремальным природным явлениям. Очевидные противоречия летописных текстов с прямым сообщением автора о себе и в связи с трактовкой знамений представляется возможным объяснить результатом работы разных летописцев, а также следствием многократных переписок текста ПВЛ в течение XII — XV вв.

Общими признаками очевидческих текстов являются:

- прямые сообщения автора о себе;
- высказывания от 1-го лица;
- «корыстные» самоупоминания;
- полемическая запальчивость;
- субъективно-эмоциональные отклики на происходящее;
- фактологическая точность, детализация изображаемого;
- апелляция к свидетелям для утверждения достоверности/ложности факта;
- «художественное настоящее» как форма авторского присутствия.

Для наглядности представим разряд очевидческих текстов в виде таблицы.

ГОД*	ЭПИЗОД
866	Поход Аскольда и Дира на Царьград
882	Убийство Олегом Аскольда и Дира
911	Знамение (звезда в виде копья)
912	Рассказ о смерти Олега Вещего
941	Поход Игоря на Византию
945	Рассказ о мщениях Ольги
971	Балканская кампания Святослава, рассказ об испытании Святослава дарами
977	Рассказ о первом братоубийственном междоусобье
980	Убийство Ярополка
988	Рассказ о крещении и браке Владимира в Корсуни
996	Посещение Владимиром церкви Пресвятой Богородицы
1015—1016	Тайный перенос тела Владимира; об убиении Бориса; битва у Любеча
1018	О подготовке похода на Киев
1019	Битва на Альтском поле
1028	Знамение в небе в виде змея
1036	Осада Киева печенегами
1043	Поход Владимира Ярославича на Царьград

Окончание табл.

ГОД*	ЭПИЗОД
1051*	Прямое сообщение автора о себе (в возрасте 17 лет пришёл в Печерский монастырь и был принят Феодосием)
1054	Смерть Ярослава
1063	Знамение (обратное течение Волхова)
1065*	Знамение в виде звезды; о ребёнке-уродце, выловленном из Сетомли
1067—1069	Битва на Немиге; киевский мятеж
1071	О киевском волхве
1072	1-е перенесение мощей св. Бориса и Глеба
1074*	О печерских подвижниках
1091*	О перезахоронении мощей Феодосия Печерского; похвала Феодосию; знамения на солнце и в небе (упал змей с неба)
1092	Знамения (видение в Полоцке; на небе; засуха; болезни)
1093*	Прямое сообщение автора о себе в новом развитии темы о казнях Божиих
1094	Знамение (саранча)
1095	Знамение (саранча); убийство половецких ханов Итларя и Кытана
1096*	О нашествии Боняка на Печерский монастырь; о северных народах, заклёпанных Александром Македонским; о месте захоронения Изяслава Владимировича
1097*	Повесть об ослеплении Василька Теребовльского; смерть Мстислава
1100	Съезд русских князей в Уветичах
1102	Знамения в луне и солнце
1103	Знамение (саранча)
1104	Знамение в солнце и луне
1106*	О кончине Яна
1107	Знамение (землетрясение)
1108	Знамение (наводнение)
1110*	Приписка Сильвестра; знамение в Печерском монастыре
1113	Знамение на солнце
1114*	О чудесах в Ладоге
1115	2-е перенесение мощей св. Бориса и Глеба; знамение на солнце

* годы, помеченные звёздочкой, сигнализируют о сообщениях, с большой долей вероятности принадлежащих автору-участнику или очевидцу события, на что указывают прямые сообщения автора о себе, высказывания от 1-го лица, субъективные оценки, отсылки к информантам; остальные сообщения, обладая признаками очевидческих текстов, характеризуются условной отнесённостью на долю автора-самовидца.

Глава 2

ЛЕТОПИСЕЦ — КОММЕНТАТОР

1. Комментирование событий

Основной массив повествования в ПВЛ, за исключением прямой речи персонажей, является авторским. Основная позиция автора — позиция объективного, хотя и не всегда беспристрастного, повествователя о событиях[147]. Летописца интересует «что было», или, как он сам выражается, — «**скажемъ, што ся здея в лѣта си**» (17). Ещё М. И. Сухомлинов отмечал, что основной объект внимания летописца — СОБЫТИЕ, а человек его интересует лишь как участник события: «Передавая различные события, летописец сообщает сведения и о лицах, принимавших участие в этих событиях»[148]. Сходные мысли высказывают современные исследователи. А. А. Пауткин считает, что летописцев «прежде всего интересовали события и поступки, а не состояния и признаки»[149]. В. В. Кусков отмечает: «В центре внимания летописца — событие…»[150]. М. Х. Алешковский уверен, что «…автор на самом деле занят не воссозданием биографии того или иного князя, а воссозданием своеобразной биографии событий»[151].

а) комментирование прошлых событий

Большинство событий, описанных в ПВЛ, это события прошлого по отношению к авторскому времени. Возникает вопрос, что заставило книжников в XI — XII веках обратиться к истории Русской земли и истории своего государства? В качестве одной из причин указывается на стремление «разобраться, понять, отчего утрачивалось былое могущество, отчего немирно стало в Русской земле и половцы приходят с победами. Для этого надо было вспомнить, какой была Русь при старых князьях, «отцах и дедах, иже стяжали Рускую землю»[152]. По мнению И. П. Ерёмина, «летописец писал её (ПВЛ. — О. И.) в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей, что они не только найдут в ней необходимую моральную поддержку, но и воспользуются её уроками как руководством к действию, как учебником поведения в практике своей повседневной государственной деятельности»[153]. Таким образом, историческое знание привлекалось для поучения современных князей разумному, мудрому управлению государством. По ходу работы над текстом летописи «зрел интерес к своей истории как таковой — было заманчиво осмыслить путь, пройденный русским народом, и подвести ему итоги»[154].

Образцами для подражания и одновременно историческими источниками древнерусским книжникам служили греческие хроники и тексты Священного Писания[155]. Из них летописцы почерпнули не только важные сведения по всемирной истории, но и сам принцип изложения материала — от библейских времён[156]. Правда, в обращении к библейскому материалу древние авторы проявили самостоятельность и трезвый прагматизм, начав историю славян не с «сотворения мира», как было принято в сочинениях средневековья, а с послепотопного времени, когда сыновья Ноя поделили между собой землю: **По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ** (9) [157]. В связи со стремлением к универсальности летопись Русской земли не могла начаться без включения во всемирную историю, начиная с Творения или Потопа. Бытие Русской Земли — это продолжение истории единого земного царства: «…идея, основанная на убеждении в вечной повторяемости исторических событий, так что в сущности одно и то же всегда возобновляется…»[158].

В процедуре дележа земли между братьями отразилась любимая политическая доктрина летописцев — не преступать чужих пределов, довольствоваться своей территорией, своим жребием: **Сим же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, и живяхо кождо въ своей части** (10). В этом летописцы видели благополучие и процветание своей земли. Именно поэтому мотив разделения земель и запрета вступать в чужие пределы декларируется автором ПВЛ на протяжении всего повествования. На отдельных возвышенностях «сидят» братья Кий, Щек и Хорив, от которых произошли поляне[159]. Независимы друг от друга Рюрик, Синеус и Трувор, о которых повествуется в связи с призванием варягов (862 г.). За каждым закреплён отдельный населённый пункт, а миссия по раздаче городов возлагается на старшего в роде Рюрика: **И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады** (18). Своеобразной границей между территориями братьев Ярослава и Мстислава становится по мирному соглашению Днепр: **И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону** (100). Важнейшая политическая идея является основополагающей в прижизненном наставлении, данном Ярославом Мудрым своим сыновьям: «**пребывайте мирно, послушающе брат брата**…» (108). Ярослав учит сыновей любви, которая обязательна между братьями, так как является залогом Божьей милости и победы над врагами. Наставление заканчивается традиционным дележом и «договором» между братьями: **И тако раздели имъ грады,**

заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня (108). К теме запрета вступать в чужие пределы летописец возвращается в связи с распрями, возникшими в семействе Ярославичей. И здесь уже дана моральная оценка ситуации: **Велий бо есть грѣх преступати заповѣдь отца своего** (122).

Неслучаен в ПВЛ и библейский сюжет о «вавилонском столпотворении», который разъясняет происхождение славянского языка: **От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне** (11). По этому поводу А. А. Шайкин замечал: «…ни впечатляющая история Потопа, ни сама по себе история строительства Вавилонской башни не интересуют летописца и в повествование не попадают, летописец лаконичен и прагматичен: он излагает только то, что прямо выводит его к цели повествования — **откуду есть пошла русская земля**. Никакой акцентируемой эсхатологии, какую усматривает в замысле и названии ПВЛ И. Н. Данилевский, в приведённых сюжетах нет[160]. При анализе поэтики и семантики летописного рассказа о вавилонском столпе А. С. Дёмин обращает внимание на экспрессию летописца. На его взгляд, «летописец усвоил отрицательное отношение к вавилонскому столпу из своих источников, но подменил объяснение: вавилонский столп был неприятен оттого, что его возводили нарушители братского договора», а не по причине «непослушания людей Богу»[161].

Библия помогает перейти к собственно истории славян[162]. Комментируя летописные страницы, излагающие расселение славян, исследователь замечает: «Поражает и то, с какой лёгкостью и как бы единообразностью летописцы оперируют огромнейшими территориями от Моравии и Чехии до Ильмень-озера — всё это единая ойкумена славянского мира»[163]. Прекрасные географические знания летописцы демонстрируют и в географической статье, называемой описанием пути «Из варяг в Греки»[164]. Эпизод о речных путях, связывающих славянскую землю с иными странами, обслуживает идеологическое задание: показать открытость славян для общения с иными народностями, их взаимодействие с окружающим миром. В. О. Ключевский отмечал: «Всего важнее в своде идея, которую в нём освящало начало нашей истории: это идея славянского единства. Составитель потому так и занят этнографией, что хочет собрать все части славянства, указать их настоящее международное место и найти связи, их соединяющие. …Замечательно, что в обществе, где сто лет с чем-нибудь назад ещё приносили идолам человеческие жертвы, мысль уже училась подниматься до сознания связи мировых явлений»[165].

Характеризуя особенность древнерусской идеологической мысли, В. С. Горский высказал капитальную идею о направленности интереса древнерусских книжников к злободневным вопросам политической жизни, отсутствии «у них склонности к абстрактным вне связи с осмыслением актуальных задач общественного бытия философским размышлениям. Отсюда и новое в творчестве представителей древнерусской философской мысли обнаруживается по-преимуществу *не в создании абстрактных всемирно-исторических схем, а в процессе истолкования их сообразно конкретным политическим задачам* (курсив наш — ОИ), которые преследовал тот или иной деятель культуры»[166].

Комментируя события прошлого, автор стремится обозначить к ним своё отношение. Внутренние распри между отдельными славянскими племенами («родами») в погодной записи 862 года подлежат моральной оценке: **Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся** (18). «Правда» в этом контексте — понятие достаточно широкое: справедливость, законность, порядок[167]. Но можно ли считать, что это оценка современника событий? Скорее здесь проявляется взгляд позднейшего историка, знающего ужасы внутренних межкняжеских войн, — именно с его точки зрения, учитывающего опыт последних десятилетий XI в., в изгнании варягов, противоборстве «законной» власти и межплеменной борьбе не было «правды».

Ещё раньше, в недатированной части ПВЛ, выявляется «furпрополянская» настроенность летописца. Он подчёркивает, что поляне живут как библейские родоначальники[168]. При этом они противопоставляются племенам, живущим «зверинским» образом, как наиболее культурное, соблюдающее «закон Божий» ещё до своей христианизации племя[169]. Такое противопоставление могло иметь смысл только для современника, а не летописца XI — XII веков, активно и последовательно отстаивающего общерусские интересы. Выделенность полян мог актуализировать автор, близкий династии Кия[170]. Н. И. Костомаров писал: «Кажется, что у составителя этой повести было какое-то сказание о судьбе Полян, которое у него, а может быть, у его переписчиков впоследствии разорвалось и перебилось с другими частями»[171]. Этими полянскими записями воспользовался позднейший печерский летописец, проявивший себя введением христианского критерия в оценку нравственного облика славянских племен: **Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своих**. …**Мы же хрестияне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, и въ**

едино крещенье, въ едину вѣру, законь имамь единь, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся (16). В этих фрагментах уже прямо проявляется лицо летописца-христианина, взирающего на прошлые языческие («поганские») времена. Употребление местоимений в форме 1-го л. мн. ч. есть, на наш взгляд, выражение общей «*мы-позиции*», которая включает в себя и «*аз-позицию*», сливается с ней.

В рассказах об обрах и о хазарской дани имеет место явно привнесённая из времени христианского летописца идея о Божьем промысле, сохраняющем славян на последние времена, несмотря на отдельные успехи их врагов (также как привносится христианский критерий в нравственные оценки племён): **Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомь горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ объринъ** (14). Обров истребил Бог, хазары теперь по Божьему промыслу платят дань русским князьям, сгинули печенеги, а Русь стоит[172]. На отнесённость этих эпизодов позднейшим летописцам указывал А. А. Шайкин[173].

В истории о посещении Руси апостолом Андреем летописцу потребовался взгляд со стороны, «иностранца»[174]: **И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ** (12). В способности летописца смотреть на своих, как на чужих В. М. Живов видит «известное раздвоение личности, а следовательно и двойственное самосознание. …Один план этого двойственного самосознания можно назвать этническим или этнополитическим («славянство», «Русская земля»), другой же, видимо, можно определить как универсалистский или универсалистско-христианский, оперирующий понятиями религиозными и цивилизационными»[175]. «Универсалистский» план, или компонент «двойственного» сознания исследователь связывает с усвоением летописцем византийской историографической схемы мировой истории, восходящей к Библии. Но и тут летописец адаптирует заимствованную схему к своим реалиям: история славянства — это не история царств (империй), а история родов и племен, народов[176].

С легендой об апостоле Андрее тесно связан рассказ о происхождении Киева от Кия[177]. Исторические изыскания обслуживают идеологическое задание. Автор стремится подчеркнуть высокое положение Кия, поскольку с его именем связано название главного города на Руси. Замечательно, что киевский летописец не стремится прямо обозначить своих оппонентов-новгородцев, он как бы объективно полемизирует только с неверной точкой зрения, не оговаривая, кому она принадлежит[178]. Для читателей-современников, видимо, не

составлял секрета адресат полемических выпадов («не сведущих»). Прополянская настроенность сохранилась в летописи, видимо, потому, что совпала в какой-то мере с киевской ориентацией создателей ПВЛ[179]. Полемика с «не сведующими» противоречит утверждениям Е. В. Душечкиной о господстве в летописи «монологической» точки зрения[180]. В своих размышлениях исследовательница опирается на теоретические работы Ю.М. Лотмана, который полагал, что в летописи «…единство точки зрения достигалось тем, что летописец излагал не свою личную позицию, а полностью отождествлялся с традицией, истиной и моралью. Только от их имени он мог говорить»[181]. Однако в самой традиции, от имени которой автор выступает, есть разные версии о Кие, о месте крещения Владимира, и летописец должен каждый раз производить выбор, аргументируя его.

Идеологическое задание обслуживает и внесённая летописцем в ПВЛ легенда о призвании варягов, поскольку, как верно заметил А. А. Шайкин, «она позволяла найти единого предка всем русским князьям, провозгласить их кровное единство. А это уже теснейшим образом сопрягалось с главной политической доктриной летописцев о необходимости единства и дружбы между князьями как основе благополучия государства — доктрина эта тем самым находила дополнительное основание в кровнородственной связи всех русских князей, произошедших от единого предка»[182].

Примечательно в плане авторского проявления описание военного похода Аскольда и Дира на греков 866 года. Прямо авторская позиция здесь не представлена, так как весь текст заимствован из греческого источника и отражён в нём взгляд греческого автора. Но летописец-христианин ярко проявляет себя принципом отбора материала и внесением его в летопись. Христолюбивые греки оказываются летописцу «ближе» «безбожных русских» времён Рюрика, и он сохраняет точку зрения греков на событие, хотя для этого русских пришлось изобразить в неприглядном свете: **Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша** (19). В. М. Живов полагал, что из византийских источников летописец заимствует саму схему (методологию) оценки. Но если Амартол критически описывает и оценивает варваров, населяющих периферию цивилизованного пространства, а то и вовсе находящихся за его пределами, то древнерусский книжник «переносит» критерии оценки «на свою землю, т.е. на пространство для него в высшей степени освоенное, на те племена, чью историю он собирается излагать. Свое (этноцентрическое, племенное) оказывается варварским, из чего следует, что автор принимает чужую точку

отсчета, точку зрения византийца, взирающего из столицы мира на Великую Скуфь. И здесь мы вновь видим раздвоенное самосознание, два плана которого сталкиваются в конфликте»[183]. Языческая, безбожная Русь не в состоянии (ещё не пришло её время) противостоять христианской Византии: **безбожныхъ Руси корабли смяте, и к берегу приверже, и изби я́, яко мало их от таковыя бѣды избѣгнути и въ свояси возъвратишася** (19). Идеологически сообщение об этом походе соотносится с будущими военными битвами русских. Молитвы помогают грекам одолеть русских захватчиков, как впоследствии, с принятием христианства, они помогут русским справиться с иноплеменниками.

В 907 году аналогичный поход на Царьград предпринимает Олег. И летописец, как и в предыдущем сообщении, занимает византийскую (универсалистско-христианскую) точку зрения. Неслучайны в тексте указания на поджоги церквей. Для автора-христианина — это показатель крайней степени безбожности и безнравственности[184]. Завершается поход интересным в идеологическом аспекте эпизодом о парусах[185]. Мы уже упоминали о прополянской настроенности летописцев, связанной с их киевской ориентацией. Соперничество Новгорода и Киева нашло яркое выражение в легенде о путешествии апостола Андрея. В сюжете с парусами проявилась не киевская, а проновгородская тенденция. Новгородцы (словене) отдают предпочтение простым и надёжным «толстинам» в отличие от киевлян (руси), которые используют для пошива парусов дорогую «паволоку». А. А. Шайкин считает, что детали рассказа «несут сверхнагрузку, становятся проводниками мыслей, прямо не высказанных. Имея непосредственным объектом изображения происшествие с парусами, речь в этом рассказе на самом деле идёт о вещах иных, идеологически не нейтральных: о превосходстве суровых словен над падкой на роскошь «русью»[186].

Остальные события прошлого настолько тесно коррелируют с именами первых правителей, что их невозможно рассматривать обособленно. Впрочем, и князья, по верному замечанию исследователя, интересуют летописцев «не сами по себе», а «в той мере, в какой они проявились как участники государственной жизни, их судьбы значительны только своей причастностью к общим судьбам»[187].

Анализ аксиологических текстов о событиях прошлого позволяет сделать некоторые ***выводы***. Ретроспективный характер работы над этнографической статьёй отражает взгляд позднейшего историка, проявившего себя введением христианского аспекта в оценку славянских племён, религиозным объяснением событий, «прополянской»

настроенностью, «двойственным самосознанием», способностью адаптировать заимствованную (византийскую) схему и методологию оценки к своим реалиям.

Древнерусские летописцы не просто фиксировали те или иные события, которые в рамках погодного изложения превращались в «механическую» компиляцию «изолированных» друг от друга «фрагментов»[188], а стремились к объяснению, комментированию былого[189]. Аргументированность в представлении событий как свойство именно древнерусских авторов подчёркивал ещё М. И. Сухомлинов[190]. К похожим выводам приходят современные исследователи[191].

В изображении и толковании событий древние авторы проявили самостоятельность и трезвый прагматизм, способность к широкому охвату событий, к установлению причинно-следственных связей между ними[192]. Проанализированный материал позволяет говорить об исключительной роли авторской субъективности в организации художественной целостности произведения.

б) комментирование со ссылкой на высшую волю

В особо важных случаях летописец комментирует события со ссылкой на высшую волю. Сбывшееся пророчество хазарских старцев в недатированной части ПВЛ летописец приписывает Божьей воле: **Се же сбысться все: не от своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья** (16). Княжение Владимира начинается с установления языческих кумиров и поклонения им. От неминуемого нравственного растления Русскую землю спасает Бог: **Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ** (56). Божественное вмешательство усматривает летописец во внезапной слепоте Владимира, медлящего принять Святое крещение: **По Божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити** (77). Болезнь, постигшая Владимира накануне похода на провинившегося сына Ярослава, в понимании летописца приобретает очевидный религиозный смысл[193].

Сквозь призму провиденциальных представлений изображается эпизод убийства двух варягов, исповедовавших христианскую веру. Весь рассказ строится на противопоставлении варварских обычаев язычников и нравственной чистоты христиан. Невежество соотечественников автор сначала передаёт через реплики персонажей: «**Мечемъ жребий на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ**» (58), а затем посредством прямого морализиро-

вания: **Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани** (58). Варяги олицетворяют для летописца-христианина будущее, о котором остальные ещё не догадываются, поэтому их образы несут на себе печать святости, на что есть прямое указание: **си отечника, приемша вѣнець небесный съ святыми мученики и праведники** (59). Сын варяга наделён особыми достоинствами: **красенъ лицемъ и душею** (58). Его душевная красота и непорочность обратно пропорциональны деяниям язычников и неподвластны дьяволу[194]. Варяг-отец рассуждает как истинный христианин. Его мысли, выраженные в обращении к посланникам, очень близки и созвучны авторским[195]. Убийство варягов объясняется невежеством людей и вмешательством дьявола, который **тако бо тщашеся погубити родъ хрестьаньский** (59). Бросает оно тень и на Владимира, косвенно виновного в их гибели.

Личными чувствами пронизан эпизод крещения — центральное событие ПВЛ. Безусловно, крещение стало переломным моментом в истории русского государства[196]. С восторгом летописец передаёт настроение людей накануне великого события: **Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли»** (80—81). Картинно представлена сама процедура крещения[197]. Чувства переполняют не только обновлённых людей, но и окружающее пространство, которое как будто заряжается положительной энергетикой, оттого радость становится не просто осязаемой, а зримой: **И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ** (81). По Божью изволенью Русь становится просвещённой[198]. Летописец настойчиво повторяет мысль о Божественной милости, которая не соотносится с людскими делами. Напротив, через отрицание (**не по нашим дѣлом**) автор косвенно заявляет о греховности людей, их несоответствии нравственным установкам Всевышнего. Напрямую обращаясь к Богу, автор славит его за любовь к Русской земле и святое крещение[199]. Молитвенные обращения приобретают большую эмоциональность, когда звучат от 1-го лица мн. ч.: **Тѣмь же и мы припадаем к нему, глаголюще: «Господи Иисусе Христе! Что ти въздамы о всѣх, яже въздаси нам, грѣшником намъ сущемъ?»** (82)[200]. Личная позиция летописца выражается глаголами в форме 1-го лица ед. ч., употребляемыми перед цитированием Священных книг[201]. Открытым проявлением чувств являются субъективно-эмоциональные восклицания по поводу сказанного: **Колика ти радость! не единъ, ни два спасаетася. … Се же не единъ, ни два, но бещисленое множьство к**

Богу приступиша, святымъ крещеньемь просвѣщени (82). Призывно звучат слова о необходимости служения Богу[202].

Не только прошлые, но и события настоящего требовали комментария, морализирующего и отсылающего к инстанциям, стоящим за земными событиями. Когда летописец фиксирует нечто, происходящее на его глазах, он стремится это подчеркнуть: **Се же скажем: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича** (185).

С тревожного комментария начинается повествование о событиях, приведших к одному из самых зловещих преступлений конца XI в. — ослеплению князя Василька Теребовльского. Летописец, завершая рассказ о договоре, заключённом князьями в Любече в 1097 г., сообщает: **и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя»** (171). С дьявольским наущением летописец соотносит избиение волхвами старой чади[203]. Дьявольское вмешательство усматривает летописец в распре, возникшей в семействе Ярославичей[204].

Замышляя отмстительный поход против Святополка, Ярослав берёт в свидетели Бога: **И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вой 40 000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога** (96). Карающая десница со всей мощью обрушивается на братоубийцу, и гонимый Божьим гневом он бедственно оканчивает свою жизнь: **Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую зем-лю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ** (98). По мысли книжника, смерть Святополка значима не сама по себе, а как поучительный пример того, как поступать не следует: **Се же Богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять** (98).

Божественным вмешательством объясняется встреча русских князей на совете в Долобске, после которого на русских снизошла великая победа: **В лѣто 6611/1103. Богъ вложи в сердце княземъ рускым Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьскѣ** (183). Собственно и сама победа соотносится с Божественной милостью и именуется великим спасением: **Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику** (184).

С Божественным волеизъявлением связаны почти все печерские события. Бог вкладывает в сердце Ярославу мысль поставить митро-

политом в святой Софии Илариона: **Посемь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави 'и митрополитомь в святѣй Софьи, а си печерка тако ста** (105). Великое будущее Антония предопределяют высшие силы: **И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, от града Любча; и възложи сему Богъ в сердце в страну ити** (105). Бог помогает Антонию определить священное место, на котором впоследствии вырастет Печерский монастырь[205]. В дальнейшем с Божьего соизволения и молитв Антония происходит строительство церкви Успения Святой Богородицы[206] и увеличение числа черноризцев[207]. Несколько противоречиво изложена ситуация выбора нового игумена. Автор отмечает, что назначение печерским игуменом Стефана произошло по инициативе братьев-монахов и противоречило выбору Феодосия, предложившего кандидатуру Иакова пресвитера. При этом Феодосий руководствовался Божественной волей, поступаться которой было нельзя и даже опасно. Вот почему его слова пронизаны печалью: **Рече же имъ Феодосии: «Се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Иякова; се же вы свою волю створити хощете»** (124). Но доводы монахов прозвучали, по-видимому, убедительно, поэтому Феодосий, обычно опирающийся на высшые силы, вынужден поступиться личными духовными убеждениями и **благослови Стефана**. Такая трактовка сюжета может свидетельствовать о не вполне благожелательном отношении к назначению Стефана[208]. Нетрудно догадаться, что автор в момент конфликта на стороне Феодосия, который руководствуется, как и сам летописец, религиозными воззрениями. По-видимому, тому же летописцу принадлежит известие о завершении строительства Печерской церкви[209]. Снова в оппозиции Феодосий — Стефан летописец отводит решающую, первостепенную роль именно Феодосию. Это он заложил основы Печерской церкви, а Стефан лишь воспользовался его плодами, чтобы завершить благое начинание.

Нашествие иноплеменников воспринимается летописцем как батог Божий. Поражения от врагов — следствие греховности соотечественников: **Грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци** (112). Более того, самые нашествия кочевников, приносящие неисчислимые бедствия всей стране, осмысляются летописцем как проявление заботы Всевышнего о русском народе — так Господь стремится вернуть людей на праведный путь. На страницах ПВЛ создаётся своеобразная теория «казней Божьих»[210]. Божья кара, по мысли летописца, должна способствовать исправлению в первую очередь религиозного, духовного

состояния общества. Видимо, по понятию нашего книжника, отступления от правоверия приняли такой масштаб, что существованию православия на Руси угрожала реальная опасность. Ведь Бог вмешивается в ход событий, чтобы **не оскудела правоверная вера христьянская**[211]. Страх и смирение перед карающей десницей — путь покорности Божьей воле, ибо «очи... Господни на боящаяся его, а уши его в молитву их»[212].

События, связанные с нарушением Ярославичами крестоцелования (1067 г.) и половецким нашествием (1068 г.), контекстуально близки. Впоследствии (в конце летописной статьи 1068 г.) автор укажет на их причинно-следственную связь. После краткого сообщения о поражении русских от половцев летописец переходит к развёрнутым рассуждениям на тему о «казнях Божьих»[213]. По мысли древнего книжника, люди обращаются к Богу только по мере необходимости, когда с ними случается несчастье, в остальных ситуациях они не находят времени для богоугодных дел и погружаются в грехи. Таким образом, Богу, который не желает зла людям, ничего не остаётся, как заставить людей страдать, чтобы через горе напомнить о себе. Иначе, с точки зрения автора, ведёт себя дьявол. Принося людям неисчислимые беды, которые летописец конкретизирует (**усобная же рать, злому убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы**), он испытывает радость, то есть Бог и дьявол имеют разнонаправленные целевые установки. Действуя в некотором роде одинаковыми методами (принося страдания), разнополюсные высшие силы стремятся достичь противоположного эффекта: Бог — отвратить от греха, дьявол — погрузить в грехи[214]. В дальнейшем летописец конкретизирует меры, которые применяет Бог, чтобы заставить людей покаяться[215]. С ещё большей эмоциональностью и экспрессией летописец морализирует по поводу нежелания людей обращаться к Богу[216]. Авторский голос, сливаясь с библейским, звучит грозно и нарочито: **Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ?**; **Почто не сдерзастеся о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ**. По мысли летописца, Господу не нужно формальное, ложное смирение: **Тѣм же «Усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене»**. Такие не будут услышаны[217].

Очистившиеся страданиями должны отрешиться от неверия и заблуждений. Покаявшиеся в грехах получат желаемое: **Аще ли ся покаемъ от злобъ наших, то «акы чадомъ своимъ» дасть нам вся прошенья, и одождить намъ дождь ранъ и позденъ** (113). Призывно звучат слова летописца о необходимости обратиться к добру, покая-

нию и всепрощению[218]. В качестве прямого морализирования звучит обвинение людей в языческом образе жизни[219]. Летописец считает, что такие глупые приметы **по дьяволю наученью кобь сию держать** (114). Пытаясь отвратить людей от Бога, дьявол придумывает разные хитрые способы: **трубами и скоморохы, гусльми и русальи** (114). С грустью летописец констатирует, что людей больше привлекает веселье, устраиваемое дьяволом, чем посещение церквей и молитвы. В свободном выборе, данном человеку Богом, тот, как правило, ошибается, путая истину и заблуждение[220]. В этом, по мысли книжника, и заключается основная причина наших бед: **Да сего ради казни приемлемъ от Бога всячскыя, и нахоженье ратных, по Божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших** (114).

Освобождение Всеслава из поруба и его вокняжение в Киеве — свидетельство Божьей милости или, как сообщает автор: **Се же Богъ яви силу крестную** (115). Назван и главный виновник набега кочевников: **понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я 'и; тѣм же наведе Богъ поганыя** (115). Автор акцентирует внимание на поучительном характере Божественного вмешательства и его, так сказать, общерусском значении: **Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его** (115). В продолжение темы о казнях Божьих грозно звучат слова летописца о тяжких последствиях, которые ожидают нарушивших священный обет: **аще ли преступить кто, то и здѣ приметь казнь и на придущемь вѣцѣ казнь вѣчную** (115). Моральные сентенции адресного характера сменяются обобщёнными рассуждениями о великой силе креста, который и князьям в битве помогает, и верующих избавляет от напастей (115).

В связи с поражением от половцев в 1093 году новое развитие получает тема о казнях Божьих[221]. Летописец снова подчёркивает учительный характер Божественного вмешательства: **Се бо на ны Богъ попусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дѣлъ.** Стремясь направить людей на путь покаяния, нравственного возрождения, Господь напускает поганых: **Симь казнить ны нахоженьемь поганых; се бо есть батогъ Его, да негли встягнувшеся вспомянемься от злаго пути своего** (145). Открываются и новые подробности. Оказывается, Господь сознательно использует для наказаний праздники, как сказал пророк: «**Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье**» (145). В доказательство летописец сообщает о бедах, постигших родную землю: **Сотвори бо ся плачь великъ в земли нашей, опустѣша села наша и**

городи наши, быхом бѣгаючи пред врагы нашими (145). С недоумением автор отмечает процесс духовного разложения в роде христианском: **И се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьяньстѣ родѣ страхъ, и колѣбанье и бѣда упространися** (146). По мысли книжника, глубине заблуждения соразмерно суровейшее из возможных на земле возмездий[222]. Страдание открывает путь к познанию Владыки: **Да нахожениемъ поганых и мучими ими Владыку познаемъ** (146). Чтобы воззвать к человеческому разуму, летописец напоминает о масштабах и последствиях разрушений[223]. Гневные интонации в адрес недостойных соотечественников сменяются молитвенными обращениями к Всевышнему. Летописец уповает на милость Божью: **Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажеть бо ны добрѣ Благый Владыка** (146). Оказывается, через земные муки человек освобождается от страданий в будущей жизни, потому что **не мьстить бо Господь дважды о томь** (147). Речь летописца наполняется сильными субъективно-эмоциональными чувствами и переходит в открытое душевное излияние[224]. Страдает вся земля, а не только грешники: **Ноне же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконьнии** (147).

В этой связи летописец создаёт чрезвычайно выразительную картину угона в плен русских людей[225]. Тем неожиданней оказывается резкая смена тона и осмысление этих бед как высочайшего проявления Божественной любви к русским людям: **Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть. Кого бо тако Богь любить, яко же ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же!** (147). Автор этих строк, летописец, не отделяет себя от других, напротив, он грешнее прочих, хотя это, конечно, традиционное авторское самоуничижение: **Се бо азъ грешный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни** (147).

Мотив наказания за грехи повторяется в летописной статье 1110 года. После рассуждения об ангелах, которые, по мысли летописца, приставлены ко всем тварям и к каждой стране, автор отмечает: **Аще Божий гнѣвъ будеть на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на тую убо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью** (189). Таким образом, в теме о казнях Божьих появляются новые детали. Оказывается, ангелы помогают иноплеменникам по Божью повелению: **они бо бяху водими аньеломъ, по повелѣнью Божью** (189). Автор, не раз про-

явивший себя полемикой с иными точками зрения, снова обращается на страницах летописи к сомневающимся или несогласным с его интерпретацией, приводя доказательный пример из времён Александра Македонского[226]. Отстаивая свою позицию, автор настойчиво вопрошает: **Се убо не ангелъ ли вожаше Олександра, не поганъ ли побѣжаше и вси Елини кумирослужебници?** (189) и твёрдо заявляет: **Тако и си погании попущени грѣхъ ради нашихъ** (189—190). Возвращаясь к теме об ангелах, летописец уверенно доводит до читателя мысль о наличии ангела у каждого крестившегося: **въ хрестьянехъ не единь ангелъ, но елико крестишася**. И особенно подчёркивает присутствие ангела у каждого благоверного князя (190). Ангелы всячески помогают христианским людям или, как пишет летописец: **молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди** (190), но и они всего лишь служители Бога, поэтому **Божью повеленью не могуть противитися** (190). Однако молитвы ангелов часто оказываются действенными: **молитвами святыя Богородице и святых ангелъ умилосердися Богъ, и посла ангелы в помощь русьскимь княземъ на поганыя** (190). Во всех этих примерах, опущенные нами вводные конструкции «**Яко же и бысть**», «**Яко и се бяше**», служат переходом от пространных рассуждений к описанию конкретных событий.

Если поражение от врагов — Божья кара, то победа над иноплеменниками осознаётся летописцем как Божья милость. Так интерпретирует автор победу русских над половцами в 1096 году. Сначала Всевышний оберегает русских князей от вражеского ока, и они проходят опасный отрезок пути незамеченными[227]. Это помогает объединиться им с переяславцами и использовать наступательную тактику. После чего **се видѣвше половци и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратных, сѣкуще противьныя.** Летописец называет победу великим спасением и указывает её точную дату: **И сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца иулия въ 19 день побѣжени быша иноплеменници, и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша.** (151). Аналогичное описание находим в погодной записи 1103 года. Перед сражением русские князья произносят молитвы Богу и дают обеты[228]. Поэтому **Богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскых вой**. Божественное вмешательство парализовало не только воинов противника, но и их коней: **и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах** (184). Победа над половцами — проявление

Высшей воли: **Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣдꙋ великꙋ** (184).

Гиперболизированное изображение позорного бегства половцев от русских в 1107 г. имеет, кажется, юмористическую окраску: **Половци же ꙋжасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а дрꙋзии пѣши побѣгоша.** (186). В отличие от предшествующих описаний, где страх и ужас, охватившие кочевников, приписываются воле Божьей, здесь отсутствует религиозный подтекст. Элементы гиперболизации обнаруживаются и в другом примере, где враги начинают падать только от гневного взгляда Божьего[229].

Прозревшие в ночи и увидевшие истинный путь спасения в Боге русские князья идут в очередной поход против половцев (1111 г.) **возложивше надежю на Бога и на пречистꙋю матерь его, и на святыя ангелы его** (190—191). Обращённость к высшим силам сопровождает русских на протяжении всей военной операции. На Воркслe князья совершают крестоцелование: **въ средꙋ, хресть цѣловаша, и възложиша всю свою надежю на хресть со многими слезами** (191). В походе участвуют священнослужители, которые с помощью песнопений помогают укрепить боевой дух и веру в победу[230]. Перед началом решающей схватки русские призывают Всевышнего в помощь[231]. Отблагодарением Богу становится празднование Лазарева воскресенья и других церковных праздников.

При новом столкновении Господь посылает в помощь русским князьям ангела (191). В описании боя автор использует гиперболические сравнения: столкнувшиеся полки **трѣснꙋ, аки громъ, сразившима челома** (191—192). В зрительном плане летописца не смущает узрение невидимого: **И падахꙋ половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяхꙋ мнози человеци, и главы летяхꙋ невидимо стинаемы на землю** (192). Обозначив точную дату победы, автор не забывает указать её Главного устроителя: **И спасе Богъ люди своя... Святополкъ же и Володимеръ, и Давидъ прославиша Бога давшаго имъ победꙋ такꙋ на поганыя.**

Летописец, склонный к полемике с инакомыслящими, включением эпизода с пленными стремится доказать неоспоримость своей версии об ангелах. На вопрос, о том, почему не могли сопротивляться, пленные отвечают: «**Како можемъ битися с вами, а дрꙋзии ѣздяхꙋ верхꙋ васъ въ орꙋжьи свѣтлѣ и страшни, иже помагахꙋ вамъ?**» (192). Автор обнаруживает твёрдость позиции: **Токмо се сꙋть ангели, от Бога послани помогать хрестьяномъ** (192). От конкретных

событий летописец переходит к обобщённым размышлениям об ангелах[232]. Интересно, что характерная в целом для «аксиологических» текстов «*мы-позиция*» иногда уступает место «личностной» позиции, и происходит это в тех фрагментах, когда летописец неожиданно начинает «говорить от себя», употребляя глаголы в форме 1-го лица ед. ч.: **Англы бо, глаголю, наша поборникы, на противныя силы воюющимъ, имь же есть архангелъ Михаилъ** (192).

После обширного рассуждения об ангелах с цитированием Иоанна Златоуста летописец возвращается к теме великой победы русских князей. Стремясь подчеркнуть всемирную значимость, широкую огласку события, автор перечисляет страны, до которых дошла великая слава русских князей: **Яко же и се с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ, възъвратишася русьстии князи въсвояси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь** (195). Заключительные слова похожи на окончание текста. Стилистически, идеологически они могут свидетельствовать о завершении повествования, возможном окончании произведения, слова эти — в сущности, финал статьи 1111 года (за ними есть небольшая приписка, сделанная явно позднее), но ПВЛ, по мысли текстологов, продолжается ещё на протяжении шести лет (до 1117 года).

Подводя ***итоги***, отметим, что летописец комментирует события со ссылкой на высшую волю на протяжении всего текста ПВЛ и в особо важных случаях: в предании о хазарской дани (недатированная часть), в эпизоде крещения (988 г.), в сообщениях о смерти Святополка (1019 г.), о междоусобных конфликтах (1073 г.), в сюжетах о заключении между князьями договоров (1097, 1103 гг.), о печерских событиях (1051—1075 гг.), в поучениях о казнях Божьих 1068, 1093, 1110 гг., в сообщениях о победоносных кампаниях русских князей 1096, 1103, 1107, 1111 гг. По мере того, как изображаемые события приближаются ко времени работы над летописью, количество подобных авторских экспликаций значительно увеличивается. Единичные замечания со ссылкой на Божественное волеизъявление переходят в развёрнутые рассуждения в духе христианского провиденциализма, открытое проявление чувств и достигают своего апогея в поучениях о казнях Божьих. Идейная составляющая Поучений заключается в необходимости покаяния, исправления, чему способствуют нашествия иноплеменников, которые осмысляются как проявление заботы Все-

вышнего, своеобразный способ вернуть людей на праведный путь. Эта позиция многократно выражена в качестве прямого морализирования. Здесь отчётливо ощутима позиция от 1-го лица, хотя этим лицом не обязательно был летописец. Поучения о казнях Божьих нередко связывают с именем Феодосия Печерского, но его имя в тексте не стоит[233], и текст может быть рассмотрен как прямое выражение личной (при учёте коллективистского «мы») позиции летописца.

Характерными чертами таких текстов являются:

- ➢ ссылки на сверхъестественные силы, комментирующие события (не только **по Божью повелѣнью,** но и **по дьяволю наущенью и бѣсованью**);
- ➢ указание на причину явлений (**грѣхъ ради наших**);
- ➢ предварение цитаты вводящими словами в форме 1-го лица ед. и мн. числа (**Мы же възопьемъ к Господу Богу нашему**, **Реку же съ Давыдомь**);
- ➢ субъективно-эмоциональные высказывания «от себя» в форме риторических вопросов и восклицаний (**О неиздреченьному человѣколюбью! якоже видѣ вы неволею к Нему обращающася. О тмами любве, еже к намъ!**; **Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконьнии**);
- ➢ использование художественных средств (сравнения, метафоры, гиперболы).

2. Комментирование персон

а) князей

Большинство исследователей сходятся во мнении, что человеку в летописи отводится второстепенная роль. Древнего автора больше занимают интересы родины, судьбы страны, «события лишь сугубо официальные, имеющие историческое значение для государства, а личная жизнь человека, окружающая его бытовая обстановка не интересуют летописца»[234]. Похожие мысли высказывал Д. С. Лихачёв: «Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений»[235]. Проблема изображения человека в летописи — центральная в книге И. П. Ерёмина «Повесть временных лет»: Проблемы её историко-литературного изучения». Исследователь выделяет несколько характерных способов авторского отношения к героям, в частности: сам отбор слов

(словоупотребление); комментарий к тому или иному «поступку», сопровождающий переход от косвенной моральной оценки к прямой; ссылки на добрую или злую волю. Между тем, разработанная И. П. Ерёминым «теория фрагментарности», выведенная из погодной формы изложения, привела учёного к выводам о противоречивости в образе и характере летописного героя, проистекающей из его искусственного «расщепления», при котором утрачивалось «единство оценки». Заключительные выводы ещё категоричнее: «человек у летописца всегда однолинеен, т. е. одновременно быть и «добрым» и «злым» не может; всегда статичен, несмотря на внешнюю подвижность…»[236]. Вслед за Ерёминым Д. С. Лихачёв утверждал, что человек в летописи изображается «либо чёрной, либо белой» красками[237]. В ходе анализа биографий киевских князей А. А. Шайкин приходит к иному пониманию принципов изображения и оценок персон: «… целостность (повествования. — О. И.) поддерживается единством образа героя и определённостью авторского отношения к нему. Отношение может меняться, но перемены эти предсказуемы и объяснимы, поскольку неизменными остаются критерии оценок»[238]. Опираясь на работы предшественников и собственные наблюдения, рассмотрим характерные способы изображения летописцем князей и формы авторского комментирования, оценок.

Изображение князей в разные временные периоды русской истории, охваченные ПВЛ, имеет свои особенности и связано это напрямую с теми задачами и идеологическими соображениями, которые пытался решить средневековый писатель. В характеристике первых летописных героев решающую роль играет *происхождение*, поэтому в сообщении о Кие летописец подчёркивает, что **Кий княжаше в родѣ своємь**, то есть был родоначальником княжеской династии. И это даёт ему право считаться основателем будущей столицы государства: **И створиша градъ во имя брата своєго старѣйшаго, и нарекоша имя єму Києвъ** (13), иметь дружественные отношения с византийским царём, от которого Кий **велику честь приялъ**. То, насколько важным для летописца представлялось происхождение князя, свидетельствует включённая в рассказ о Кие полемика с «несведущими», убеждающая в значительности его фигуры (13). Принадлежность лица к княжескому роду во многом определяет характер авторской оценки. Представление об Аскольде и Дире формируется под влиянием их некняжеского происхождения: **И бяста у него 2 мужа, не племени єго, но боярина** (18). И именно это обстоятельство даёт повод Олегу совершить убийство, которое расценивается летописцем как вполне законный акт против самозванцев, по крайней мере, осуж-

дения Олега в тексте нет: **рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ»** (20). Для обоснования кровнородственной связи всех русских князей вводится легенда о призвании варягов[239]. После того, как был найден первопредок, положивший начало династии киевских князей, отпала необходимость актуализировать княжеское происхождение.

Преобладающим способом авторского комментирования первых летописных персон является *указание на их заслуги, поступки*. Д. С. Лихачёв определил такой стиль в изображении первых князей как «эпический», что означает тесную связь образа героя с фольклором и вытекающее из этого особое слияние героя с «деяниями, подвигами»[240]. А. А. Шайкин считает, что в изображении «эпико-исторических» персон «индивидуальность не вычленяется из поступка»[241].

Летописец даёт высокую оценку деятельности **Кия** и его братьев: **бяху мужи мудри и смыслени** (13), поскольку они объединили полянские роды, которые до того жили **кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ** (12). Главный поступок **Рюрика** как единовластного правителя — раздача русских городов: **И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимь грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро** (18).

Не без восхищения летописец описывает завоевательные походы **Олега**, способствующие собиранию земель[242]. Положительной оценки заслуживает провозглашение им Киева матерью городов русских и обложение данью племён, имеющее выход в современность[243]. Не мыслим Олег без своих «хитростей» (поставил корабли на колёса, не выпил отравленного вина) и, конечно, победы над греками, которая закрепляет за ним статус непобедимого воина и языческое прозвище «вещий». Аналогичные заслуги характеризуют личность **Игоря**. Он совершает завоевательные кампании с целью обложения данью непокорных племён[244]. Как и его предки, укрепляет свой авторитет посредством военных походов на Византию.

Об авторском отношении к **Святославу** можно судить по описанию его боевых способностей, которые проявляются очень рано. Ещё будучи ребёнком, он совершает действие, предрешающее благоприятный исход военного столкновения. Речь идёт о копье, брошенном Святославом в древлян и послужившем сигналом к атаке: **И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны** (42). Со временем боевые умения развиваются и совершенствуются. К 964 году князь показан возму-

жавшим, объединившим под своим началом самых храбрых воинов, неприхотливым в военной обстановке. Летописные строки, повествующие о физических и моральных достоинствах Святослава, пронизаны гордостью[245].

В разряд «эпических» Д. С. Лихачёв относит также Ольгу и Владимира: «Ольга — это её месть древлянам и хитрость, которой она «переклюкала» византийского императора. …Язычник Владимир — это его взятие Корсуни, его пиры и полное язвительности испытание вер»[246]. Между тем, начиная с Олега, способы авторского комментирования не ограничиваются простым указанием на заслуги князя или описанием его «деяния». Важной смысловой компонентой, значительно дополняющей и раскрывающей личность Олега и авторское отношение к нему, становится *описание смерти*.

Рассказ о смерти «вещего Олега» под тем или иным углом зрения рассматривался во многих работах по фольклористике и древнерусской литературе[247]. Для нас представляется важным идейная составляющая сюжета. Олег, узнав от старейшины конюхов, о том, что его конь умер, смеётся и укоряет кудесника — предсказателя смерти во лжи[248]. Второй раз смех вызывают у Олега останки коня[249]. Упоминание о презрительном смехе не случайно[250]. В гордыне Олег наступает на череп[251], и в тот же самый момент принимает неизбежную смерть как расплату за похвальбу (30). Н. И. Костомаров трактует авторскую идею как идею судьбы, рока[252]. Более широкое толкование, в контексте всей жизненной истории Олега, предлагает А. А. Шайкин: «В глазах христианина — гордыня один из самых тяжких грехов. Поэтому *такая* смерть является следствием *такой* судьбы. В этой судьбе смерть как бы обратным светом освещает всю его прежнюю жизнь и даёт ей новый, уже теперь сопряжённый с определённой идеей — идеей наказания за гордыню — смысл»[253].

Разнообразны формы авторской оценки Игоря. В полной мере герой раскрывается через *тонкие штрихи и намёки*, *испытание, тайные помыслы, реплики персонажей*. Сообщая о возложении дани на древлян, летописец будто ненароком указывает на её размер: **больше Олеговой**. Для неосведомлённого читателя это упоминание ещё ничего не прибавляет к портрету Игоря, но для автора, знающего события наперёд, это своеобразный способ оценки героя. Показательным является эпизод испытания богатыми подношениями. Византийский царь делает Игорю заманчивое предложение: «**Не ходи, но возьми дань, южеималъ Олегъ, придамь и еще к той дани**» (34). Здесь чётко прослеживается скрытая подоплёка: насколько падким на драгоценности окажется русский князь? Смысловую нагрузку несёт оче-

редное сравнение с Олегом, который хоть и собирал дань, но знал меру. Игорь соблюдает обычаи конунгов и советуется с дружиной, но последнее слово остаётся за ним, а он предпочитает забрать золото и паволоки и уйти **въ свояси**, демонстрируя в очередной раз склонность к накопительству и жадность. Через тайные помыслы герой раскрывается во всей полноте: **и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань** (39). О негативном авторском отношении свидетельствуют почти дословные лексические повторы: **Пустиı дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья** (40). Существенным дополнением к отрицательному портрету Игоря становятся слова древлянского князя Мала, выражающие и авторскую точку зрения: «**Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить**» (40). Даже убийство русского князя не вызывает у летописца осуждения древлян, так как объективно они оказываются правы, а значит осуждать их не за что[254]. Игорь повёл себя несправедливо, уподобился волку, и авторского сочувствия не заслужил (40).

Святослав раскрывается *через слова-обращения к дружине, испытание*. В битве с греками 971 года речь Святослава, наполненная возвышенными патриотическими мыслями, приподнимает в глазах читателей и самого князя[255]. Князь, который идёт впереди дружины и личным примером вдохновляет воинов на ратные подвиги, не может не вызвать уважения. Мы не слышим авторский голос, отношение к герою передано *через реплики персонажей и описание ситуации*. Благосклонность летописца к Святославу ещё более усиливается в эпизоде испытания князя богатыми подношениями. Хитрые греки, желая выявить слабости князя, следят за его взглядом в момент подношения золота и дорогих тканей (51). Равнодушие сменяется восторгом, когда вместо драгоценностей Святославу подносят оружие: **Онъ же, примъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя** (51). Именно это и доказывает греческим боярам, что является для Святослава приоритетным, поэтому они советуют царю платить дань (51). Значим этот выбор и для летописца, поскольку оружие как символ мужества, силы и отваги продемонстрировало превосходство русских над хитрыми и могущественными греками. Соперничество Киевской Руси и Византии продолжалось на протяжении нескольких веков и не могло не волновать патриотически настроенных древнерусских книжников.

Между тем, образ Святослава, каким он вошёл в историю Древней Руси, не был соткан из единого полотна, а представлял собой сочетание разнокачественных характеристик. И объективный автор,

оценивший по заслугам мужество и благородство Святослава-воина, не мог пройти мимо иных сторон его деятельности. Во времена Олега и Игоря о христианстве ещё никто не задумывался, иное дело при Святославе. Его мать Ольга в 955 году отправилась в Царьград, где была крещена греческим царём и патриархом. Вернувшись в Киев, Ольга начала упрашивать сына последовать её примеру и принять крещение. Святослав не только не прислушивался к матери, но ещё и насмехался над теми, кто собирался креститься. Авторские чувства, до того едва улавливаемые *через диалоги персонажей и их поступки*, теперь выходят на поверхность и проявляются *в качестве прямого морализирования*: **Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть** (46). Грозно звучат пророческие строки из Священного Писания, особенно когда понимаешь, что у них есть конкретный адресат: **Аще кто отца ли матере не послушаеть, то смерть приметь** (46). Осудительные интонации появляются, когда речь заходит о пренебрежении интересами Киева. Летописец от лица киевлян укоряет князя в безответственности по отношению к своей семье и отчине, выражая тем самым «*общую позицию-оценку*»: «**Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ**» (49). Последним штрихом к отрицательному портрету Святослава становится пренебрежение мудрым советом воеводы Свенельда. За свой необдуманный поступок князь поплатился жизнью (53). Трагическая развязка была предопределена. Нельзя было насмехаться над крещением, гневаться на мать, пренебрегать интересами Киева и мудрым советом старшего товарища. В целом, в характеристике Святослава с особой отчётливостью проявляется лицо летописца-христианина, оценивающего князя с религиозных позиций. Этим обусловлен набор комментаторских средств: *прямые моральные оценки, цитирование Священных книг*.

Как мы упоминали, в изображении **Ольги** и **Владимира** тоже превалирует «эпический способ», означающий сращенность героя с поступками и событиями. Действительно, Ольга раскрывается, прежде всего, посредством взаимоотношений с древлянскими послами-сватами и византийским царём, а Владимир через крещение. Но немаловажное значение приобретают дополнительные способы авторского комментирования: *диалоги персонажей, детали события, словоупотребление, тайные помыслы и реакции, описание внутреннего состояния персоны, сравнения с библейскими персонажами, цитации из Священных книг, оценки дидактического характера*.

В диалоговой форме описана встреча Ольги с послами-сватами древлянского князя Мала: «**Люба ми есть рѣчь ваша, ꙋже мнѣ мꙋжа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наꙋтрия предъ людьми своими**…» (41). Нетрудно догадаться, что за показным добродушием княгини скрывается коварство и желание отомстить за смерть мужа[256]. Двойной подтекст читается в словах киевлян, подыгрывающих Ольге: «**Намъ неволя; князь нашь ꙋбьенъ, и княгини наша хочет за вашь князь**» (41). Во время посольств древляне будто специально выставлены простаками, не понимающими зловещего умысла княгини. Ироническое отношение к ним сквозит в эпизоде переноса в ладьях: **Они же сѣдяхꙋ в перегъбѣх въ великихъ сꙋстꙋгахъ гордящееся** (41). За доверчивость и простодушие древлян ожидала жестокая расплата: **И принесоша 'я на дворъ к Ользѣ, и, несъше, вринꙋша 'е въ ямꙋ и с лодьею** (41). Остальные эпизоды строятся по аналогичной схеме[257]. Об авторском отношении к персонам можно судить *по репликам персонажей, скрытым намёкам, двойственному поведению Ольги, обобщённому внешнему портрету древлян*. Безусловно, летописец симпатизирует Ольге, которая способна покарать с помощью хитрости убийц мужа, но всё же до конца сочувствие к древлянам не преодолено, что свидетельствует *о моральной амбивалентности* как свойстве древнего автора. И это находит подтверждение в дальнейшем повествовании. В 955 году Ольга отправляется в Греческую землю, чтобы принять крещение. Автор «заставляет» греческого царя восхититься внешней и внутренней красотой русской княгини[258]. Однако, как и в случае с древлянами, Ольга обманывает Константина, предлагающего ей замужество, ссылаясь сначала на своё язычество, а, получив желаемое, — на христианские обычаи, по которым крестный отец не может связать себя узами брака с крестной дочерью (44). Греческий император с досадой констатирует: «**Переклюкала мя еси, Ольга**» (44). Не выполняет Ольга и обещание, данное Константину, прислать дары по возвращении в Киев. На его требование княгиня недвусмысленно отвечает: «**Аще ты, рьци, тако же постоиши ꙋ мене в Почайнѣ, яко же азъ в Сꙋдꙋ, то тогда ти дамь**» (45). Сложно примирить восхищение хитростью Ольги, «переклюкавшей» императора, с христианской моралью и с её новым христианским обликом. Однако объяснять противоречивость авторской оценки «расщеплением» образа, механическим совмещением «на одной и той же плоскости героя и его стилистического двойника», на наш взгляд, тоже не верно. Не вполне соответствуют реальному тексту ПВЛ и предложенные И. П. Ерёминым летописные принципы изображения Ольги и Влади-

мира, при которых герои «*выпадают* из агиографического плана, в который он (летописец — ОИ) их поместил». В результате «стилистической «неустойчивости»… эпическая Ольга… на время вытеснила «*блаженную*» Ольгу её летописного «жития»[259].

Первоосновой, в которой зародились образы первых князей, был, конечно, фольклор, агиографические черты попытались добавить к ним позднейшие летописцы. При этом, «не разрушив художественной природы самих образов первых русских князей, летописцы сумели придать их биографиям нужную идеологическую окраску: они стали нести вряд ли существовавшие в фольклоре идеи «наказания» и «спасения», они стали учительными»[260]. Поэтому, вероятно, несколько противоречит самому себе А. А. Шайкин, говоря о том, что «Ольга-христианка никак по сути дела не противопоставлена Ольге-язычнице. …Этот новый христианский наряд выткал книжник-летописец, он набросил его на Ольгу, но под ним осталась всё та же фольклорная «мудрая дева». Изменить сущность уже сложившегося образа оказалось невозможным»[261]. Изменения всё же есть. Разнообразны формы авторской оценки Ольги-христианки. Летописец наделяет её эпитетом «блаженная». Через эмоциональную реакцию Ольги на крещение, через её внутренние ощущения передаётся общее чувство радости от момента познания высшей истины: **Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ** (44). Во время наставления греческого патриарха Ольга изображена со склонённой головой, которая, вероятно, символизирует покорность, осознание княгиней особости ситуации: **поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья** (44). Перемены заметны не только во внешнем облике, но и в мыслях. Как истинная христианка, Ольга задумывается о значимости молитв: «**Молитвами твоими, владыко, да охранена буду от сѣти неприязньны**» (44). Для летописца особенно важно было то, что она первой сумела оценить преимущества христианской религии и стала его провозвестницей на Руси. Возможно, поэтому, сравнивая Ольгу с эфиопской царицей, летописец подчёркивает превосходство отечественной героини над библейской: **тако же и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости Божья, но она человѣчески, а си Божья** (45).

Традиционный арсенал средств использует летописец для характеристики последнего героя «эпического стиля» Владимира. Основной способ комментирования — *описание ситуации, поступков персоны, её поведения, реакции на события*. В жизнеописании Владимира летописцу с большей степенью удалось осуществить композиционную схему жития и противопоставить Владимира-христианина

Владимиру-язычнику[262], именно поэтому насколько автор сгущает чёрные краски при указании недостатков князя-язычника, настолько же ярко и выпукло говорит о достоинствах князя-христианина. В борьбе за княжеский стол Владимир совершает убийство старшего брата. Но в отличие от Ярополка, причитавшего над телом погибшего Олега, Владимир не раскаивается в содеянном. Напротив, сразу после преступления начинает сожительствовать с его беременной женой. Однако прямого осуждения Владимира за убийство в тексте не находим. Как и в случае с Ярополком, весь груз ответственности перекладывается на стороннее лицо: **Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той** (55).

Зато в других событиях, не связанных с братоубийственной войной, летописец вполне *объективно указывает на недостатки князя-язычника*. Бегство Владимира за море после убийства Олега автор объясняет трусостью: **Слышав, же се Володимъръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море** (53—54). В эпизоде сватовства к Рогнеде герой демонстрирует безжалостность и жестокосердие: **И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ** (54). В обращении к Блуду подчёркивается коварство Владимира. Он не просто переманивает его на свою сторону, но делает это с хитростью: **Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя** (54). Несомненно, что *отбор информации*, в которой акцентируется внимание на неблаговидных поступках князя, способствует формированию у читателя негативного о нём представления.

Ещё отчётливее начинает звучать авторский голос, когда речь заходит о грехе прелюбодеяния, свойственном Владимиру: **Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо** (56). *Прямой упрёк* князю-женолюбцу слышен в рассказе о рождении Святополка: **от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодь бываеть** (56). Тема женолюбия Владимира в дальнейшем получает новое развитие: **Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою …наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ.** Подробное перечисление всех жён и наложниц князя — свидетельство нравственной распущенности и одновременно тяжкой греховности. С явным негодованием автор-христианин замечает: **И бѣ несыть блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя** (56—57). В своей распущенности Владимир соотносим лишь с Соломоном, который имел **женъ 700, а наложниць 300** (57). *Приём аналогии*, использованный впер-

вые для характеристики Ольги, снова показывает преимущества отечественного героя. Библейский царь **мудръ же бѣ, а наконець погибе** (57), а Владимир выбирает праведный путь и заслуживает спасение.

Позиция автора-христианина отчётливо ощутима в каждом акте, совершаемом Владимиром-язычником. Так, установка языческих идолов, которым приносят жертвы (56), получает *нравственную оценку дидактического характера*: **и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ** (56). И как чрезмерная греховность Владимира служит дополнительным стимулом его последующего перерождения, так и поклонение кумирам обеспечивает достойное будущее осквернённому холму[263].

После крещения автор акцентирует внимание *на заслугах* Владимира. Христианский князь в первую очередь начинает избавляться от языческих идолов: **Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы исѣщи, а другия огневи предати** (80). Самого сильного поругания «удостаивается» Перун, как особо почитаемый среди язычников: **Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влеци с горы по Боричеву на Ручай** (80). На месте, где стоял Перун и приносили жертвы языческим кумирам, возводится церковь святого Василия[264]. Строятся храмы и на других местах, отмеченных в прошлом присутствием языческих божеств[265]. Радость от познания истинного Бога ощущает и Владимир. Он обращается к Всевышнему с молитвенной просьбой утвердить людей в вере, а ему оказать содействие в борьбе с дьявольскими кознями (81). Важным этапом созидательной политики князя-христианина становится организация книжного обучения: **Славъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное** (81).

Для укрепления обороны и внутреннего единства Руси он начинает строительство новых городов, в которые переселяет представителей различных племенных сообществ[266]. И такие меры оказываются результативными: **И бѣ воюяся с ними и одолая имъ** (83). Жизнь по христианским законам летописец соотносит с деятельностью Владимира по строительству Божьих храмов[267]. Спустя семь лет после строительства церкви Богородицы Владимир участвует в её освящении и завещает **от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть** (85).

Действенность новой религии отражает эпизод о бегстве Владимира от печенегов[268]. Укрываясь от врагов, Владимир обращается к Богу, а избегнув опасности, в благодарность Всевышнему строит

церковь Преображения, устраивает великое празднование, раздаёт бедным. Однако, по наблюдению А. А. Шайкина, «в этой сцене из-под христианской внешности явно «высовывается» прежний торгующийся с божеством язычник»[269]. Религиозный автор умело демонстрирует благостное влияние Священных книг на князя, следуя которым Владимир повелевает обеспечить бедняков пищей (86). Изобилием отличаются воскресные пиры для знатных особ: **Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего** (86). Без сомнения, летописец стремился придать таким пирам Владимира христианский оттенок нищелюбия, но христианство Владимира было ещё очень неглубоким, и его прежняя языческая сущность особенно отчётливо становится заметна в известной сцене о деревянных и серебряных ложках[270].

Дважды Владимир проходит *испытание* болезнью, которая осмысляется летописцем как божественное вмешательство. И если в первый раз избавление от слепоты символизирует прозрение, то во втором случае болезнь спасет Владимира от грехопадения: **Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся** (89).

Как и в образе Ольги, в образе Владимира не обнаруживается «расщепления», выпадения из «агиографического плана» до и после «преображения» (крещения), о которых писал И. П. Ерёмин[271]. Заметно стремление летописца изобразить контрастно образ Владимира, противопоставить языческую и христианскую половины жизни князя, но, как верно отмечает А. А. Шайкин, «образ Владимира не поддаётся разложению на взаимоисключающие фрагменты, все его качества, взятые вместе, и образуют ту устойчивую доминанту его личности, которая, в свою очередь, придаёт цельность всем отдельным рассказам о его жизни и делах»[272].

Чем плотнее к авторскому времени приближались исторические персоны, тем жёстче и критичнее становились оценки летописца. Эту тенденцию прекрасно уловил и сформулировал Д.С. Лихачёв: «Хвала и прославление отчётливо дают себя чувствовать в изображении первых русских князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира. Напротив того, обращаясь к князьям — своим современникам, летописец уже не воздаёт им хвалы — он противопоставляет им прежних князей. Тем самым героизирующее и поэтическое отношение к прошлому превращается в критическое и учительное отношение к современности»[273]. Временная близость отразилась не только на характере авторской оценки летописных персон, но и на способах, приёмах комментирования. На смену «эпическому способу» изображения кня-

зей приходит «религиозно-дидактический», «одновременно отношение летописца к людям и событиям становится всё более пристрастным, взволнованным; «эпический тон», констатирующий факты — «так это было» — сменяется императивным — «по правде» или «по лести» поступает человек»[274].

Биографии **Святополка, Бориса** и **Глеба**, по мысли И. П. Ерёмина, «подверглись у летописца более или менее последовательной, от начала до конца, агиографической стилизации», при которой герои переросли «в абстрактных носителей категорий» добра и зла, в «живую» персонификацию «злодейства» или «святости»[275]. Действительно, в противоположность контрастному образу Владимира образы Святополка и его братьев Бориса и Глеба выдержаны в одной цветовой гамме. Преступную сущность Святополка предопределяет процесс зачатия. Он — **золъ плодь**, рождённый **от грѣховьнаго бо корени**, сын двоих отцов — **от Ярополка и от Володимера** (56). И, как ни странно, винит в этом летописец не Владимира, который **залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо**, а Святополка, словно впитавшего родительскую греховность. С позиции всеведущего повествователя автор передаёт *тайные помыслы* «агиографического злодея»: «**Избью всю братью свою, и приму власть русьскую единъ**» (94—95), которые тут же подвергаются *открытой морально-религиозной критике*[276]. О недоброжелательном авторском отношении к Святополку свидетельствуют *детали события*, в частности указание на сокрытие смерти Владимира (89). Показательным оценочным элементом выступает в тексте указание на двойственное поведение киевлян, которые хоть и принимали от Святополка дары, но **не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомь** (90). Прямые моральные оценки, утяжеленные библейскими параллелями, сопровождают описание преступного замысла злодея[277]. Каиновы уподобления снова возникают в эпизоде убиения Глеба: «**како бы убити Глѣба?». И примъ помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу** (92), а затем Святослава: **Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры** (94). В описании поведения Святополка летописец каждый раз заостряет внимание на способе действия персоны, содержащем авторскую оценку. Он не просто посылает к братьям, а делает это **с лестью**.

Эпитет «окаянный», видимо, настолько тесно был слит с обликом Святополка, что в некоторые моменты автор проявляет удивительную забывчивость, употребляя эпитет с ярко выраженной отрица-

тельной экспрессивностью даже в эпизодах, где князь действует справедливо: **Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по городомъ, избивайте 'я". И избиша ляхы** (97).

Отношение к герою проявляется даже там, где нет прямых эпитетов. Летописец идёт на явные передержки, приписывая человеку то, чего он сам сделать не может: **сей же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны** (98). Только один человек во всей ПВЛ заслуживает столь безусловной отрицательной оценки — тот, кто убил своих братьев[278]. Летописная биография Святополка, одна из немногих, которая соответствует наблюдениям И. П. Ерёмина и Д. С. Лихачёва об однолинейности оценок, данных летописцами князьям[279].

Как и в случае с Олегом, важную смысловую нагрузку несёт сцена гибели Святополка Окаянного[280]. В безумном бегстве от невидимых преследователей можно усмотреть реализацию довольно редкого для летописи приёма изображения психологического состояния человека — в данном случае терзаний преступной совести, ожидающей неминуемой расплаты[281]. Страдания Святополка не ограничиваются земным существованием: **и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ, а от его могилы исходит смрадъ золъ** (98). Здесь отчётливо прослеживается тенденция к сближению Святополка с Иродом, о котором Хроника Георгия Амартола повествует буквально в тех же словах[282]. Контекстуальный переход к поучению князьям русским наполняет содержание политическим звучанием[283].

Если в изображении Святополка летописец использовал исключительно тёмные тона, то для характеристики Бориса и Глеба потребовались самые тёплые и светлые краски. Их летописные биографии, по верному замечанию И. П. Ерёмина, представлены «в подчёркнуто агиографическом плане». Борис — «прежде всего мученик — «страстотерпец», жертва властолюбия своего старшего брата Святополка, «живая» персонификация одного из тех морально-политических принципов летописца, которыми он дорожил в особенности, — покорности «младших» князей «старшим»[284]. И с особой очевидностью это раскрывается посредством *прямой речи* персонажа. На предложение дружины занять княжеский стол после смерти отца, Борис отвечает как идеальный князь, почитающий права старшего: «**Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго: аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто**» (90). Впоследствии *молитвенные речи*, вложенные в уста Бориса, приобретают в тексте ещё боль-

шую самостоятельность, автономность и становятся «отдельным объектом изображения», или «речью-событием» (по определению Е. В. Душечкиной[285]), вместе с тем они служат важнейшим средством *самохарактеристики* героя. Через молитвенное обращение к Всевышнему раскрывается высокий нравственный смысл поступка Бориса: он готов принять страдание ради спасения грешников, подобно Богу, сошедшему с небес в образе Христа[286]. Идеалом всепрощения пронизана просьба простить своего убийцу: «**не створи єму, Господи, в сємь грѣха**» (91).

Летописец, действительно, в образах Бориса и Глеба попытался воплотить идею непротивления злу, самопожертвования, смирения, духовной и нравственной чистоты, поэтому, помимо *речевых характеристик*, герои раскрываются *через поведение* в момент смертельной угрозы, которое облекается ореолом *мученического подвига*. Осознавая, что Святополк собирается его погубить, Борис не предпринимает попытку убежать, воспользоваться услугами наёмников, а смиренно ожидает своей участи. То, что Борис «ведёт себя алогично, противно человеческой природе», является, по мысли И. П. Ерёмина, характерным признаком «агиографического стиля»[287]. За пением псалмов застают Бориса посланные Святополком убийцы: **Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню** (90). Растянуто во времени само злодеяние[288]: преступники не решаются войти в шатёр к Борису, пока он не пропоёт заутреню, псалмы, канон, молитву, давая возможность герою в полной мере раскрыться, продемонстрировать свою праведность. И лишь когда он ложится в постель с готовностью принять муку, подобно Христу, проливающему кровь за всех людей, **се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша 'и копьи, и прободоша Бориса, и слугу єго, падша на нем, прободоша с нимь** (91).

Задача нарисовать облик святого мученика потребовала от автора особым образом изобразить не только преступление, но и страдания Бориса. Чтобы подтвердить мученический подвиг, его тоже надо было растянуть во времени и заставить Бориса умереть «не до конца»: **Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша 'и, и єще дышющю єму** (91). И будь это другой князь (например, Ярополк Святославич), можно было бы ожидать раскаяния или хотя бы сострадания, но не таков «трафаретный злодей» Святополк. Окончательный вердикт «добить» брата воспринимается как естественное воплощение его гре-

ховной сути[289]. В словах о кончине блаженного Бориса перед читателем во весь рост рисуется образ святого «страстотерпца», заслужившего венец вечной жизни от Христа[290].

Посредством *мученического подвига* раскрывается и летописный образ Глеба. Несмотря на предостережения Ярослава не ходить к Святополку, Глеб не только не меняет своего решения, не только не стремится избежать смерти, но, напротив, ожидает её как единственную возможность преодолеть коварство и ложь, царящие в мире[291]. «Агиографический стиль» проявляется и в «сентиментальных слезах» (определение И. П. Ерёмина), предшествующих злодеянию: **И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу** (93). Библейский образ непорочного агнца с ещё большей силой раскрывает жестокость убийц и беззащитность юного Глеба: **Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно** (93). За свою святость, а в авторской интерпретации «за братолюбие» Глеб удостаивается после смерти венца царствия Божия и встречи с любимым братом[292]. Очень эмоционально звучит авторская реплика о счастье гармоничного сосуществования братьев: **Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ!** (93). И «видимо, этот смысл, и это значение бесконечно важнее и действительнее, чем возможные несоответствия с реальным ходом дел и поступков героев трагической истории 1015 года. Так утверждается вековечное значение мученического подвига братьев, подвига, совершённого во имя самых дорогих для летописца идеалов — мира между князьями, спокойствия своей Родины»[293]. Как полагал В. М. Живов, «братолюбие оказывается здесь не столько политической концепцией (мнение Д. С. Лихачёва), но концепцией нравственной, задающей норму праведного правителя. Очевидно, что в условиях постоянных княжеских междоусобиц (на Руси, так же как в Чехии, Польше, скандинавских странах) эта концепция призвана утвердить идею правильного христианского государственного (нравственно-политического) устройства»[294].

Исходя из теории фрагментарности, И. П. Ерёмин трактует образ **Ярослава** Мудрого как «типичный пример героя — «хамелеона», «летописная биография» которого представляет собой «цепь сплошных «метаморфоз»[295]. Действительно, авторское отношение к Ярославу неоднозначно в разные периоды его жизненной истории. А. А. Шайкин выделяет «три переломных момента», в которые положительное отношение к Ярославу нарастает: первый — «битва у Любеча, позволившая Ярославу впервые занять княжеский стол, второй — битва на Альте, в результате которой Ярослав избавляется от

своего опасного соперника, Святополка, и третий — смерть Мстислава, сделавшая Ярослава «самовластцем» всей Руси»[296]. Правда, в отличие от И. П. Ерёмина, настаивающего на немотивированных «перевоплощениях» и «фрагментарных» оценках, А. А. Шайкин говорит о единстве в изображении Ярослава: «Меняется отношение к нему в летописи по мере упрочения им своей власти, но с ним самим никаких особых перемен не происходит. Он как был, так и остался не князем-воином, а князем-политиком, осторожным и расчётливым»[297].

Важным характеристическим способом оценки Ярослава служит *описание ситуации и поведения в ней персоны*. Впервые упрёк князю звучит в летописной статье 1014 года, когда он, нарушая условия феодального долга, отказывается давать по две тысячи гривен в Киев (89). Такое недостойное поведение едва не спровоцировало военный поход Владимира на своего сына. Недоброжелательное авторское отношение проявляется в эпизоде княжеской расправы над лучшими новгородскими мужами — зачинщиками восстания **во дворѣ Поромони**. Дополнительным средством оценки служат *тонкие штрихи и намёки, указание на двойственное поведение* Ярослава, который, рассчитывая на доверчивость подданных, обманом заманил их к себе и жестоко расправился[298].

Иногда летописцу для выражения своих чувств достаточно *внести* в летопись *информацию о событии*, так или иначе характеризующую персону. Таковой является погодная запись 1017 года: **Ярославъ иде в Киевь, и погорѣ церкви** (96). Нейтральное, на первый взгляд, сообщение, содержит явное неодобрение действий Ярослава, поскольку о факте пожара упоминается в связи с его приходом в Киев. На стилистическом уровне это подтверждает употреблённый летописцем союз «и». Таким образом, не всегда решаясь на прямые оценки, древние авторы находили разные способы, чтобы обозначить своё отношение к герою.

Не в выгодном свете представлен Ярослав и в битве 1018 года с польским королём Болеславом, сражающимся на стороне Святополка. И хотя, как и в предыдущем примере, прямой оценки князя в тексте нет, понятно, что часть вины и ответственности за поведение воеводы лежит на нём. Как воевода Святополка, оскорблявший перед сражением Ярослава, принёс своему князю поражение, так и воевода Ярослава Буда, сыпавший колкие замечания в адрес Болеслава, не мог не спровоцировать ярость противника, которая в свою очередь перешла в боевую решительность и принесла ему победу[299]. Довольно трусовато ведёт себя Ярослав после неудачи: **Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море** (97). Все симпатии

летописца, конечно, на стороне новгородцев, которые в очередной раз демонстрируют благородство, инициативность и смекалку[300]. В авторской интерпретации изгнание из Киева Святополка — заслуга не Ярослава, а находчивых и мужественных новгородцев.

Киевоцентризм, свойственный летописцам, с особой отчётливостью проявляется по отношению к киевским князьям, пренебрегающим интересами отчины. Как Святослав, предпочитавший Киеву Переяславль и получивший за это гневный упрёк летописца, так и Ярослав, пребывающий в Новгороде в момент захватнической кампании Мстислава, косвенно осуждается, поскольку киевский князь, по понятиям древнего книжника, должен руководить из Киева[301]. Аналогичный укор Ярославу звучит спустя 12 лет, в погодной записи 1036 года, в связи с нашествием печенегов. Осаждённая столица в трудную минуту снова остаётся без своего предводителя[302].

Трусовато ведёт себя Ярослав и после поражения в битве на Листвене в 1025 году[303]. К числу неблаговидных поступков князя следует отнести и заточение в темницу Судислава (102). Судя по летописной записи, Судислав был оклеветан, Ярослав же избирает жёсткую меру наказания. В словах «брата своего» А. А. Шайкин различает не только информацию «о родственных отношениях, в них звучит христианский оттенок скорби, как и позже — в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского»[304].

Положительный образ Ярослава рисуется посредством описания *заслуг персоны, её реакций, монологов-обращений, характеристического портрета*. Первое, с точки зрения И. П. Ерёмина, «перевоплощение» трансформирует «жестокого князя-обманщика» в орудие «божественного возмездия Святополку-братоубийце». При этом «образ Ярослава просветляется»[305]. И в самом деле, в уста Ярослава-мстителя автор вкладывает исполненный благородства и возвышенных чувств монолог-обращение к дружине[306]. И новгородцы не только соглашаются помочь князю, но сражаются самоотверженно и выходят из битвы безоговорочными победителями (96). Ещё более картинно и торжественно изображена одна из кульминационных сцен альтской битвы. На том самом месте, где принял мученическую смерть Борис, Ярослав воздевает руки к небу и взывает к Богу о помощи[307]. Братолюбием пронизаны слова-обращения к погибшим братьям[308]. В битве на Альте Ярослав, по мысли И. П. Ерёмина, вторично был переведён летописцем в «агиографический план повествования», третий, и последний, переход из «нейтрального» в стилистическом отношении, «аморфного сплава погодных известий» в «агиографический» произошёл в 1037 году, что исследователь напрямую

соотносит с политическими симпатиями летописца — сторонника «самовластья» на Руси. В 1036 году Ярослав становится единовластным киевским правителем, «достойным преемником своего «равноапостольного отца», и это сказывается на его «стилистическом облике», который приобретает устойчивость[309].

В статье 1037 года действительно представлен новый облик князя — просветителя Руси. В заслугу ему ставится чуткое отношение к церковным служителям и книголюбие, поощрение переводческой деятельности[310]. С огромным уважением и пиететом подчёркивается роль Ярослава в книжном просвещении. Сближение Ярослава с Владимиром, на долю которого выпало осуществление первого этапа — просвещение людей крещением, ещё ярче демонстрирует его величие и авторитетность: **Отець бо сего Володимеръ землю взора' и умягчи, рекше крещеньемь просвѣтивъ. Сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий; а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное** (102). Уподобляя процессы просвещения и земледелия, автор убеждает в равной степени важности как хлеба насущного, так и хлеба духовного. Летописец не скрывает светлых, радостных чувств, говоря о начитанности Ярослава, его заслугах как писателя, просветителя, церковностроителя[311]. Радость от созерцания плодов своего труда испытывает и сам князь[312].

Среди заслуг Ярослава летописец отмечает назначение митрополитом в Святой Софии русского родом Илариона. Это событие большого политического значения, так как до того митрополитами становились греки, пользовавшиеся со времён христианизации Руси особыми привилегиями. Выбор, сделанный Ярославом, в понимании летописца не был случайным (105). Особое расположение князя к церкви в селе Берестовое помогло в дальнейшем определиться с кандидатурой митрополита и неким образом повлияло на создание Печерской обители, ведь именно в пещерке, оставленной Иларионом, впоследствии поселился Антоний — основатель Печерского монастыря. Видимо, поэтому за Ярославом закрепляется эпитет «боголюбивый» (104—105). На причастность князя Печерскому монастырю мог указать автор-печерец, неоднократно подчёркивающий ведущую роль своего монастыря (107). Контекстуальное сближение статьи 1037 года, прославляющей Ярослава, и статьи 1051 года о начале зарождения Печерского монастыря, где Ярослав также представлен в идеализированном свете, позволяет говорить о возможной причастности автора-печерца к позднейшей обработке известий о Ярославе. А. А. Шайкин, отмечающий параллельность биографий Ярослава и

Владимира, высказывает мысль о специальной редактуре жизнеописания Ярослава по образцу деяний его равноапостольного отца[313].

Мы могли убедиться, что авторское отношение к Ярославу меняется от неблагожелательного до в высшей степени положительного и пиететного, но такая неоднозначность проистекает, на наш взгляд, не только из особой литературной системы, как считали И. П. Ерёмин и Д. С. Лихачёв, но и из реальной жизни, из нравственных, религиозных, морально-этических, политических убеждений летописца. Каждое «перевоплощение» оправдано и мотивировано, идеологически обусловлено. Вместе с оценкой меняются способы и формы авторского комментирования: *от описания ситуации и поведения в ней персоны до монологов-обращений, оценочных эпитетов, указаний на заслуги, характеристического портрета, образных сопоставлений*.

Сложная гамма авторских отношений определяет образ **Изяслава Ярославича**. Он по праву старшего сына, с благословения мудрого отца занимает киевский стол, и уже одно это, казалось, должно создать ему положительную характеристику. Поначалу летописец действительно указывает на благородный общий акт Ярославичей, направленный на освобождение из поруба дяди Судислава (109)[314]. Ещё ранее, в летописной статье 1051 года, книжник оценивает Изяслава, тогда ещё претендента на киевский стол, с позиции печерца. В обращении к Антонию рисуется поистине светлый облик князя: **Изяславъ же, ѹвѣдѣвъ житье его, приде с дрѹжиною своею, прося ѹ него благословенья и молитвы** (105). По душе печерскому монаху и то, что просьбы его собратьев, желающих построить в горах монастырь, находят положительный отклик у Изяслава («**радъ бысть**»). Иная стилистика появляется в рассказе о строительстве монастыря святого Дмитрия[315]. Печерский летописец, переполненный ревностыми чувствами, с явным неодобрением, на что указывает ремарка «**надѣяся богатьствѹ**», описывает *поступок* Изяслава. Не имея возможности напрямую выразить своё негодование, летописец *от описания конкретных событий переходит в план обобщённого описания*: **Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не сѹть таци, каци сѹть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь** (107). Так, не называя конкретных имён, автор противопоставляет разные типы монастырей. Для большей убедительности он напоминает, что **Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньем** (107).

Осудительными интонациями пронизан рассказ 1067 года о том, как Ярославичи во главе с Изяславом, нарушая обет крестоцелования, заманили Всеслава в ловушку и вместе с детьми посадили в поруб

(112). Невыполнением обязательств Ярославичей по отношению к Всеславу объясняет летописец набег половцев и поражение от них в 1068 году: **Грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци** (112). Косвенно виновным оказывается Изяслав в восстании киевлян 1068 года, повлекшем освобождение Всеслава из «поруба» и лишение князя законной власти. В авторском понимании князь должен находить общий язык со своим народом и дружиной, прислушиваться к их мудрым советам. Изяслав не проявляет должного внимания к своему окружению и из-за своей нерешительности и упрямства теряет бразды правления (114). Второй раз Изяслав нарушает данное слово, когда, пообещав не губить город отца и не наказывать его жителей, тем не менее, осуществляет месть руками своего сына Мстислава (116).

Начиная с 1073 года, авторское отношение к Изяславу несколько смягчается, но заметного «агиографического преображения», отмеченного И. П. Ерёминым, не происходит. Оказавшись в роли «невинного изгнанника, жертвы алчности и властолюбия своего родного брата», Изяслав заслуживает «симпатии летописца», но, как и прежде, он ищет помощи у «ляхов», надеясь на своё богатство, и автор на это не без язвительности замечает: **Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе** (122).

С обновлённым и несколько идеализированным обликом князя мы встречаемся в летописной статье 1078 года. Всеволод, терпящий поражение от племянников Бориса и Олега, обращается за помощью к Изяславу. Впервые за годы своего правления киевский князь произносит речь, достойную уважения и отчасти смягчающую его прежние грехи[316]. Через *прямую речь персонажа* автор выражает личные чувства. Изяслав озвучивает самые близкие, дорогие летописцу идеи о необходимости единства в борьбе с общими врагами, о взаимопомощи и поддержке между братьями. И главное, что слова Изяслава не расходятся с делом. Как мужественный полководец, он гибнет на поле сражения (133). Этот *поступок* доказывает, что Изяслав к концу жизни испытал перерождение, стал мудрее и благороднее, сумел простить былые обиды и преодолеть собственные недостатки. Но всё же до «иконописного образа князя-мученика» он не дотянул, да и вряд ли это входило в задачу летописца, взволнованного скорее княжескими междоусобьями и стремящегося извлечь необходимый нравственный, учительный смысл из любого события и поступка современности.

Разнообразными способами комментирования передаётся отношение летописца к **Святославу Ярославичу**. Это один из немногих

князей, деятельность которого подверглась *открытой религиозно-дидактической критике, прямому морализированию*. Причина состоит в том, что Святослав нарушил закон феодального сюзеренитета, и не по праву занял киевский стол. С позиции всеведущего повествователя автор передаёт *тайные помыслы* князя, раскрывающие истинные причины изгнания Изяслава: **Святослав же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти** (121—122). Поступок Святослава, преступившего «**заповѣдь отню, паче же Божью**», заслуживает самой суровой критики, которая на страницах летописи облекается в форму *морально-дидактического поучения*[317]. *Библейские аналогии* подтверждают губительность всякого рода нарушений и ещё раз постулируют дорогой летописцу тезис: **не добро бо есть преступати предѣла чюжего**, который является определяющим в его морально-политической программе.

Язвительные интонации в отношении Святослава появляются в эпизоде приёма немецких послов: **Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое** (131). Самодовольный вид Святослава во время показа своих драгоценностей напоминает горделивые позы древлян на приёме у Ольги. Ответ послов обесценивает имеющееся у князя богатство, поскольку, по их мнению, не имеет практического применения: «**Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего**» (131). Возникают *параллели с библейскими персонажами*[318]. Современные исследователи подчёркивают, что «сравнение с Иезекией не случайно. В 4-ой книге Царств (20 глава) рассказывается о том, что у Иезекии был большой нарыв, от которого он сумел излечиться; Святослав Ярославич, как известно, умер от **рѣзанья желве**, что понимается как вскрытие опухоли или нарыва. Именно эти ситуации, видимо, и вызвали сближение персонажей, хотя Иезекия избавился от болезни, а Святослав от нее умер. Но и это могло иметь свой смысл, подчеркивающий негативное в оценке князя»[319].

Однако, несмотря на преобладание чёрных тонов в изображении Святослава, есть эпизоды, в которых князь выглядит вполне достойно. Положительный образ рисуется посредством *монологов-обращений к дружине, брату, описания боевых заслуг, через благосклонное отношение к Печерскому монастырю и доверительные связи с Феодосием*. Героически ведёт себя Святослав во время военного столкновения 1068 года с половцами под Черниговом. Увидев численный перевес врагов, князь не испугался, а принял решение сражаться. Отвагой и мужеством пронизаны *слова-обращения* к дружине: «**Потяг-**

нѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти» (115). С чувством глубокого уважения и восхищения автор сообщает о победе трёхтысячного отряда Святослава над превосходящим численно вражеским войском[320]. Объективная авторская позиция свидетельствует, по мысли А. А. Шайкина, «о глубоком и серьёзном стремлении летописца к правде и справедливости: даже антипатичный в целом князь, если он совершил нечто героическое, идущее на благо Родине, заслуживает высокой оценки и соответствующего героического изображения»[321].

В уста Святослава вложена исполненная благородных порывов речь к Изяславу в защиту киевлян и столицы государства от разорения поляков[322]. Неоднократно летописец упоминает о заботливом отношении Святослава к старцам Печерского монастыря. Князь участвует в перемирии между Антонием и Изяславом, посещает вместе с сыном умирающего Феодосия (124—125). Мнение преподобного Феодосия представляется автору значимым и во многом определяет его позицию. Поэтому то, что Феодосий поручает заботу о монастыре и новом игумене именно Святославу, сигнализирует о благожелательном к нему отношении со стороны летописца. Почтение, с которым киевский князь выслушивает наказы отца церкви и обещает их выполнить, в определённой мере облагораживает сложившийся до этого отрицательный облик.

Отсутствие «единства оценки», приводящее к «расщеплению» героя, отразилось, по мысли И. П. Ерёмина, и на образе Святослава, который якобы «на час», в статье 1068 года, «перевоплотился» «в эпического героя, почти богатыря, чтобы затем вновь вернуться, когда порученная ему задача будет выполнена… к прежнему своему образу»[323]. Мы склонны полагать, что в изображении князей присутствует объективная позиция, и согласиться с мнением А. А. Шакина, что «князья оцениваются летописцем единой мерой — мерой пользы или зла, приносимого «русьстей земли»[324]. Этим обусловлена неоднозначность оценки. Когда Святослав не по закону занимает великокняжеский стол, горделиво демонстрирует богатства, летописец не скрывает недоброжелательного к нему отношения, но в последующем повествовании отдаёт должное Святославу — победителю половцев, защитнику киевлян, покровителю Печерского монастыря. Перед нами не «герой и его двойник», которые, «выступая каждый в своё время, поочерёдно», начинают «*взаимоотрицать* один другого», а единый персонаж, по-разному проявляющий себя в разных ситуациях и в зависимости от этого получающий ту или иную оценку.

В отношении летописной биографии **Всеволода** прослеживается несколько *пристрастный авторский взгляд*, который выражается в

желании снять с князя ответственность за неблаговидные поступки. Так, всю вину в заговоре против Изяслава автор перекладывает на Святослава. Всеволод представлен в роли обманутого, прельщённого: **Всеволода бо прелсти** (121). Сам того не желая, молодой князь попадает под влияние брата-заговорщика, который **взостри** его **на Изяслава**. Тенденцию «всячески обелить Всеволода, снять с него хотя бы часть вины даже там, где совсем снять с Всеволода вину было невозможно» И. П. Ерёмин усматривает в эпизоде нарушения крестоцелования Всеславу Полоцкому, которое произошло по инициативе Изяслава, а «Всеволод принимал в этом деле только *косвенное* участие»[325].

Вся деятельность Всеволода как великого киевского князя сосредоточивается в основном на борьбе с удельными князьями, которые пытаются отвоевать свои отчины. В изображении летописца Всеволод представлен решительным политиком и мудрым дипломатом. По его инициативе Романа Святославича убивают половцы, Олег Святославич оказывается пленником греков, а в неспокойную Тмуторокань направляется посадник князя Ратибор. Вместе с тем, начиная с 1080 года, Всеволод действует не самостоятельно, а через своего сына Владимира, которому приписываются заслуги победителя, даётся право заключать мировые соглашения[326]. И хотя упоминания о Всеволоде сопровождаются красочными *эпитетами* «великий», «благоверный», «благородный», что должно свидетельствовать о значительности совершённых им деяний, тем не менее, летопись содержит немного сведений о деятельности Всеволода за 15-летний период его княжения в Киеве, и поступки его ничем примечательным не отмечены. «Агиографический план», в который, по мнению И. П. Ерёмина, автор переводит князя, начиная с 1078 года, на наш взгляд, становится отчётливо заметным только в некрологической статье Всеволоду 1093 года.

И. П. Ерёмин относит биографию **Святополка Изяславича** к типичным построениям, «где «двойник» «в ходе повествования совсем вытесняет героя». «Злодея» Святополка, по мысли исследователя, в 1107 году «полностью заменил его агиографический двойник». Действительно, перелом в отношении к Святополку намечается в 1107 году, но существенных изменений в авторской оценке персоны ни до, ни после 1107 года не происходит, отношение к нему на протяжении всего повествования остаётся достаточно ровным, его можно определить как недоброжелательно-снисходительное. Характерными способами комментирования персоны выступают: *описание ситуации и поведение в ней персоны, диалоги-споры, описание последствий воен-*

ных неудач, указание на тайные помыслы, взаимоотношение с Печерским монастырём и его насельниками, прямое морализирование.

Неодобрение действий Святополка ощущается с первых строк. Не послушав совета старшей дружины, Святополк **совѣтъ створи с пришедшими с нимъ, и изъимавъ слы, всажа 'и в-истобъку** (143), и тем самым навлекает на Русь половцев. Как и Всеволод, Святополк не в состоянии сам решать проблемные вопросы, поэтому обращается за помощью к Владимиру. Причём делает он это не из личных побуждений, а по совету разумных «мужей», в числе которых слышится и голос летописца, взволнованного бедственным положением страны: «**наша земля оскудела есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ**» (143). Новый упрёк князьям, затеявшим распри в то время, когда родную землю разоряли «поганые», снова звучит от лица «смышлёных» и передаёт народную точку зрения (в нашей терминологии — «*общую позицию-оценку*»)[327].

Через *диалоги-споры*, *диалоги-конфликты* раскрывается сущность героев. Как отмечал И. П. Ерёмин, «несмыслении» советчики, на мнение которых уповает Святополк, «подчёркивают его *отрицательную* характеристику». Одним из таких неоправданных, с точки зрения летописца, решений было решение киевлян, поддержанное Святополком, о вступлении в войну с половцами (144). *Описание трагических последствий* военного столкновения звучит как неприкрытое обвинение «неразумному» князю. По его вине гибнет юный Ростислав (144). Половцы, почувствовавшие вкус победы, принимаются разорять русскую землю[328]. Символический смысл несёт совпадение поражения с большим христианским праздником: **Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26** (144). Череда несчастий побуждает летописца к размышлениям на тему о казнях Божьих.

Святополк проявляет несостоятельность в борьбе с половцами. Не способствует стабилизации внешних отношений даже заключение мира 1094 года, подкреплённое женитьбой Святополка на дочери Тугоркана. Ещё более обостряет и без того шаткие отношения с половцами инициированное киевским князем убийство половецких послов Итларя и Кытана. Подливает масло в огонь и Олег Святославич, использующий половцев для отъёма своих отчин. Особенно интенсивным в плане военных столкновений оказывается 1096 год. Назрела необходимость объединить усилия для борьбы с общим врагом. Эти задачи и предстояло решить на Любечском съезде князей 1097 года (170). Распределив между собой отчины, **на том цѣловаша кресть:**

«**Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и кресть честный**» (171). Однако почти сразу договорные обязательства начинают нарушаться: Святополк, поддавшись наговорам Давыда Игоревича, организует ослепление Василька Ростиславича.

Следует отметить, что «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» замечательна в плане художественного изображения персонажей, поскольку предлагает иные, *нетрадиционные для средневековой литературы способы характеристики персон*, такие как: *«передача внутренних движений души и мысли», т.е. показ «не самого поступка», а «пути к поступку» и «психологии этого пути»* (пользуемся терминологией А. А. Шайкина), то, что, по мысли исследователя, «войдёт в литературу уже в новое время» и никак не укладывается «в системность средневековой литературы»[329]. Древний автор впервые на страницах летописи характеризует героя не посредством его поведения, поступка, т.е. внешних проявлений, а пытается заглянуть герою в душу и найти потаённые уголки сознания, понять, что он думает, чувствует. Изображая Святополка, летописец умело проникает в его внутренний мир, указывает на внезапно охватившее персонажа волнение: **Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ»** (171)[330]. И хотя Святополк отвечает Давыду вполне твёрдо и уверенно, как и подобает киевскому князю[331], внутренние переживания продолжают его одолевать: **Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть?** (171). Чувство сострадания к брату выступает положительным элементом оценки, но сиюминутный порыв быстро заглушают эгоистические настроения. В результате тревожных сомнений **и я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ**» (171). На этом, по мысли исследователя, заканчивается «психологическая новелла о вовлечении в преступный замысел»[332]. Несвойственным для раннесредневековых произведений является также используемый летописцем способ одновременного изображения разновременных событий[333]. Речь идёт о параллельных во времени состояниях персонажей: в то время как Давыд и Святополк начинают вынашивать преступную идею, Василёк и Владимир пребывают в неведении (171). Изображая преступление с момента зарождения, показывая подробности этой ужасающей кровавой расправы над ни в чём не повинным Васильком, летописец стремится «не столько декларировать греховность покусительства одного князя на другого, сколько *показать, изобразить* весь ужас совершаемого преступления»[334]. Уже совершив злодеяние, Святополк пытается оправдаться перед князьями и народом и перекладывает вину на Давыда Игоре-

вича, что, впрочем, не мешает ему организовать военный поход на Василька и Володаря. Посредством *прямого морализирования* летописец обвиняет князя в нарушении Священного обета крестоцелования, заодно и раскрывает его *тайные помыслы*: **И преступи Святополкъ кресть, надѣяся на множество вой** (178). Поражение от Ростиславичей в 1097 году получает религиозную трактовку. Летописец подчёркивает, что в ратных делах следует уповать не на **множество вой**, а на крестную силу и Бога.

Непопулярность Святополка в народной среде очень наглядно демонстрирует эпизод обмена городами 1102 года. Когда Святополк и Владимир договорились переместить сыновей (Мстислава Владимировича во Владимир, а сына Святополка — в Новгород), новгородцы достаточно иронично выразили недовольство таким обменом: **не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и.** Они потребовали оставить Мстислава, сославшись на некогда авторитетное решение Всеволода (182). Доброжелательно настроенный к Святополку автор вряд ли бы внёс в летопись информацию, так или иначе порочащую князя.

Малозначительна роль Святополка в победоносных кампаниях 1103 и 1111 гг. Решение о начале наступательной кампании снова принимает Владимир, главным действователем выступает Бог. Святополк упомянут только в связи с пленением половецкого хана Белдюзя, но и здесь великий князь играет второстепенную роль, перепоручая проведение допроса Владимиру. Победа 1111 года также представлена как общая победа всех русских князей, и имя Святополка стоит первым в ряду только по соображениям субординации (192).

Авторское отношение к Святополку несколько смягчается в летописных записях 1107, 1108 годов. Летописец сообщает, что после очередной крупной победы над половцами киевский князь приходит в Печерский монастырь на заутреню и черноризцы его радостно встречают. И автор подчёркивает: это был не единичный приезд князя, а традиционный ритуал получения благословения накануне важных событий[335]. О боголюбивости Святополка свидетельствует исполненное по совету игумена Печерского Феоктиста поручение о занесении имени Феодосия в синодик[336]. Обозначенная в тексте *реакция персоны* (**радъ бывъ**) служит важным характеристическим элементом. Благоверными назывались князья не за конкретные деяния на благо церкви, а «свои» князья, на чьей стороне высьупает летописец, и в этом плане определение «благоверный», безусловно, показатель положительной оценки.

И всё же 20-летнее правление Святополка, отмеченное постоянной борьбой с половцами, не сделало его популярным, не принесло народной любви и уважения. Объективно его личной заслуги в победах над иноплеменниками не было. Инициатором, как правило, выступал Владимир Мономах, победная роль приписывалась Всевышнему. При этом киевский князь оказывался неспособным принимать верные тактические решения. Святополк — второстепенный персонаж, несмотря на его высокое положение в государстве. Большинство его поступков противоречит духовно-нравственным представлениям летописца: дважды он нарушает крестоцелование; пренебрегает советами «смыслених»; занимает пассивную позицию в важнейших вопросах государственной безопасности, перекладывая груз отвественности на своего двоюродного брата Мономаха.

В построении И. П. Ерёмина летописная биография **Владимира Мономаха** стоит в одном ряду с биографиями Бориса и Глеба, Всеволода Ярославича, Святополка Окаянного и Олега Святославича, которые, как считает учёный, подверглись «последовательной, от начала до конца, агиографической стилизации»[337]. И если «святость» Всеволода вызвает определённые сомнения, поскольку деятельность князя, какой она представлена в летописи, не отмечена сверхпоступками, то в изображении Мономаха отчётливо ощутимо желание автора представить его как идеального князя. В этом А. А. Шайкин усматривает «сознательный, или, во всяком случае, *объективно присутствующий в ПВЛ композиционный замысел*»[338]. Владимир Мономах — последний киевский правитель, представленный на страницах ПВЛ. Он — современник летописца, и это, безусловно, накладывает определённый отпечаток на стиль изложения и отбор материала о князе. Среди способов комментирования персоны наиболее употребительными являются: *описание ситуации и поведения в ней персоны, описание заслуг, монологи-размышления, диалоги-споры, эмоциональные реакции на события, указание на связь с «первыми» князьями, с высшими силами, народом, авторские отступления*.

Летописец подчёркивает ведущую роль Владимира во всех государственных делах, начиная со времён княжения его отца Всеволода, а затем — брата Святополка. Справедливость и порядочность заставляют Мономаха отказаться от претензий на киевский стол в 1093 году после смерти Всеволода, хотя серьёзные основания и военные возможности позволяли ему этого не делать. *Монолог-размышление*, исполненный благородных порывов, сродни смирению Бориса, уступившего киевский стол в сходных условиях другому Святополку (143). Уважительно Владимир относится не только к своим соотече-

ственникам, но и врагам. Не сразу решается князь на участие в заговоре против половецких послов Итларя и Кытана: «**Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ?**» (148). Только неоспоримые доводы дружины убеждают его поменять решение[339].

Ещё одним важным характеристическим средством оценки героя выступают его *эмоциональные отклики, реакции на события*. Владимир, на глазах у которого гибнет младший брат, тяжело переживает утрату: **и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, и иде Чернигову печаленъ зѣло** (144). Не менее чувствительно реагирует Владимир на известие об ослеплении Василька[340]. «Сентиментальные слёзы», сопровождавшие убиение Бориса и Глеба, видимо, и здесь «обнажают агиографическую природу» (определения И. П. Ерёмина) летописного портрета Владимира. И как святость Бориса передаётся его подданным, так и благородство Мономаха магическим образом влияет даже на таких ненадёжных и безрассудных князей, как Давыд и Олег Святославичи, которые, услышав от Владимира о Васильке, **печална быста велми и плакастася, рекуще, яко** «**Сего не было в родѣ нашемь**» (174). Интересно, что Святославичи не ищут, как обычно, повода, чтобы уклониться от общего похода, а, наоборот, очень быстро мобилизуют силы и присоединяются к войскам Владимира. Чуткое, уважительное отношение к предкам, о которых Владимир неоднократно упоминает в своих речах, распространяется и на современников князя. С большим трепетом, эмоционально реагирует Мономах на мольбы вдовы Всеволода и митрополита Николы о необходимости предотвратить кровавую распрю[341].

Идеализированный образ князя создаётся посредством *авторских отступлений*. Сначала летописец включает в текст размышление о том, как Владимир почитал княгиню, смиренно исполнял наказы отца и чтил митрополита за святительский сан[342]. Но этих суждений, видимо, оказалось недостаточно, и автор решил сделать специальное отступление о любви Владимира к духовенству, сопоставимой по силе переживания с любовью матери к своему ребёнку[343].

Особенно ярко проявил себя Мономах в борьбе со степными кочевниками[344]. Образ дальновидного стратега наглядно демонстрируют *диалоги-споры* накануне военных предприятий. И что интересно, мнение, высказанное Владимиром, всегда находит конкретное подтверждение в последующих событиях. В военном конфликте с половцами 1093 г. Владимир всячески старается разрешить ситуацию мирным путём: «**Сдѣ стояче чересъ рѣку, в грозѣ сей, створимъ**

миръ с ними» (144). И когда действуют вопреки его советам, ничего другого, кроме трагической развязки, ожидать не приходится: **Половци же видѣвше сдолѣвше, пустиша по земли воююче** (144). Зато инициированные Мономахом наступательные походы 1103 и 1111 гг. приносят русским блестящие победы. Показательно, что накануне этих сражений между Владимиром и святополковой дружиной разгораются тактические споры. Как всегда блистательно, Мономах развенчивает псевдозаботливое отношение к смердам и настоятельно рекомендует использовать народное ополчение[345]. Аналогичное словесное оформление получает речь Владимира накануне сражения 1111 года. Отличие заключается лишь в реакции дружины на его слова. Если в сообщении 1103 года действительно разворачивается диалог-спор, то в статье 1111 года конфликта нет. Дружина Святополка смиренно отвечает: «**Право во истину тако есть**» (190). Видимо, предыдущие события окончательно убедили княжеское окружение в действенности и огромной пророческой силе владимировых слов.

На особую *связь* Мономаха *с высшими силами* указывает и летописец. Это ему в преддверии военной операции 1111 года **вложи Богъ… въ сердце** мысль идти на «поганых». Словно боясь сместить акценты, автор после победных реляций вновь напоминает: **Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, руськии князи** (192). Очень искусно обыгрывает летописец и знамение в Печерском монастыре, которое соотносит с моментом откровения, постигшим князя[346]. Ещё больше светлых тонов вносит в образ Мономаха его *поведение* после смерти Святополка в 1113 году. Он не сразу принимает приглашение жителей Киева на княжеский стол, так как это нарушало правило, принятое на Любеческом съезде князей, по которому каждый князь должен держаться своей вотчины, то есть преемником Святополка должен был стать его старший сын. И благосклонный к Владимиру автор это, конечно, понимает, поэтому объясняет согласие князя исключительно благими целями: чтобы не стать виновником разграбления монастырей, за что пришлось бы отвечать перед Богом. С воодушевлением летописец передаёт настроение людей в связи с вокняжением Владимира, утихает и разразившийся до того бунт (197).

Став полноправным правителем, Владимир продолжает устрашать степных кочевников (197). В 1115 году организует перенесение мощей Бориса и Глеба в специально построенную для них каменную церковь. Показателен для характеристики Владимира эпизод спора относительно места расположения мощей святых. Несмотря на то,

что Владимир проигрывает спор Святославичам, сдаваться не спешит. Твёрдо решив поставить над раками серебряный терем, он осуществляет задуманное, когда все расходятся (200).

Вместе с тем, личность Владимира Мономаха, какой нам её представил древний автор, замечательным образом сочетает в себе, с одной стороны, напористость и бескомпромиссность, что важно для управления государством, а с другой стороны — способность сострадать, прощать, снисходительно относиться к недостаткам окружающих. Непокорность Глеба Всеславича приводит к военному конфликту с Владимиром, но последний считает себя правым, и летописец явно на его стороне[347]. Созданный в народе легендарный образ Мономаха — устрашителя половцев приводит в ужас не одних степных кочевников[348]. Владимир, почитающий Бога и христианские праздники, соглашается на перемирие с минским князем в дни Великого поста[349]. В 1116 году в летописи зафиксировано ещё одно важное, с точки зрения летописца, событие. Владимир, следуя заветам своих предшественников, стремится повторить их славные подвиги[350]: **в се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю** (201). Последние, отмеченные в ПВЛ, годы (1116, 1117) характеризуются дальнейшим упрочением власти Владимира-самодержца. По-прежнему он использует разнообразные методы борьбы с внешними врагами и усмирительные походы в отношении мятежных удельных князей.

Помимо летописных материалов о князе Лаврентьевская редакция ПВЛ содержит и собственное произведение Владимира Мономаха, названное «Поучением». Учитывая вставной характер «Поучения» и наличие у него общеизвестного конкретного автора, мы посчитали нецелесообразным анализировать этот текст. Отметим лишь, что образ летописного Владимира вполне соответствует образу, созданному самим князем. Мы усматриваем тождество в одинаковых представлениях о должном, в единой шкале ценностей, единых этических и политических представлениях летописца и автора «Поучения». Известно, что Мономах сочувственно относился к простому народу, защищал интересы смердов. Такой князь не мог не завоевать народной любви и признания. Летописцы в изображении Владимира Мономаха, видимо, в значительной мере выразили общенародную точку зрения.

Оценочность проявляется не только в отношении великих киевских князей, но и князей удельных. Они попадали в поле зрения летописцев, когда их судьбы пересекались, вступали во взаимодействие с

интересами Киева — исходной точки, из которой авторы наблюдали за жизнью общегосударственной.

Восхищение вызывает у летописца самоотверженное *поведение* **Мстислава** в битве на Листвене 1024 года[351]. В *словах* князя о погибших наёмниках ощущается радость и самого летописца: «**Кто сему не радъ? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла**» (100). Большой симпатией пронизана *речь-обращение* к Ярославу, в которой отражены важнейшие идеологические предпочтения древнего книжника[352].

Не используя прямых оценок, через *описание поведения* летописец демонстрирует благосклонное отношение к **Глебу Святославичу**. И это притом, что Глеб дважды изгонялся из Тмуторокани, а его отец Святослав не заслужил посмертного некролога. Поступок, который приподнял в глазах летописца Глеба, был направлен против новгородского волхва, сеявшего в народе зёрна раздора и недоверия к церкви и власти (122). Решительные действия Глеба находят одобрение у летописца, который воспринимает смерть волхва как избавление от дьявольских козней: **погыбе тѣломь, и душею предавъся дьяволу** (122).

Резкому осуждению на страницах ПВЛ подвергается **Борис Вячеславич**. Вместе с Олегом он участвует в наведении на Русь «поганых». Даже мощная коалиция из четырёх Ярославичей не представляется ему опасной: **И рече ему Борись: «Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ»** (133). *Слова* Бориса, пронизанные высокомерием и непомерной гордыней, летописец сопровождает грозным *комментарием-предостережением*: **похваливъся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣренымъ даеть благодать, да не хвалиться силный силою своею** (133). В сообщении о его гибели летописец ещё раз напоминает о его похвальбе, и звучит это как гневный упрёк. Нет сочувствия, жалости, напротив, будто невзначай автор замечает, что Бориса убивают первым, вероятно, в назидание другим князьям: **Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми** (133).

Тёмными тонами изображает летописец ещё одного князя-изгоя **Давыда Игоревича**. Он чужд сострадания и жалости, почти всегда ведёт себя коварно и беспощадно. Основными средствами оценки персоны выступают: *описание поведения, указания на преступные помыслы, упоминание в связи с его деяниями «сотоны», вложенная в уста огульная речь-обвинение*. Сначала вместе с Ростиславичами он захватывает Тмуторокань, затем начинает грабить греческих купцов, чем вынуждет Всеволода отдать ему во владение Дорогобуж, а потом

и Владимир. Но на этом Давыд не останавливается, и после Любеческого съезда князей 1097 года выступает инициатором ослепления Василька Ростиславича (171). Дополнительным штрихом к отрицательному портрету князя выступает упоминание «сотоны», под влиянием которого Давыд вовлекает в преступный замысел Святополка.

Нетрадиционные способы изображения персон, о которых упоминалось в связи с характеристикой Святополка, используются летописцем и в отношении Давыда. Показателен эпизод встречи с Васильком. Во время непринуждённой беседы между Васильком и Святополком **Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ** (172). Такая деталь представляется несущественной для Василька, который не подозревает о готовящемся преступлении, но она значительна для читателей, посвящённых в заговор князей. То, что летописец фиксирует важность «отсутствия события», само по себе явление экстраординарное. Как замечает А. А. Шайкин: «…для средневекового автора этот психологизм поразителен»[353]. Ещё более впечатляюще по своему эмоциональному воздействию описание внутреннего состояния Давыда, оставшегося с Васильком наедине: **И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци** (172). Древний книжник удивительно точно передаёт психологический дискомфорт, возникающий у человека, который стремится под маской доброжелателя скрыть истинные намерения. И хотя многие исследователи воспринимали проявление психологизма в произведениях Древней Руси как некое отклонение «от нормы», отступление «от традиции, от канона, от обычного бесстрастного, этикетного изображения действительности», но, между тем, констатировали: «Этот психологизм, в общем весьма редкий для древнерусской литературы старшего периода, говорит и о больших художественных возможностях, и о литературном умении древнерусских книжников; возможности эти и это умение давали о себе знать, как только для того представлялся достаточный повод, когда нужно было создать определенное отношение читателя к описываемому»[354].

Поведение Давыда по сути служит его самохарактеристикой. Уже после преступления он предпринимает попытку **переяти Василкову волость**. А когда получает отпор со стороны Василькова брата Володаря, не только не раскаивается, но и огульно обвиняет Святополка[355]. Слова от автора вскрывают настоящие побудительные мотивы Давыда: **Давыдъ же на Святополка нача извѣть имѣти** (177). Между тем, по верному замечанию, «летописец не стремится изображать князей как завзятых злодеев»[356]. В эпизоде блистательного разгрома венгров (1097 г.) он отдаёт должное бое-

вым умениям Давыда Игоревича, сражающегося совместно с Боняком самоотверженно, с воодушевлением.

Часто летописец перекладывает ответственность за поступки князей на «злых советников». Доверчивость Ярополка Изяславича чуть было не обернулась походом на Всеволода: **В лѣто 65931085. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злых совѣтникъ** (135). Не раз упрекаемый летописцем за свои поступки **Олег Святославич**, получивший у автора «Слова о полку Игореве» прозвище Гориславич, не идёт к братьям, попав под влияние недостойного окружения: **И не въсхотѣ ити к братома своима, послушавъ злых совѣтникъ** (150).

И. П. Ерёмин рассматривает биографию Олега Святославича в качестве наглядного примера особой повествовательной манеры летописца: сопровождать изложение фактов моральной оценкой. В числе способов комментирования исследователь выделяет «сам отбор слов», который «создаёт своеобразную морально-дидактическую атмосферу вокруг Олега, вокруг того или иного эпизода его деятельности, — атмосферу, явно для него неблагожелательную», а также «переход от косвенной моральной оценки к прямой»; сознательный «отказ летописца от какой-либо реабилитации Олега», установление прямой связи между «плохими» поступками князя и природными аномалиями. При этом исследователь в отношении Олега усматривает только «подчёркнуто отрицательную оценку» и считает, «что летописец, излагая биографию этого князя-мятежника, «много зла» сотворившего «Русьстей земле», имел в виду именно *осудить* его»[357]. Между тем, в летописном тексте содержатся такие сведения, которые свидетельствуют о неоднозначной авторской оценке. Почти сразу после «откровенной морально-дидактической проповеди»[358], слышится голос объективного повествователя, разделяющего позицию Олега в споре с Изяславом за Муром (волость Святослава, отца Олега)[359]. Не соответствует «отказу от реабилитации» указание на участие Олега в совместных с Мономахом военных операциях 1107 и 1113 годов, а также в перенесении мощей святых Бориса и Глеба, во время которого Святославичи, кстати, выигрывают у киевского князя спор о местоположении святых в церкви. Поэтому, как нам представляется, нельзя так избирательно, как это делает И. П. Ерёмин, подходить к отбору текстовых сообщений. Следует учитывать всю совокупность сведений о князе, которые отражают довольно сложную, многогранную авторскую оценку. С одной стороны, он причинил Русской земле много вреда, поскольку совместно с половцами участвовал в разграблении родной страны, в кровопролитных междоусобных распрях. Но

оборотная сторона медали — положение изгнанника, обездоленного и обречённого на скитания, в котором оказался Олег после смерти отца. Автор всегда испытывает определённые симпатии к обижаемым, к несправедливо наказываемым, и такое сочувственное отношение присутствует в оценке Олега.

Противоречивое отношение у летописца и к полоцкому князю **Всеславу**, сыну Брячислава Изяславича. Истоки будущих преступлений князя автор находит в самом *процессе появления на свет*. Если Святополк сам себя родил от прелюбодеяния, то Всеслава мать родила от волхвования. Язвено на голове Всеслава олицетворяет проклятие, **сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье** (104)[360]. Между тем, в фундаментальной работе о Всеславе Д. С. Леонардов пытается развенчать созданный в летописи образ жестокого князя-оборотня. По мысли учёного, Всеслав не более пятой части времени своего княжения провёл в войнах, которые по большей части имели характер «вынужденной самозащиты и законной обороны своих прав, чем жестокого по кровопролитью натиска на противников»[361]. Иначе считает летописец, улавливающий причинно-следственную связь между недобрым знамением и поведением мятежного Всеслава[362].

Дальнейший ход событий демонстрирует иной взгляд на князя-кудесника. Как только Всеслав оказывается в положении обманутого, симпатии летописца переходят на его сторону. Его вокняжение в Киеве в 1068 году напрямую *соотносится с силой креста*, которую явил Бог **на показанье землѣ Руськѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его** (115). Утверждая «типичность» перевоплощений героев в ПВЛ, И. П. Ерёмин замечает, что Всеслав в эпизоде вокняжения — «орудие божественного возмездия Изяславу, «живой» урок князьям. …Когда Всеслав выполнил эту порученную ему дидактическую задачу, он выпал у летописца из агиографического плана: «святой» обратно перевоплотился в «злодея» — легендарного князя-оборотня, политического авантюриста, «немилостивого на кровьпролитье»[363]. Наши наблюдения не позволяют согласиться с И. П. Ереминым. Полагаем, что к Всеславу в летописи нет отрицательного отношения, поскольку отсутствуют указания на его дурные помыслы, ни разу в связи с ним не упоминается «сотона», нет специфических эпитетов, обнаруживающих законопреступный смысл деяний.

Действительно, авторское отношение к героям, особенно послевладимирова периода, редко бывает однозначным и беспристрастным. В определённых ситуациях даже положительные герои, герои-жертвы заслуживают осуждения. Яркий пример — **Василько**

Ростиславич. Вся повесть об ослеплении Василька Теребовльского пронизана глубоким сочувствием к Васильку и непримиримым отношением к главному заговорщику преступления Давыду Игоревичу. В *монологе-исповеди* Василию (автору повести) князь раскрывается как человек благородный, исполненный высокого патриотизма к своему Отечеству, осознающий собственную греховность. Однако сочувственное отношение к Васильку меняется на прямо противоположное, когда из обижаемого он «перевоплощается» в жестокого мстителя. Очень реалистично описывает летописец эпизод расправы Ростиславичей над ни в чём не повинными жителями Всеволожа[364]. Об отрицательной авторской оценке свидетельствует двойное указание на невиновность людей. *Переход от косвенной моральной оценки к прямой* осуществляется *в комментарии* ко второй мести Ростиславичей[365].

Путь к реабилитации персон открывает поведение Святополка, поставившее Ростиславичей вновь в положение угнетаемых, обижаемых. Сила креста, которая помогла в своё время Всеславу освободиться из несправедливого заточения и обрести власть над Киевом, помогает Ростиславичам одержать победу на Рожни в битве со Святополком (178—179). Пафосная *речь-обращение* Василька к противнику соответствует авторскому настроению[366]. Особый колорит придаёт рассказу изображение Василька с поднятым над головой крестом, символизирующим чистоту помыслов и божественное покровительство.

Выводы: Летописный материал подтвердил, что ведущими способами в изображении князей являются «эпический» и «религиозно-дидактический». Для первого способа, который нашёл отражение в характеристике князей довладимирова периода, свойственно эпически ровное освещение фактов и событий, беспристрастный авторский взгляд, косвенный в основном характер оценок. Второй способ, применяемый летописцем в изображении князей послевладимирова периода, характеризуется императивным тоном, пристрастным, взволнованным авторским отношением, прямыми оценками «от автора». Эти традиционные, этикетные принципы изображения персон, характерные для летописного повествования, дополняются т. н. «исключениями», выходящими за рамки жанра. В них центр тяжести переносится с «поступка» как конечного результата на «процесс», «путь к поступку» (определения А. А. Шайкина). И такой литературный «прорыв» в новое имеет место в описании психологического состояния Святополка Окаянного в момент безумного бегства от невиди-

мых преследователей, в изображении душевной борьбы, охватившей Святополка Изяславича в ответ на предложение Давыда, в передаче психологического дискомфорта Давыда Игоревича, вызванного уединённой встречей с Васильком незадолго до его ослепления. Здесь, по меткому замечанию О. В. Творогова, «церемониальность… отступала под напором действительности»[367].

Нельзя назвать условным, «фрагментарным» сам характер авторских оценок. В изображении и комментировании персон присутствует сложная гамма авторских отношений[368]. «Однолинейность», о которой говорили И. П. Ерёмин и Д. С. Лихачёв, с некоторыми оговорками проявилась только в изображении «трафаретного злодея» Святополка, мучеников-«страстотерпцев» Бориса и Глеба, идеального князя Владимира Мономаха. Автор-летописец демонстрирует объективный взгляд на события и действующие лица[369], говорит от лица «истины» (Ю. М. Лотман). Вместе с тем, он «оценивает деяния князей, как с позиции вечных моральных истин, так и с позиции общественной морали своего времени. Летописец судит исторических деятелей не столько «божиим судом», сколько судом людским, судом «киян», «мужей смысленных» (В. В. Кусков). Идеология летописца-христианина формирует определённую шкалу ценностей. Отрицательной оценки заслуживают братоубийцы, предатели, те, кто нарушают крестоцелование, действуют обманным путём, хитростью, «по дьявольскому наущению», возвышаются в гордыне, пренебрегают интересами своей отчины, не способствуют процветанию Русской Земли. И, наоборот, высоких хвалебных оценок заслуживают князья-праведники, князья-просветители, готовые пожертвовать личными интересами во благо государственным, следовать заветам отцов и дедов, способствовать консолидации усилий в борьбе с внешними врагами и внутренними распрями. И здесь вполне справедливо замечание И. П. Ерёмина о том, что «мораль летописца — конкретна: добро для него — только то, что несёт в его понимании благо Русской земле; зло — всё, что угрожает её благополучию и процветанию»[370]. Таким образом, летопись — не серия портретов и биографий, оценки даются в конкретных ситуациях.

Анализ авторских экспликаций в текстах о князьях выявил различные формы авторского самовыражения. Летописец редко прямо и декларативно заявляет об отношении к персонам[371]. Открытое проявление чувств находим в эпизодах, характеризующихся отношением князей к вопросам государственной безопасности и феодального сюзеренитета, а также к религии. Соразмерно тому, как исторический

деятель проявляет заботу о своей отчине, соблюдает законы феодального старшинства, следует христианским заповедям, «повышается» или «понижается» авторский градус. Прямого осуждения заслуживает Святослав, не желающий принимать христианства и пренебрегающий интересами Киева. Открытый упрёк звучит в адрес Владимира, охваченного грехом прелюбодеяния. Яркой эмоциональностью отличается статья 1037 года, возвышающая Ярослава — просветителя христианства. Прямые инвективы звучат в адрес Святослава — виновника изгнания Изяслава. Специальное отступление о любви Владимира Мономаха к духовенству ещё плотнее приближает его к разряду князей идеальных. Авторский голос бывает слышен даже в нейтральных, на первый взгляд, сообщениях, и здесь его особый тембр позволяют различить выстраиваемые им же внутритекстовые связи (например, упоминание о пожаре в церкви в связи с приходом в Киев Ярослава). Однако наиболее употребительными в ПВЛ являются *непрямые формы выражения авторской позиции*[372]. В таких случаях *средствами характеристики героев* выступают:

- указания на происхождение князя;
- описание заслуг, поступков персоны;
- описание ситуации и поведения в ней героев;
- описание смерти;
- диалоги, монологи, реплики персонажей[373];
- тонкие штрихи и намёки;
- испытания;
- тайные помыслы и реакции;
- детали события;
- словоупотребление;
- описание внутреннего состояния персоны;
- отождествления отечественных героев с библейскими персонажами;
- цитаты из Священных книг;
- обобщённые описания;
- внешний портрет;
- указания на связь с «первыми» князьями, с высшими силами, народом, Печерским монастырём, Феодосием.

Некрологи как средства характеристики князей

Важным способом характеристики персон выступают в тексте ПВЛ посвящённые князьям некрологи[374]. В статье, посвящённой некрологическим характеристикам, А. А. Шайкиным предпринимается попытка систематизации сообщений ПВЛ о смерти[375]. А.А. Пауткин

относит некрологи к самому многочисленному типу летописных похвал, которые стали «одной из ранних попыток освоения человеческой личности в нашей литературе»[376].

Как таковая некрологическая характеристика, под которой понимаем итоговую оценку деятельности персоны, впервые используется летописцем в отношении первой русской княгини-христианки Ольги. О смерти князей-язычников сообщается как об историческом факте, имевшем место быть. Достоверность таким известиям придаёт указание на год смерти. В виде краткой заметки представлена информация о смерти **Рюрика**: **Въ лѣто 6387*879*. Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, от рода ему суща, въдавъ ему сынь свой на руцѣ, Игоря, бе бо дѣтескъ вельми** (19). В сообщении фиксируются вопросы передачи власти, но оно ничего не даёт для понимания личностых и деятельных качеств князя. Мало что прибавляют к историческому портрету персон сообщения о смерти **Олега, Игоря и Святослава**. Их гибель, а трое князей-язычников умирают не своей смертью, напрямую соотносится с идеологическим заданием автора. «Смысл этих судеб» имеет, по словам А. А. Шайкина, «существенные черты общности: князья вознеслись в гордыне, переоценили свои возможности, пренебрегли наставлениями»[377], и за это поплатились жизнью. Их биографии исследователь определяет как биографии «наказания». Дополнительными структурными компонентами сообщений выступают: *указания на причину смерти* и *место захоронения*. Олег умирает вследствие укуса змеи (в авторском представлении — за высокомерие): **И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре.** Игоря убивают древляне (в авторском представлении — жадность): **И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало** (40); Святослава — печенеги (в авторском представлении — отказ креститься и псевдопатриотизм): **И нападе на нь Куря, князь печенѣжьский и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху из него** (53).

Однообразное словесное оформление получают указания на места княжеских погребений[378]. Отличие заключается лишь в наличии этикетного плача у Олега и его отсутствии у Игоря. Видимо, *информация о плаче* выступает в тексте своеобразным способом оценки персон. Принимая во внимание и то, что в сообщении о смерти Олега *указывается точное число лет княжения*, можно полагать, что Олег в глазах древнего автора был наиболее влиятельным из князей-язычников.

А. А. Шайкин рассматривает некрологи Ольге, Владимиру, Борису и Глебу в одном ряду, указывая на их смысловую и стилистическую близость[379]. Об их вероятной принадлежности руке одного автора писал Д. С. Лихачёв[380]. В отличие от предыдущих кратких по объёму заметок о кончине князя, настоящие некрологи по праву могут быть названы характеристическими по способу оценки и хвалебными по содержанию. В качестве роднящих признаков отметим также использование священных изречений; приёма аналогий; оценочных эпитетов; употребление глаголов и местоимений в форме 1 лица мн. ч.

Ольга — первая христианка, с которой связано будущее крещение Руси, и для автора это гораздо существеннее, чем её государственные успехи[381]. Особой эмоциональностью окрашены слова-обращения, заимствованные из религиозных источников. Летописец присоединяет свой голос к авторитетным словам пророка, выражая тем самым «*мы-позицию*»: **Мы же рцѣмъ к ней: «Радꙋйся, рꙋское познанье къ Богꙋ, начатокъ примиренью быхомъ»**. Для автора особенно важно, что блаженная Ольга **по смерти моляше Бога за Рꙋсь**. Не обошлось без упоминания дьявола, от которого княгиню защитило божественное покровительство[382].

С высоких хвалебных оценок начинается некролог **Владимиру** 1015 года. Заслуги русского князя перед Отечеством сопоставимы с великими делами римского императора Константина, сделавшего христианство официальной религией Римской империи: **Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сь створи подобно емꙋ.** Желая отвести возможные упрёки в адрес Владимира, автор напоминает о его духовном перерождении[383]. Его недостойное прошлое ничто по сравнению с огромным вкладом, содеянным крещением Руси: **Дивно же есть се, колико добра створилъ Рꙋсьстѣй земли, крестивъ 'ю.** Автор укоряет христиан, к которым причисляет и себя, в том, что недооценили, не в той мере, в которой следовало, осознали великость Владимирова деяния[384]. По мысли книжника, Владимир открыл путь познания Бога, поэтому **намъ бо достоить за нь Бога молити**. Летописец обращается к Всевышнему с просьбой исполнить все желания Владимира Святого и увенчать его вместе с праведниками в царствии небесном. Высказанные ранее упрёки в адрес недостойных христиан сменяются в конце похвалы заверениями о награде, которая ожидает каждого за его праведные дела[385]. Справедливо замечание о том, что «реальная сложность и незаурядность Ольги и Владимира, отражённая летописью, в некрологах

исчезает, всё значение их личностей для летописца сосредоточивается в их религиозных актах. Но в осмыслении и оценке этих актов летописец поднимается до высокой поэтичности и идёт на смелые аналогии, уподобляя деятелей русской истории героям прошлого»[386].

Ещё меньше индивидуальных черт реальных исторических лиц извлекается из некрологической статьи, посвящённой сразу двум святым мученикам **Борису** и **Глебу**. Они олицетворяли для летописца идеал братолюбия и непротивления злу. Идеализация отразилась на содержании похвалы. Они, по мысли книжника, **єста заступника Ѹусьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ**. Переход от пространной хвалебной речи к прямой характеристике «от автора» осуществляется посредством использования местоимений и глаголов в 1-м л. мн. ч.: **Тѣм же и мы должни єсмы хвалити достойно страстотерпца Христова молящеся прилѣжно к нима**…(94). Текст молитвы состоит из повторяющихся синтаксических конструкций с одинаковым обращением[387]. Возвышенные слова в конце похвалы облекаются в форму конкретной просьбы[388]. Святость князей Бориса и Глеба ещё раз подчёркивается в погодной записи 1115 года в связи с перенесением мощей святых. Особое внимание автор акцентирует на глубокой осознанности поступка. Братья самостоятельно избрали путь, который открыл им дорогу в храм Божий (200). И их мученический подвиг по достоинству был оценён[389].

Особое значение Ольги, Владимира, Бориса и Глеба в том, что они первые. Ольга первой на Руси оценила значение христианства, Владимир крестил Русь, Борис и Глеб стали первыми её святыми. И, видимо, это обусловило содержание некрологических характеристик, проникнутое идеей прославления и идеализации, передающее восторженное, пиететное авторское отношение, но, вместе с тем, акцентирующее внимание только на религиозных актах, дающее обобщённый, слабо индивидуализированный портрет исторических персон.

О смерти **Ярослава Мудрого** сообщается в летописной статье 1054 года: **Прѣставися великий князь русьскый Ярославъ** (108). Вместо посмертной характеристики умершего автор рассказывает о прижизненном завещании, адресованном сыновьям Ярослава, в котором звучат любимые, дорогие летописцу идеи о необходимости согласия между князьями, сохранения родной земли и пагубности междоусобных распрей. Сама некрологическая статья кратка по содержанию и сдержана в эмоциональном выражении. Она состоит из тех же структурных компонентов, что и ранние летописные сообщения о смерти

князей-язычников, т.е. указывается дата смерти, этикетный плач, место захоронения, количество прожитых лет[390]. По мысли А. А. Шайкина, «дополнительного некролога-похвалы летописец не даёт, видимо, памятуя о статье 1037 г.»[391]. А. А. Пауткин в связи с летописной характеристикой Ярослава 1037 г. заметил, что некрологические похвалы, «которые связаны с прославлением мудрости, книжной образованности» «редки и крайне не регулярны», поскольку «светский идеал требовал иных средств характеристики личности, искал в ней другие свойства»[392].

Возвышенного панегирика заслуживает **Изяслав Ярославич** (ум. 1078). Некролог предваряет сообщение о перевозе его тела в столицу Руси, где **изиде противу ему весь городъ Кыевъ**. Этикетный плач приобретает в авторском описании особое значение. Его всеохватность соответствует глубине переживаний: **И не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ и вопли; плака бо ся по немь весь град Киевъ**... Скорбные речи, вложенные в уста сына Ярополка, сопровождают траурную процессию[393]. Ярополк не просто печалится по поводу безвременной кончины отца, но ещё и указывает на его главный подвиг — смерть за брата. «Прочувствованная похвала» Изяславу лишена, по мысли А. А. Пауткина, «не только воинского элемента, но и упоминания о государственной мудрости», из чего «можно судить о слабости характера князя»[394]: **Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умом, не воздая зла за зло**. Иначе считает А. А. Шайкин: «...в некрологическом портрете и в собственных размышлениях летописца о погибшем князе образ Изяслава набирает необыкновенную высоту и достигает идеала князя, каким он представлялся летописцу. ...То, что Изяслав сумел преодолеть чувство личной обиды, сумел подняться до общих интересов, бесконечно возвышает его в глазах летописца...»[395].

От конкретных размышлений о непростом жизненном пути князя летописец переходит к обобщённым рассуждениям о великой силе любви, ради которой **и грѣси рассыпаются, и сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя**. Мотив братолюбия придаёт повествованию связность и логическую завершённость: **Любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповедь Господню** (135). Некрологическая характеристика Изяслава является ярким свидетельством пристрастного авторского взгляда, его политических предпочтений. Изгнанник-Изяслав, «несмотря на его обращения

к папе и Болеславу, сложные отношения с киевлянами», выступает в роли обижаемого, и словно бы «отбирает» у брата (Святослава. — О. И.) похвалу в летописи»[396]. При этом, не имея возможности описать ратные подвиги князя, по-видимому, за отсутствием таковых, летописец умело акцентирует внимание на его христианских добродетелях.

Неоднозначное авторское отношение имеет место в некрологической статье великому киевскому князю **Всеволоду** (1093 г.). Портретная характеристика обнажает положительные качества. В князе подчёркивается боголюбие, щедрость и особенно любовь к черноризцам, которым **подаяше требованье имъ**. Уделяется внимание и политическому аспекту: он занял киевский стол не насилием, а, как завещал отец, **сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего**. Однако киевское княжение не принесло Всеволоду счастье: **Сь же Кыевѣ княжа, быша ему печали больши паче, неже сѣдящю ему в Переяславли**. Перекладывая вину за это на его корыстных племянников, автор мимоходом указывает на такие, не вполне украшающие великого князя качества, как безволие и бесхарактерность: **сей же, омиряя их, раздаваше власти имъ**. Поэтому следующие за этим слова приобретают негативный смысловой оттенок: **В сихъ печали всташа и недузи ему, и приспѣваше старость к симъ**. Истинную причину всеобщего недовольства летописец раскрывает в словах о молодых советниках, которых князь возлюбил сильнее старшей дружины: **и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати, сему не вѣдущу в болѣзнех своихъ** (141—142). По мысли учёного, «…всё это звучит как неприкрытое обвинение, и оно тем сильнее, что произносится по существу в некрологе, где, кажется, не должно быть места для осуждения»[397]. Не лучшей представляется А. А. Пауткину некрологическая характеристика Всеволода с позиции воина. Такое «различное внимание отдельных летописцев к воинским качествам своих «героев» объясняется», как считает исследователь, «не столько определёнными литературными задачами, писательскими склонностями, сколько реальными свойствами людей, удостоенных похвал»[398]. Объективности ради на «огорчения летописца» в некрологе Всеволоду указывает и И. П. Ерёмин. Но он считает, что летописец «оправдывает» поступки Всеволода «старостью» и всё-таки «довершает его агиографическую характеристику»[399]. На наш взгляд, некролог Всеволоду демонстрирует объективную позицию летописца, учитывающего все аспекты жизнедеятельности исторической персоны, и следов агиографической стилизации не обнаруживает[400].

Довольно объёмный и благожелательный по содержанию некролог посвящает летописец **Ярополку** (ум. 1086), хотя тот был всего лишь провинциальным князем. И на это были свои причины. Во-первых, Ярополк и всё его семейство были крупными вкладчиками в Печерский монастырь. Кроме того, как известно, летописцы всегда принимали сторону невинных жертв, сочувствовали обижаемым и притесняемым князьями. Таким воином-изгоем, пострадавшим от руки Нерадца, видимо, не без согласия Всеволода и участия Ростиславичей, был Ярополк. Поэтому, скорее, как оправдательный жест воспринимается выход киевского князя с сыновьями навстречу жертве внутрикняжеских раздоров, как и честь, оказанная провиниациальному князю во время похоронного обряда[401].

В посмертной характеристике Ярополка акцентируется внимание на тяжёлых обстоятельствах его жизни[402]. Значимо и то, что в князе прославляются качества, свойственные больше монахам или святым: **Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ** (136). Как и в случае с Изяславом, ничего не говорится «о воинских качествах Ярополка». А. А. Пауткин считал, что «мытарства князей-изгоев, обстоятельства их трагической гибели заставляли книжника писать о них как о мучениках», что «само по себе — проявление воздействия исторического факта, судьбы героя на форму похвального текста»[403]. Не забывает летописец похвалить Ярополка и за боголюбие: **десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда**…(136). В молитве, написанной от лица князя, есть косвенное указание на причастных к его гибели[404]. Подобно Борису и Глебу, принявшим мученическую смерть от руки брата Святополка, Ярополк становится невинной жертвой заговора своих родичей. В авторской трактовке это звучит как Божественная милость в ответ на молитвенное прошение князя[405]. Но для современников события двойной смысл некрологической статьи, по всей видимости, был очевиден.

Сообщение о смерти **Святослава Ярославича** отличается от некрологических статей другим киевским князьям. Нет традиционного плача, похвалы, не идёт речь о заслугах. Указывается только дата, причина смерти и место захоронения: **Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, от рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса** (131—132). Между тем, при отсутствии маркированного автора достаточно выпукло представлена авторская позиция («*минус-позиция*»). Умолчание о качествах и заслугах князя следует рассматривать как форму негативного к нему отношения. По верному замечанию А. А. Пауткина, «отсут-

ствие в похвале того или иного момента зачастую может быть гораздо более значительным, чем наличие всех испытанных временем компонентов»[406]. Святослав — виновник распри в семействе Ярославичей, в своё время изгнал брата Изяслава, нарушив заповедь отца, не по праву занял киевский стол. Поведение князя-узурпатора не заслуживает оправдания даже после смерти, поэтому летописец отказывает Святославу в традиционном некрологе, ограничиваясь сухим, протокольным сообщением о смерти. Возможной причиной является редактура составителя окончательного текста, который был настроен против потомков Святослава.

Чем малозначительнее в представлении летописца была фигура князя, тем менее объёмна была посвящённая ему некрологическая статья. Такие краткие заметки имеют место в отношении сыновей Ярослава — Владимира[407] и Вячеслава[408]. *Портретная зарисовка* дана в отзывах на кончины удельных князей **Мстислава, Ростислава, Глеба**. В характеристике Мстислава (1036 г.) прославляется внешний облик, храбрость, благосклонное отношение к дружине, то есть качества, присущие доблестному воину[409]. Похожими чертами наделён Ростислав Владимирович (1066 г.): **Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь, и милостивъ убогымъ** (111). Здесь, по замечаниям А. А. Пауткина, «воинский элемент» «подчиняет себе всю характеристику, становясь ведущим или единственным признаком князя»[410].

Иначе изображён Глеб (1078 г.): **Бѣ же Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ** (132). В его характеристике подчёркиваются христианские добродетели, и это сближает Глеба с «князьями-скитальцами», «князьями-изгоями», коими представлены Изяслав и Ярополк. Будучи одним из сыновей Святослава, нелюбимого летописцем, вряд ли бы Глеб вообще «удостоился некролога, если бы он просто «преставися», но он был убит», а мы помним, что «князьям, погибшим в результате злого умысла, летописец уделяет особое внимание. Он всегда на стороне жертвы»[411]. Вероятно, те же обстоятельства подтолкнули летописца написать сочувственный некролог юному Ростиславу, сыну Всеволода (1093 г.)[412].

Как видно, действительно, «портрет» «у летописца условен, исчерпывается двумя-тремя стандартными чертами и, как правило, всегда сводится к *оценке* моральных качеств героя»[413]. Однако недопустимо сбрасывать со счетов «реалии самой жизни, без которых не мог обойтись ни один писатель»[414]. В этом отношении положительного

ответа заслуживает вопрос о том, «только ли морализирование и идеализация «создавали» некрологическую характеристику князя, или его деятельность и свойства личности влияли на приёмы летописца, создающего похвалу?»[415]. То, что летописец каждый раз производил выборку, учитывал «свойства личности», подтверждают расставляемые им самим акценты. Он отдаёт должное военным качествам Мстислава и Ростислава, потому что они, по-видимому, ярко проявили себя на этом поприще, чего нельзя сказать о Глебе, наделённом христианскими свойствами, и то в связи с трагическими обстоятельствами судьбы.

Вид краткой заметки имеет известие о смерти **Олега Святославича**[416]. И здесь важную смысловую нагрузку, по мысли А. А. Шайкина, приобретает контекстуальное окружение: «Словно подчёркивая равновеликий масштаб событий, летописец тотчас вслед за словами о смерти Олега приводит ещё одно сообщение: **Того же лѣта устрои мостъ чересъ Днѣпръ** (200). Смерть князя и строительство моста в этом ряду как бы ураниваются»[417].

Выводы: Летописные некрологи могут быть рассмотрены как «обобщающие характеристики личности человека» (А. А. Шайкин), в которых наряду с этикетными чертами выделяются индивидуальные особенности. Анализ некрологических материалов свидетельствует о постепенном переходе от нейтральных (Рюрик), идеологически заряженных (Олег, Игорь, Святослав) сообщений к обобщённым, слабо индивидуализированным характеристикам (Ольга, Владимир, Борис, Глеб) и, наконец, к портретным, более конкретизированным описаниям, учитывающим свойства реальной личности (начиная с Ярослава Мудрого). Основными критериями оценки выступают: «ратные подвиги князя», «христианские добродетели», «книжная образованность» (А. А. Пауткин). В качестве характеризующих признаков выделяются следующие: объём статьи, степень распространённости, «портрет, т. е. описание внешнего облика» (И. П. Ерёмин), обстоятельства смерти, реакция людей на неё, контекстуальное окружение. Об авторском отношении к персонам свидетельствует также сам отбор материала, «расстановка акцентов», «порядок перечислений свойств личности» (А. А. Пауткин), т. н. умолчания.

б) лиц духовного звания.

ПВЛ, хотя и создавалась в духовных центрах Руси, сохранила немногочисленную информацию о церковных деятелях. Первый личностный портрет представлен в летописной статье 988 года, в т. н. «Кор-

сунской легенде». Речь идёт о некоем корсунском муже **имянемъ Настасъ**, который помог Владимиру накануне крещения захватить Корсунь, а впоследствии, в 989 году, был назначен настоятелем церкви пресвятой Богородицы в Киеве. Из последующих событий (1018 г.) узнаём, что Анастас Корсунянин вместе с отступающим из Киева Болеславом бежал в Польшу (97). Исседователи по-разному трактовали личность Анастаса, называя его то «ловким авантюристом, ренегатом и предателем»[418], то, напротив, отрицая все перечисленные свойства[419]. Не углубляясь в реальные качества исторической персоны, заметим, что со стороны летописца проявилось неодобрительное к Анастасу отношение. Об этом свидетельствует отсутствие оправдательных мотивов в описании его поступков и упоминание о «лести», с помощью которой он вошел в доверие польскому королю.

Основная масса сведений о лицах духовного звания обнаруживается в летописных статьях, традиционно относимым к печерскому комплексу известий (1051, 1074, 1089, 1091 гг.). Это вполне объяснимо, учитывая принадлежность древних авторов Киево-Печерскому монастырю.

В погодной записи 1051 года, излагающей историю зарождения Киево-Печерского монастыря, отмечается важное для Руси событие — назначение митрополитом русского родом Илариона: **Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы** (104). Будучи пресвитером церкви в селе Берестовое, Иларион выкопал **печерку малу, двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ** (105), затем на этом месте появился **ветхый манастырь Печерьскый** (105). Это во многом объясняет характер его оценки, где помимо христианских добродетелей подчёркивается книжная образованность: **бѣ презвутеръ, именемь Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ** (105)[420]. Дальнейший рассказ связан с именем Антония — основателя и первого игумена новой обители, который **приде на холмъ, идѣже бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не** (105). Летописец указывает на строгий аскетический образ жизни Антония[421]. Отмечает общенародное признание его заслуг и, между прочим, тёплые взаимоотношения с великим киевским князем[422]. Всё это свидетельствует о значительности фигуры Антония и благожелательном авторском отношении к нему.

Положительной оценки удостаивается печерский игумен Варлаам, при котором, как отмечает книжник, **манастыреви же свершену** (107). Строится церковь во имя Успения святой Богородицы, проис-

ходит дальнейшее территориальное расширение Печерского монастыря (105—106). Но, несомненно, почётное место среди священнослужителей летописец отводит новому печерскому игумену Феодосию, назначенному после перевода Варлаама на игуменство в княжой Дмитровский монастырь. Предлагая кандидатуру Феодосия, Антоний рисует безупречный по своим христианским качествам облик церковного деятеля: «**Кто болий въ васъ, акъ же Федосий, послушьливый, кроткый, смѣреный, да сь будеть вамъ игуменъ**» (107). Личными симпатиями пронизано сообщение-комментарий к назначению Феодосия: **Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Феодосья игуменом братьѣ числомь 20** (107), и это не удивительно, поскольку именно при Феодосии принял постриг будущий составитель летописи: **и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего** (108).

К числу заслуг нового игумена летописец относит увеличение числа монастырской братии до не виданной прежде на Руси цифры: **и совокупи братьѣ числомь 100** (107). Ещё одно значительное приобретение Феодосия — введение в стенах Печерского монастыря студийского устава. В этой связи автор-печерец с гордостью заявляет о старшинстве своей обители: **От того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьскый старей всѣхъ** (107)[423].

Фигура Феодосия — центральная в летописной записи 1074 года. Средством характеристики персоны выступает информация о наставлениях Феодосия, а также указание на его благочестивое отшельничество, строгий аскетизм, что по сути является признанием святости Феодосия ещё при жизни[424]. С хронологической точностью, последовательно и детально описаны последние дни земной жизни великого Феодосия. И эти подробности — лишнее свидетельство его деятельной активности и страстной заинтересованности в судьбе монастыря. Он успевает благословить на игуменство Стефана, проститься с киевским князем и оставить на его попечение монастырь. Горячую, самозабвенную любовь к духовному лидеру символизирует постоянное присутствие возле него монахов и слёзы в момент тяжёлой утраты: **Плакашася по немь братья** (125). Как высокий христианский подвиг расценивается летописцем былое затворничество игумена в пещере: **Бѣ же Феодосии заповѣдалъ положити ся в печерѣ, идѣ же показа труды многы** (125). При этом некрологическая похвала Феодосию следует не сразу за сообщением о смерти, а содержится в погодной записи 1091 года, рассказывающей о перенесении мощей Феодосия и

его пророчествах. Очевидно, что эти сообщения имеют главной целью прославление духовной персоны. И если в рассказе о перенесении мощей акцентируется внимание на посмертных «чудесах», венчающих процедуру извлечения останков, то в упоминании о заботливом отношении Феодосия к мирянам, — на чудесной силе его прижизненных пророческих способностей.

С упоминания о сбывшемся пророчестве Феодосия летописец начинает посвящённую ему возвышенную похвалу[425], в которой «безыскусного повествователя сменяет опытный стилист-агиограф, умеющий торжественно возвысить голос, подобрать слово к слову, соблюсти высокие нормы церковного красноречия»[426]. Повторяющиеся синтаксические конструкции-обращения сходны с теми, которые были использованы в похвале блаженным страстотерпцам Борису и Глебу, и это лишнее напоминание о святости «блаженного отца Феодосия». Такое словесное оформление держит текст в едином ритмическом дыхании и придаёт ему цельность[427]. Похвала Феодосию пронизана личными чувствами и свидетельствует о необычайно уважительном, почтительном отношении к нему летописца — ученика и духовного последователя.

Несколько противоречиво изображён в ПВЛ преемник Феодосия — печерский игумен Стефан. Его избрание — не последняя воля умирающего Феодосия, а, как считает М. Д. Присёлков, дело рук группы «ригористов и простецов», которая «понимала необходимость иметь в игуменстве учёного и образованного брата, но желала быть уверенной в сохранности прежде всего аскетических традиций Феодосия и всей строгости устава»[428]. То, что Стефан — не ставленник Феодосия, предполагает неодобрительную авторскую оценку. Между тем, предложенная летописцем характеристика чернецов, следующая сразу после сообщения о захоронении Феодосия и прославляющая их христианские добродетели, косвенно затрагивает Стефана как духовного руководителя того периода: **Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосии** (125). Кроме того, Стефан продолжает строительные работы, начатые Феодосием. По сообщениям летописи, в 1075 году **почата бысть церкы Печерьская надъ основаньемь Стефаномь игуменомь; изъ основанья бо Феодосии почалъ, а на основании Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день** (131). Однако бросается в глаза сдержанность летописца в оценке деятельности Стефана. Видимо, не последнюю роль сыграли политические события того времени, когда сблизившийся с Всево-

лодом Стефан после вокняжения Изяслава был изгнан из монастыря и смог продвинуться в церковно-иерархических назначениях лишь после очередной смены на киевском столе. О Стефане, уже в должности епископа Владимирского, летописец упоминает в связи с знамениями во время изъятия из пещеры останков Феодосия, и здесь он выступает в качестве реального свидетеля «чудес», впоследствии он участвует в торжественном акте перезахоронения феодосьевых мощей. Последнее упоминание о Стефане имеет место в летописной записи 1108 года в связи с окончанием строительства церкви святой Богородицы на Клове[429], и это известие мало что прибавляет к историческому портрету духовного лица.

Помимо сведений о печерских иерархах летописец включает в ПВЛ обобщённый портрет чернецов Печерского монастыря, в котором даёт им самые высокие оценки[430]. От абстрактной характеристики автор-печерец переходит к рассказу об отдельных «чудных мужах», наделённых индивидуальными чертами, не похожих друг на друга, в чём-либо особенных. В Демьяне летописец подчёркивает воздержание и умение исцелять больных[431]. Отличительной особенностью Иеремии было умение предсказывать будущее и оберегать от дьявола[432]. Доминирующее свойство Матвея — необычайная прозорливость: **Бѣ же и другый старець, именемь Матфей, бѣ прозорливъ** (126). Кстати, одно из видений Матвея, внесённых в летопись, бросало тень на игумена Никона[433]. Несколько летописных страниц посвящено чернецу Исакию (мирское имя Чернь), который сознательно избрал тяжёлую тропу добродетели, **раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ** (127). После пострижения в монахи Исакий **затворися в печерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четырь лакотъ, и ту моляше Бога со слезами** (127). В течение семи лет в прошлом богатый купец подвергал себя тяжёлым испытаниям, пока однажды не стал жертвой бесовского наваждения[434]. Спасение Исакия летописец приписывает Феодосию, что во многом разъясняет цель подробного рассказа об этом чернеце[435]. Для автора важно и то, что сумевший справиться с бесами Исакий заканчивает свою жизнь как благочестивый инок[436]. Своё повествование о великих старцах печерских летописец заканчивает лирическим обобщением, наполненным возвышенными словами и образными сравнениями[437]. А. А. Шайкин указывает на композиционную целостность текста о чернецах, в котором «краткие новеллы о замечательных старцах обрамлены обобщающим вступлением и заключением, имя Феодосия и слава ему начинают и венчают это повествование. Даже сам монастырь назван

здесь Феодосьевым. Смерть игумена послужила поводом к тому, чтобы помянуть выдающихся монахов его «стада»[438].

Портретные характеристики сразу трёх церковных деятелей представлены в летописной статье 1089 года. Некрологическая похвала митрополиту Иоанну, хотя и традиционна в плане построения, но сама по себе явление редкое для ПВЛ, уделяющей мало внимания посмертному прославлению духовников. Иоанну летописец посвящает благосклонный некролог, в котором главным свойством личности выступает книжная образованность[439]. Не случайным является указание на то, что Иоанн был одновременно и «молчалив» и «речист». А. А. Шайкин отмечал, что «как духовный пастырь он должен был уметь быть и «молчаливым» и «речистым» в зависимости от ситуации[440]. Итоговая фраза «**и сякого не бысть преже в Руси**», указывает, по всей видимости, на уникальность явления или лица, в отношении которых употребляется[441].

Иначе изображён другой Иоанн — преемник первого Иоанна-митрополита. Ещё при жизни люди говорили о нём: «**Се навье пришелъ**» (137). И, действительно, через год после поставления он умирает. В его некрологической характеристике подчёркивается «простота» и отсутствие книжной мудрости, что, конечно, свидетельствует о невысокой авторской оценке Иоанна как духовного лица: **Бѣ же сей мужь не книженъ, но умомъ простъ и простор ѣкъ** (137). Благожелательной характеристики за большую работу по храмовому строительству удостаивается Переяславский митрополит Ефрем[442]. Неодинаковые характеристики трёх церковных иерархов плохо согласуются «с расхожим мнением о повторяемости и стереотипности портретов людей и их качеств в древнерусской литературе»[443].

Выводы: Аксиологические тексты о лицах духовного звания обнаруживают тесную связь с Киево-Печерским монастырём, что даёт веское основание для отнесения их на долю автора-печерца. Не углубляясь в проблему атрибуции печерских известий, отметим, что наши наблюдения совпадают с гипотезой А. А. Шайкина о принадлежности печерских эпизодов летописцу (составителю ПВЛ), работавшему после 1110 года[444]. Авторские экспликации рассматриваемой группы встретились в летописных статьях 988, 989, 1018, 1051, 1074, 1089, 1091 гг.

Наиболее авторитетно и многогранно представлен в ПВЛ образ Феодосия Печерского. Не всякий князь удостоился столь возвышенных прижизненных оценок и восторженных посмертных похвал. С большим пиететом и уважением отозвался летописец об Иларионе

как основателе Печерского монастыря, его первом духовном пастыре Антонии, игумене Варлааме. Несколько противоречиво изображён преемник Феодосия Стефан. Сохранила ПВЛ сведения, бросающие тень на игумена Никона. Неодобрительная оценка проявилась в отношении первого духовника, названного по имени, Анастаса Корсунянина. Ярко индивидуализированы портреты трёх митрополитов (Иоанна I, Иоанна II, Ефрема), в оценке которых определяющим свойством выступила книжная образованность и строительная деятельность. Эмоциональностью и личными чувствами пронизаны обобщённые характеристики чернецов Печерской обители, чертами индивидуальности наделены её самые выдающиеся представители.

Средствами характеристики персон духовного звания выступают:

- указание на образ жизни (как правило, аскетический);
- степень всенародного признания;
- связь с княжим двором;
- описание заслуг (в основном, на строительном поприще и в обустройстве внутримонастырской жизни, реже — в государственных делах);
- реплики персонажей;
- реакции сторонних лиц на их назначения, деяния, смерть;
- лирические обобщения;
- некролог;
- портрет (обычно как часть некролога);
- указание на «чудесные» способности; посмертные «чудеса» (только в отношении Феодосия и отчасти печерских старцев).

в) лиц из княжеского окружения

В летописном тексте князья, как правило, изображаются не изолированно, а в окружении помощников, «советников», в роли которых выступают воеводы, посадники, бояре и т.д[445]. По наблюдению исследователя, «в начальной части летописи преобладают воеводы-злодеи»[446]. Таким представлен Свенельд, косвенно виновный в гибели трёх князей. И если в случае с Игорем и Святославом о степени его виновности можно лишь догадываться, так как летописец нигде открыто об этом не говорит, то в межкняжеской распре между Ярополком и Олегом автор выставляет фигуру Свенельда на первый план, считая его главным пособником гибели Олега Древлянского. Такому пониманию способствуют приёмы изображения персоны, в частности *указание на его тайные помыслы* и вложенные в уста *слова-обращения* провокационного содержания: **И о томъ бысть межю**

ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему (53). Очередной упрёк подстрекателю звучит посредством *эмоциональной реакции* князя на случившееся: **И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свеналду: «Вижь, сего ты еси хотѣлъ!»** (53). Видимо, в представлении древнего книжника инициаторы братоубийственных распрей — преступники особого порядка. Вместе с тем, на основании ранних летописных сведений, где Свенельд представлен заботливым кормильцем маленького Святослава, А. А. Шайкин заключает, что «у летописца нет стремления изобразить Свенельда только злодеем, отмечаются и те моменты, где его поведение вызывает одобрение»[447].

Сентенции морального рода высказываются летописцем, когда ему надо осудить измену князю — измену человека, который должен был сохранять верность сюзерену. Говоря о воеводе Блуде, предавшем Ярополка в пользу Владимира, летописец возвышает свой собственный голос, соединяя его с библейским[448]. Хотя Ярополка автор относит к числу «плохих» князей (начал братоубийственную войну), а Владимира — к числу «хороших» (будущий креститель Руси), тем не менее, измена воеводы осуждается, то есть мораль летописца имеет некоторые абсолютные критерии. В авторском представлении предатели, подобные Блуду, хуже бесов[449]. И летописец считает себя вправе открыто обвинить Блуда в преступлении: **Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той** (55).

Всё действительно сущностное и подлежащее оценке уже оценено. Задача летописца — вспомнить, найти соответствующее изречение в Священном Писании и присоединиться к нему. О тех, кто собрался убивать Бориса, летописцу напоминает изречение Соломона[450]. Отрицательной характеристике способствует сравнение убийц с дикими зверями[451] и употребление по отношению к ним эпитета с ярко выраженной негативной оценочностью «окаянный»[452]. Осудительные интонации улавливаются в описании убийц, ожидающих за свою «работу» поощрений: **Оканьнии же си убийцѣ придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници.** Оставляя для потомков имена этих законопреступников, летописец по существу выносит им очный приговор: **Суть же имена симъ законопреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона** (92). По оценке И. П. Еремина, летописец руководствуется библейским положением о том, что Господь предоставил человеку право *выбора* между

добром и злом: «Признание за человеком свободы воли и связанная с этим признанием идея *ответственности* человека за свои поступки — основа этики летописца»[453]. В соответствии с этими представлениями древний книжник осмысляет злую природу человека[454]. Участники преступных деяний, с точки зрения летописца, заслуживают самого сурового наказания, убеждает в этом и Библия: **Оканьнии же възвратишася въспять, яко же рече Давыдъ: «Да възвратятся грѣшници въ адъ»** (93).

В отличие от злых по самой своей природе убийц Бориса и Глеба, злое «побуждение» Нерадца, убийцы Ярополка Изяславича, «приобретённое» (И. П. Ерёмин), обусловленное внешними факторами: **и проboденъ бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя научѐнъ и от злыхъ человѣкъ… Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю к Рюрикови** (136). Такое «зло» в ерёминских построениях — свойство «рядового человека» (не святого и не «злого» по природе). И это не случайно. Видимо, летописец, хорошо разбирающийся в вопросах государственной политики и знающий реальных заказчиков убийства Ярополка, видел в их лице главных «злодеев». А указание на Рюрика, к которому бежал Нерадец, прямо выводило к источнику «зла». И всё же к Нерадцу летопись сохранила отрицательное отношение, об этом свидетельствует упоминание в связи с его поступком дьявола и оценочный эпитет «треклятый».

В летописном изложении не только «злодеи» окружали князя, но и люди честные, преданные, готовые сложить голову за своего господина. Таким изображён верный слуга Бориса Георгий, принявший вместе с князем мученическую смерть. Летописец пишет о нём с большой теплотой и нежностью[455]. Авторской симпатии удостоились лица из княжеского окружения, предупреждающие господина о смертельной опасности. Летопись закрепила в памяти имена Варяжко, преданного Ярополку, безымянного «отрока», открывшего Васильку преступные замыслы его родичей. В положительном свете изображён смекалистый воевода Претич, сумевший спасти Киев от печенежского вторжения. Мужество воеводы по прозвищу Волчий Хвост нашло отражение в пословице: **Тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають»** (59). Верным помощником Владимира представлен в ПВЛ воевода Добрыня и его прямые потомки Константин, Остромир, Вышата. Объёмный материал посвящён воеводе Святослава Яну, который был не только информантом летописца, но и героем исторического повествования. Ян упоминается в числе «смысленых» советчиков

князя, а также в качестве уполномоченного представителя государственной власти (в эпизоде расправы с волхвами).

Выводы: В отличие от центральных персон летописи, князей, лица, окружающие их, выглядят не столь колоритно и многозначительно. Оценка их личностных свойств сводится, как правило, к изображению поступка и поведения. Летописец отдаёт должное княжеским слугам, предупреждающим об опасности, разделяющим участь князя, дающим правильные советы, действующим в согласии со своим сюзереном. Вместе с тем, самые гневные осуждения звучат в адрес княжеских слуг, предавших своих кормильцев, и исполнителей тяжких преступлений, идущих на поводу у дьявола и злых заговорщиков. При этом автор различает «злодеев», злых по природе (Блуд, Горясер, Путьша) и впитавших злые побуждения извне (Нерадец). И если князей летописец критикует с осторожностью, то здесь ничто не мешает ему дать волю своим чувствам и открыто обвинить преступников в злодеяниях, да ещё и назвать их поимённо. Помимо прямых инвектив и эмоциональных восклицаний авторская позиция выражается посредством цитирования из религиозных источников, через приписание героям тайных помыслов и реакций, обобщённые рассуждения на тему добра и зла, яркие образные сравнения и эпитеты.

г) врагов

Почти на всём пространстве ПВЛ враги представлены в качестве чужеземных этносов: печенеги, дунайские болгары, хазары, половцы. Они являют собой некий коллективный образ. Таковыми представлены и угры, которые помогли царю Ираклию (610—641 гг.) в борьбе с персами: **находиша на Хоздроя, царя перьскаго** (14), а также обры, которые не только сильно досаждали Ираклию **мало его не яша**, но, что гораздо важнее для летописца, **примучиша дулѣбы, сущая словѣны** (14). Этим обусловлено их летописное изображение: **Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомь горди** (14). А. С. Дёмин усматривает здесь проявление архаичности летописной персонологии: «неразделение летописцем внешнего и внутреннего у персонажей». В конкретном примере, в трактовке исследователя, сополагаются две отдельные, несопрягаемые «сущности»: «телом велики не от того, что умом горды, и горды не от того, что велики»[456]. На наш взгляд, величина тела может свидетельствовать о физической мощи, а она в свою очередь может стать причиной гордого ума. С точки зрения авторской позиции происходит «раделение» внешнего и внутреннего: телом велики — констатация факта, умом горды — оценка. Видимо, не

последнюю роль сыграла гордыня в последующих событиях: **Богъ потреби я́, и помроша вси, и не остася ни единъ объринъ** (14).

Если воспользоваться условной парадигмой Н. И. Толстого, характеризующей славянское самосознание IX — XII вв.[457], можно предположить, что в оценке врагов летописцы исходили из «религиозного» (христианин — язычник) и «государственного» (причастность к Русской земле) компонентов сознания. С наибольшей силой «христианский» взгляд обнаруживается в оценках Руси при описании военных походов на Царьград (866, 941 гг.), в которых Русь изображается в категориях вражеского этноса[458]: **безбожныхъ Руси корабли смяте** (19); **Много же святыхъ церквий огневи предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и именья немало от обою страну взяша** (33). Религиозная оценка проявляется и в отношении степных кочевников, впервые напавших на Русь: **В лѣто 6569/1061. Придоша половци первое на Русьскую землю воевать... Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ** (109). Летописец называет их «погаными», т. е. нехристианскими, языческими. Это вызывает к половцам со стороны автора недоверие, а во многих случаях и неприязнь.

Наиболее сильные в эмоционально-экспрессивном плане эпитеты применяет летописец к врагам, разоряющим христианские святыни. В связи с разграблением Киево-Печерского монастыря половцы характеризуются **погаными и ругателеми ...оканнии, безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ** (152). Их злодеяния, по мысли книжника, не останутся безнаказанными: **на семь свѣтѣ приимшим веселье и пространьство, а на ономь свѣтѣ примуть муку, с дьяволом уготовани огню вѣчному** (152).

В связи с половецкими погромами 1096 года древний хронист предпринимает исторические разыскания о происхождении поганских народов[459]. «Заклёпанные» Александром Македонским в северных горах, эти народы, по мысли книжника, должны будут выйти в конце света, видимо, на Божий суд. Как отмечал А. Ю. Карпов, «наиболее очевидным признаком приближения «последних времен» для древнерусского книжника (в полном соответствии с «Откровением Мефодия Патарского» и всей византийской традицией) являлись все-таки нашествия иноплеменников-«измаилтян». Пророчества псевдо-Мефодия воспринимались в Древней Руси с явной поправкой на реалии Восточной Европы. Сама «Етривская пустыня» — родина «измаилтян» — под пером русского книжника переместилась из внутренней Аравии на северо-восток. Вышедшие же из Етривьской пустыни

«измаилтяне» были отождествлены с тюрками-половцами, появившимися в южно-русских степях в 50—60 гг. XI в. (Впоследствии апокалиптические пророчества связывались уже с татарами, попавшими в поле зрения летописцев в 20-х гг. XIII в.). Неудачи в борьбе с кочевниками в 90-х гг. XI в. как раз и заставили киевских летописцев впервые вспомнить зловещие предсказания Мефодия Патарского…»[460].

Помимо собирательного образа врагов ПВЛ сохранила до наших дней замечательные портреты вражеских военачальников того периода. Объективная ремарка и оценка художественного свойства употребляется летописцем в отношении предводителя поляков Болеслава. В коротких штрихах автор создаёт конный портрет польского короля, не желающего терпеть насмешки над собой: **Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смыслень** (97). Хотя Болеслав здесь выступает как враг Руси, тем не менее, летописец отдаёт ему дань уважения. Моральная амбивалентность проявляется в отношении половецкого хана Боняка. Во время захватнической кампании 1096 года он назван «безбожным», «шелудивым», а за тактику внезапного нападения — хищником. Однако в столкновении с венграми, выступающими на стороне Святополка — противника Ростиславичей, показан как находчивый полководец[461]. И здесь уместно замечание А. А. Шайкина о том, что «русские летописи честно рассказывают не только о победах, но и о поражениях, и отдают должное врагам»[462].

Порой летописец отзывается о врагах не только без ненависти, но и с оттенком уважения к отдельным персонажам. Рассказывая о совещании половцев накануне битвы с русскими князьями, летописец дословно передаёт речи половецких князей: **Половци же, слышавше, яко идеть Русь, собрашася бещисла, и начаша думати.** Высказывание Урусобы, безусловно, созвучно авторским представлениям: «**Просим мира у Руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣй земли**». Тогда как в заносчивом, годеливом совете «уных» звучат язвительные интонации: «**Аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и приимемъ грады ихъ, и кто избавить ’и от насъ?**» (184). Эта дискуссия вскрывает, на наш взгляд, «государственный» компонент авторского сознания, который проявляется в отрицательном отношении к врагам, посягающим на чужую территорию (Русскую землю) и, следовательно, представляющим угрозу для целостности и независимости государства[463].

Летописный материал позволяет говорить и об ироническом отношении к врагам. Не без юмора представлены убегающие с поля боя печенеги[464]. Гиперболизированно изображены объятые страхом половцы, не сумевшие от испуга водрузить свой флаг[465]. Длительное бегство может быть Божьей карой «поганым»[466]. Элементы юмора содержит упоминание о предводителе варяжской дружины Якуне, потерявшем на поле битвы самую примечательную часть своего одеяния — плащ[467]. Вряд ли такой пассаж был бы уместен в адрес русского князя.

Выводы: В оценке врагов летописцы исходили из «религиозного» и «государственного» аспектов сознания. «Религиозный» взгляд проявился в симпатии к врагам — православной Греции, в характеристике противников по их конфессиональной принадлежности, в частности, в употреблении эпитета «поганый» (= «язычник»), в исторических разысканиях о происхождении поганских народов, в осмыслении их поражений. Самого сильного поругания удостоились враги, разоряющие христианские святыни. «Государственный» аспект сознания рисовал врагов как захватчиков чужой территории (Русской земли) и предполагал сугубо отрицательную оценку. Поводом к ироническому изображению врагов служило их позорное бегство.

При этом авторское отношение к врагу как собирательному образу и отдельной исторической персоне не всегда совпадало. Древнерусский летописец проявляет поразительную объективность и беспристрастность в изображении Болеслава, Боняка, разделяет позицию Урусобы. Средствами их характеристики выступают: портрет, эпитеты, описание ситуации и поведение в ней персоны, речи действующих лиц.

д) тёмных сил, волхвов

В качестве самостоятельных персонажей, влияющих на ход исторических событий, выступают в ПВЛ представители высших сил. По мысли Ю. М. Лотмана, именно «Бог, дьявол (**сотона**), черти, ангелы, добрые и злые советники» являются «подлинными действователями» древнерусских летописей, «а исторические деятели или герои легенд — лишь орудийными средствами в их руках»[468]. С этой точки зрения показателен эпизод выбора жертвы для приношения языческим богам, который читается в погодной записи 983 года. В том, что выбор пал на сына варяга, исповедовавшего христианскую веру, автор усматривает вмешательство дьявола: **на сего паде жребий по зависти дьяволи** (58) и объясняет его властью над язычниками[469]. Летописец наделяет дьявола персонифицированными чертами: способ-

ностью радоваться при осуществлении своих коварных замыслов (**дьяволъ радовашеся сему**), размышлять[470], переживать[471].

Известна летописцу и внешность бесовская[472]. Книжник знает, кто подвержен бесовскому воздействию, и особо выделяет нетвёрдых в вере[473]. Он также считает, что бесовскому воздействию подвержены больше всего женщины[474], хотя и мужчины не избегают этой участи[475]. Бесы, искушая людей, могут принимать различные обличия. Печерскому чернецу Исакию поначалу они явились в образе Иисуса Христа и ангелов. А после упорного сопротивления с его стороны продолжали досаждать, являясь, то **въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремь, ово вѣломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ** (130—131). И эти обличия, по словам Исакия, им вполне соответствуют: **аци же и сами есте скверни и зли в видѣнии** (131).

Вообще, по части бесов летописец чувствует себя вполне компетентным специалистом и от своего имени комментирует их поведение[476]. В насаждении зла реализуется, по мысли книжника, основное предназначение бесов. Между тем, по мысли Ю. М. Лотмана, «представление о пассивной, орудийной роли человека с неизбежностью уравнивало Бога и дьявола как действователей. Это смущало летописца и заставляло подчеркивать в добавочных словесных характеристиках немощь сатаны и его подручных»[477]. Рассказ о расправе воеводы Яна над волхвами автор сопровождает размышлениями об ограниченных возможностях бесов[478].

О том, насколько средневекового автора интересовала проблема добра и зла, можно судить и по обширному описанию методов борьбы с нечистой силой, из которых действенным оказывается только крестная сила[479]. Летописец предлагает и собственные рекомендации на случай бесовского видения: **Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають** (115).

Выводы: Интерес древнего книжника к проблеме «происхождения добра и зла» И. П. Ерёмин объясняет естественным стремлением автора-моралиста свести всю «философию истории» «к этике»[480]. Действительно, представление о дьяволе как «источнике зла» не только ни противоречило православной вере, но и показывало преимущества источника «добра» в лице Бога и его слуг, а также давало возможность изображать тёмные силы как первопричину всех бед и несчастий, упоминать дьявола в качестве отрицательной характеристики исторических персон, его влиянием объяснять их преступные

замыслы и поступки. И с этой точки зрения, дьявол и его слуги, бесы, выступают как «действователи», которых летописец наделяет персонифицированными чертами: внешностью, чувствами, тайными помыслами. Вместе с тем, автор постоянно подчёркивает ограниченность дьявола в своих возможностях, уверенно заявляет о конечном торжестве добра.

С бесовским наущением связаны рассуждения летописца о волхвах. Впервые упоминания о кудесниках появляются после сбывшегося предсказания о смерти Олега от любимого коня. По мысли Д. С. Лихачёва, «летописец стремится парализовать действие» «языческого предания» о смерти Олега, «в котором волхвы оказываются правыми» и «противопоставляет ему свою, христианскую точку зрения на волхвов»[481]. Однако это утверждение реализуется не в полной мере. Летописец и в самом деле пытается связать чудеса Аполлония Тианского с ослаблением православной веры и бесовским вмешательством[482]. По этому поводу исследователь отмечал, что «критике в летописи подвергаются не только языческие по своему происхождению суеверия, но и нежелание многих христиан как следует вдуматься в происходящее, что, по выражению одного из летописцев, ведет к опасному «колебанью» в умах, удаляющему людей от Бога»[483]. Но книжник не умалчивает и о положительных результатах колдовства, хотя оно и названо «бесовскими чудесами»[484]. Христианская позиция предполагает отрицание чародейства и волхвования, но, чтобы объяснить/оправдать предсказание о смерти Олега, летописец допускает, что «попущением Божьим» иногда и волхвы могут предсказывать, и их предсказания сбываются[485].

И всё же отношение к волхвам в летописи со стороны автора-христианина неодобрительное и даже враждебное, что обусловлено тесной связью кудесников с язычеством. В условиях распространения новой религии взаимоотношения между государственной властью и волхвами накалились до предела. Особенно волхвы активизировались и предпринимали попытки вернуть людей к языческому прошлому в периоды стихийных бедствий, неурожаев. В этой связи интересна летописная запись 1024 года, рассказывающая о восстании волхвов в Суздале[486]. Как считает И. Я. Фроянов, перед нами ритуальные действия, имевшие в своей основе языческие представления. В родовом строе вожди воспринимались как сакральные персоны, от которых, в частности, зависел успех на охоте, плодородие земли, обилие урожая, причем за всё это они несли личную ответственность. Именно поэтому, «во время засухи, породившей голод, представители языческого

культа волхвы, одобряемые народом, убивали местных вождей-старшин, утверждая, что те не дают пролиться дождю, задерживая, в конечном счете, урожай — “гобино”»[487]. Авторская позиция выражена словами, которые летописец усвояет князю Ярославу: «**Богъ наводить по грѣхомъ на кыюждо землю гладом, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже**» (100). Традиционная для христианина оценка «**по грѣхомъ**» опровергает языческую версию события.

Между тем, волхвы представлены в летописи как серьёзная, влиятельная сила, способная привлечь на свою сторону многочисленных союзников. Во время неурожая в Ростовской области их единомышленниками стали 300 человек. Рассказ об их хитроумных «чудесах» летописец сопровождает личной оценкой[488]. Теологический спор Яна с белозерскими волхвами постулирует «монотеистическую концепцию мироздания», отрицающую дуализм[489]. Ян рассуждает как истинный христианин, признающий акт сотворения человека исключительно за Богом[490]. А волхвы расценивают этот акт как сотворчество: **И створи дьяволъ человѣка, а Богь душю во нь вложи** (118). Их взгляды подвергаются резкой критике: «**Поистинѣ прельстилъ вас есть бѣсъ**…» (118). В дальнейшем летописец всё настойчивее пытается связать бога волхвов с бесами и называет его «антихристом». Расправа над волхвами символизирует торжество новой веры и осознаётся летописцем как справедливое возмездие[491]. Эпизод, обладающий, безусловно, учительным смыслом, разоблачает деятельность волхвов, демонстрирует их неспособность противостоять православию, отражает авторское стремление связать их с «христианскими» бесами.

И действительно, почти всегда в связи с волхвами упоминаются бесы. Рассказывая о киевском волхве-предсказателе (1071 г.), летописец не забывает указать: **прелщенъ бѣсомъ**. Авторское отношение к кудеснику раскрывается в полемической форме: **Єго же невѣгласи послушаху, вѣрнии же смеяхуться, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ»** (116—117). Словно в назидание невеждам летописец подводит мрачный итог деятельности волхва: **Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти**. И пускается в пространные размышления о бесовском наущении: **Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются ввергъше 'и в пропасть смертную, научивше глаголати** (116—117). Дьявольское происхождение волхвования подтверждает рассказ о

встрече новгородца с кудесником. Для предсказаний кудеснику потребовалось **призывати бѣсы в храмину свою**. Процесс общения волхва с бесами изображён в ироническом ключе. Сначала кудесник **лежаше оцепѣвъ, и шибе имъ бѣсъ**. Всему виной оказался крест, которого бесы испугались. Когда препятствие исчезло, кудесник **нача опять призывати бѣсы. Бѣси же метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть** (119). В разговоре новгородца с кудесником раскрывается истинное лицо и предпочтения волхвов. Автор-комментатор от своего имени утверждает: **Яко же и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмь жилищѣ водваряются со ангелы** (120).

О масштабах рапространения волхвования, представляющего реальную угрозу для всего православия, свидетельствует новгородская смута 1071 года. Летописец сообщает о волхве, который, **творяся акы богъ, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко «Провѣде вся» и хуля вѣру хрестьянскую**. Под влиянием ложных убеждений волхва случился мятеж, который чуть было не вылился в убийство епископа (121). Напряжение усилилось, когда среди сторонников епископа оказались только князь Глеб и его дружина, **а людье вси идоша за волхва**. Переломить ситуацию удалось лишь с помощью княжего топора: **Глѣбъ же, вынемь топорь, ростя 'и, и паде мертвъ, и людье разидошася** (122). Не без удовлетворения летописец сообщил о гибели волхва-провокатора: **Он же погыбе тѣломь, и душею предавъся дьяволу** (122).

А. А. Шайкин, посвятивший волхвам и кудесникам специальный раздел монографии, отмечает, что волхвы в изображении летописца предстают загадочными фигурами: не указываются их имена, нет материала об их мифотворчестве. Последнее, видимо, связано с нежеланием летописцев излагать вероучение волхвов, «ибо даже осуждённое с позиций христианской религии, оно сохраняло бы соблазн веры, поддержанной преданием и актуальным ещё обычаем». Но главное, по мысли исследователя, состояло в том, что «летописцу не надо было объяснять веру волхвов, достаточно объявить её бесовской, а богов отождествить с бесами: тем самым языческая вера и её боги утрачивали автономность и становились частью — негативной — христианских представлений»[492].

Выводы: Волхвы представлены в летописи как идеологические противники православной церкви и политические противники власти государственной, как пережиток старой языческой Руси.

И вместе с тем, это ещё довольно грозная, влиятельная сила, способная воздействовать на низы и порождать смутные настроения. Отсюда негативное, враждебное отношение к волхвам со стороны автора-христианина, заинтересованного в процветании православия на Руси и сильной княжеской власти. Отсюда и страстное желание связать деяния волхвов с бесовским наущением. Кроме упоминания дьявола отрицательную характеристику кудесникам создают авторские отступления-рассуждения, комментарии, речи действующих лиц и теологические споры, разоблачающие их деятельность, указания на ожидающую их неминуемую расплату (они либо внезапно исчезают, либо их убивают).

3. Комментирование явлений[493]

а) религий

Прежде чем принять христианство, Владимир подвергает все веры испытаниям[494]. Причём, как отмечает исследователь, «вопрос стоит о выборе одной из монотеистических религий — магометанства, иудаизма, христианства — вопроса о выборе между прежней, языческой, и новой верой нет, с язычеством уже всё как бы решено»[495]. Следует учитывать и то обстоятельство, что об испытании вер пишет «зрелый» христианин, монах Киево-Печерского монастыря, который знает о выборе Владимира и стремится на фоне недостатков разных вероисповеданий высветить достоинства христианства, показать его преимущества, утвердить справедливость княжеского решения. Вот как представлено в летописи магометанство, о котором рассказывают болгарские миссионеры: **Вѣруемь Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную** (59).[496] Всё это настолько неприемлемо для летописца-христианина, что и **нѣ льзѣ псати срама ради** (60), но объективность не позволяет летописцу умолчать о реакции Владимира: князь слушает болгар «всласть», **бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое** (60). Однако известные установления и запреты «бохмитского закона» оказались неприемлемы для русского князя[497]. В «Речи философа», содержащей дополнительные изобличения вероисповеданий, прослеживается аналогичное, сугубо отрицательное, отношение к магометанству. По мысли греческого философа, **ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже**

суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на няже пусти Господь каменье горюще, и потопи ’я, и погрязоша…(60). Слова об ожидающей каре рассматривались, по всей видимости, средневековым автором в качестве решающего аргумента не в пользу магометанства: **яко и сихъ ожидаеть день погибели их, егда придеть Богъ судитъ земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющия**…(60). С чувством глубокого отвращения сообщается о странном способе поминания Магомета[498]. Услышанное вызывает у Владимира эмоциональный отклик: **Си слышавъ Володимеръ плюну на землю, рекъ:** «**Нечисто есть дѣло**» (61). Послы Владимира, придя к волжским болгарам, видят только «**скверньная дѣла и кланянье в ропати**», поэтому их выводы категоричны: **Нѣсть добръ законъ ихъ** (75).

Не принимает Владимир ни латинство, ни иудаизм. Учение немцев (латинство) противоречит традиции: **яко отци наши сего не приняли суть** (60). Об отличиях латинства от «греческой веры» сообщает Владимиру философ[499]. Не увидели красоты в службе латинян и русские послы[500]. Вера хазарских евреев также отвергается Владимиром[501], её несостоятельность ещё раз подтверждает греческий философ[502].

Христианство, как и другие вероисповедания, проходит проверку на жизнеспособность, соответствие русским реалиям. Если предыдущие религии характеризуются по общим, внешним проявлениям и впечатлениям, то христианство оценивается во всей полноте и значительности. Обширный материал, излагающий все этапы библейской истории от сотворения мира до Сошествия Святого Духа, содержится в «Речи философа». Владимир, безусловно, поражён услышанным и увиденным. Самое сильное впечатление производит на русского князя «запона» с изображением судилища, глядя на которую он замечает: **Добро симъ о десную, горе же симъ о шюю** (74). Однако, несмотря на то, что **Володимеръ же положи на сердци своемъ**, креститься не спешит: «**Пожду и еще мало**»; **хотя испытати о всѣх вѣрахъ** (74), — добавляет от себя летописец.

Описание службы в святой Софии интересно с точки зрения выражения авторской позиции, при которой «автор неотделим от персонажа». Русские послы насколько потрясены увиденным, что с трудом подбирают нужные слова, чтобы передать свои ощущения[503]. Формально — это «взгляд персонажа», но с такой оценкой греческой

службы готовы солидаризироваться и автор, и читатель — это некая «*общая позиция-оценка*». Недаром в летописном тексте к ней тут же подключаются и бояре, и князь Владимир, и уже покойная княгиня Ольга[504]. Здесь, как и в эпизоде с апостолом Андреем, автор использует приём «остранения». Наблюдать за службой в цареградской Софии поручается послам, ещё язычникам, впервые соприкасающимся с православной службой, но пишет об этом уже «зрелый» христианин, который, вероятно, знает, как устроена служба и как поёт хор мальчиков, упрятанный в верхних ярусах, создавая эффект неземного пения. Но этому монаху явно хочется присоединиться к впечатлениям тех, кто впервые присутствует на службе, и он как бы не догадывается ещё о тех приёмах, с помощью которых небесное спускается на землю, в храм.

Казалось бы, сомнений в том, какую религию принять, не оставалось. Следовало определиться только со способом принятия, а он, судя по летописи, оказался очень странным и вылился в наступательный поход на греческий город Корсунь. Во время осады города князь снова проверяет силу веры и убеждается в её действенной силе[505]. О готовности креститься сообщает Владимир греческим царям, правда, в обмен за это требует выдать ему их сестру Анну[506]. Символично, что в самый ответственный момент князя поражает внезапная слепота, в которой летописец усматривает Божественное вмешательство[507]. По этому поводу М. Н. Виролайнен отмечала: «Есть множество историй о чудесных прозрениях, но случившееся с Владимиром в точности повторяет происшествие с Павлом на пути в Дамаск: оба слепнут накануне крещения и исцеляются в самый момент крещения (Павел — по возложении на него руки крещающего его Анания (Деян. 9, 8—18), Владимир — по возложении руки епископа Корсунского)»[508].

О существовании иных версий крещения Владимира летописец сообщает в форме полемизирования[509]. Привлекательность для древнего книжника «Корсунской легенды» проистекала из её антивизантийской направленности. Летописцу, как полагает А. А. Шайкин, надлежало «обосновать правомерность выбора именно греческой христианской религии, всячески подчеркнуть её благость и превосходство над другими вероисповеданиями и в то же время не оставить грекам никакого повода считать себя благодетелями Руси. …По «корсунской легенде» Владимир именно завоёвывает новую веру, да ещё и вместе с цесаревной, греки вынуждены крестить Владимира, откупаясь от угрозы похода русского князя на Царьград»[510].

Выводы: В рассуждениях о религиях проявляется заинтересованный взгляд автора-христианина, стремящегося показать явное превосходство своей веры. Этим обусловлен характер оценки разных вероисповеданий. Все они, кроме христианства, подвергаются резкой критике, поскольку обнаруживают свою несостоятельность и неприемлемость для Руси. Главными критериями оценки в ситуации выбора веры выступают: «свобода» и «эстетический момент» (А. А. Шайкин). Отвергнутые религии в чём-либо «ограничивают человека», а их богослужения не выдерживают сравнения с греческим.

Различны формы авторского выражения. С позиции неосведомлённого читателя (автор=герой), используя прием «остранения», летописец передаёт впечатления русских послов от службы в Софии, выражая таким образом «общую позицию-оценку». Нюансы авторской позиции выявляются посредством диалогов и монологов персон; эмоциональных реплик, комментирующих происходящее (**и ина многа лесть, ея же нѣ льзѣ псати срама ради**; **хотя испытати о всѣх вѣрахъ**); ссылок на высшую волю (слепота — прозрение Владимира); полемических высказываний. Идеологическое задание обслуживает внесённая в ПВЛ «Корсунская легенда».

б) брака и прелюбодейства

В связи с женолюбием Владимира появляются размышления летописца о природе женского обольщения. В авторском осмыслении, **Зло бо есть женьская прелесть** (57). Соломон помогает перейти к обобщённым характеристикам злых и добрых жён. В злых жёнах особенно подчёркивается прелюбодейство, размышление о них звучит как предострежение[511]. Напротив, характеризуя добрых жён, книжник не скупится на образные сравнения, яркие эпитеты, которыми воспевается их трудолюбие, забота о муже и семье, целомудрие, красота, кротость[512]. Через женщин больше всего бесовские волхвования происходят, **искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа** (121). Прелюбодейство, как и гордыня, относится средневековым автором к числу тяжких грехов. Внебрачная связь Владимира предрешает судьбу злодея Святополка, поскольку **от грѣховьнаго бо корени золъ плодь бываеть** (56). Склонность к блуду служит главной отрицательной характеристикой Владимира времён языческой Руси.

А вот брак расценивается летописцем как богоугодное дело, гармоничное сосуществование людей. Семейная идиллия, царящая в доме Яна Вышатича, оказывается притягательной для людей духовного

звания. Феодосий любил их за то, что **живяста по заповѣди Господни и в любви межи собою пребываста** (139). О высоком статусе этой семейной пары свидетельствует место упокоения в Печерском монастыре рядом с особо почитаемым в летописи духовным пастырем Феодосием.

Выводы: Древнерусского автора мало интересовали проблемы семьи и внутрисемейных отношений, поскольку основное внимание было приковано к жизни общегосударственной. Прелюбодейство относится автором к числу тяжких грехов, поскольку противоречит христианским заповедям. Основная вина перекладывается на женщин, которые, как бесы, используют в качестве орудия воздействия свои чары, действуют на мужчин обольщением. В этом убеждает летописца собственно библейская история. Таким образом, зло в понимании летописца — это женская прелесть, прелюбодейство, злыми чертами наделяется зачатый вне брака плод. Напротив, семья, пребывание супругов в любви и следование христианским заповедям осознаётся средневековым автором как добро, светлая сторона бытия. Авторское отношение в текстах по обозначенной теме выражается, как правило, в форме прямого морализирования (**Зло бо есть женьская прелесть**; **От грѣховьнаго бо корени золъ плодь бываеть**) и посредством цитирования из религиозной литературы (книга притчей Соломоновых).

в) знамений

Некоторые рассказы о знамениях представляют собой краткие информационные сообщения[513]. Отсутствие выраженной интерпретации знамений ошибочно было бы соотносить с механическим способом внесения сообщений в летопись. Любое знамение было значимо для средневекового человека, так как соотносилось, прежде всего, с Божественной волей, которая, по мысли А. В. Лаушкина, «проявляла себя в каждом историческом происшествии, и это позволяло через наблюдение за событиями истории различить эту волю, усвоить уроки, преподаваемые Богом, лучше «познать» Владыку мира. …описание знамения становится своего рода маркером в тексте, обращающим читателя к оценке происходящего события в соответствии с критерием христианского сознания и христианского морального кодекса»[514].

Исследователи демонстрировали различные подходы к текстам ПВЛ о природных явлениях. Одни учёные делали упор на достоверности сообщений летописца[515], другие рассматривали их с точки зре-

ния символического значения[516]. Наибольший интерес для нашего исследования представляют работы А. В. Лаушкина[517] и А. А. Шайкина[518], акцентирующих внимание на выявлении авторской позиции в текстах о природных явлениях. А. А. Шайкин считает, что летописец сознательно использует упоминания о реально происходивших событиях в соответствии со своими идеологическими представлениями и целями. Специфика изображения природных явлений заключается и в преднамеренном выстраивании событийного ряда, так, одни природные явления подчеркиваются автором, могут выводиться на первый план повествования, в то время как другие — сознательно исключаться из погодной записи[519]. Исследователь обращает внимание на пропуск в ПВЛ 990 года и объясняет этот пропуск нежеланием летописца совмещать принятие Русью христианства с сообщением о пролете кометы — «знамения змиева»[520].

Рассказы о знамениях часто сопровождаются комментарием: к добру или к злу[521], причём, «преобладающим в ПВЛ является тот взгляд, что «знамения» предвещают, или, точнее, «**проявляют**» что-либо недоброе»[522]. По мысли А. В. Лаушкина, столь «осторожное отношение летописцев к провиденциальным знакам было вполне закономерным. Ведь чтобы однозначно судить о смысле знамений, необходимо было покуситься на тайну Промысла, «неисповедимых путей Господних», или даже встать на дорогу, ведущую к тяжким церковным преступлениям — «влъхвованию» и «ведовьству»[523]. Такой природный катаклизм, как обратное течение Волхова, связывается автором с последующим злодейством Всеслава: **Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ** (109). Знамение в виде кровавой звезды ассоциируется с нашествием поганых[524]. Важна и ссылка на авторитетный источник: **яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имущемъ одежа, и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антиохово на Иерусалимъ** (110). Событие—аналогия отнесено здесь к отдаленному, почти эпическому времени (**древле**) и значимому для каждого христианина месту — Иерусалиму, которое в текстовой параллели соответствует Киеву или другому княжеству.

Конкретным следствием солнечных затмений обычно становится кончина князей. Солнце, похожее на перевёрнутый вниз рогами месяц, каким-то роковым образом влияет на самочувствие Святополка и

является предтечей его смерти[525]. Сходное солнечное затмение автор описывает в летописной статье 1115 года: **В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи снедаемо солнце**. Его следствием становится кончина Олега Святославича: **В се же лѣто преставися Олегъ Святославличь** (200). В этом сообщении обращает на себя внимание ремарка про невежд (**его же глаголють невѣгласи снедаемо солнце**), которые давали знаковому с точки зрения летописца явлению нелепое определение. Воззрение на знамение как на Божье волеизъявление, знак свыше, предупреждающий людей о грядущих несчастьях, было типичным для сознания древнерусского книжника, и летописец уверенно отстаивает свою позицию. Полемика с «невегласами» неоднократно звучит в летописи (1065 г.)[526].

Обычно недобрые знаки автор объясняет греховностью соотечественников. Именно так мыслится летописцем нашествие саранчи (тексты приводились и анализировались выше). Интересно, что вслед за известием о нашествии саранчи, сообщается о кончине владимирского епископа Стефана, в прошлом игумена Печерского монастыря[527]. И хотя летописец не проводит формальной связи между событиями, на их взаимообусловленность указывает контекстное сближение. Другое сообщение о нашествии саранчи автор сопровождает ремаркой о страхе, который обуял наблюдателей события (**видѣти страшно**). Многие исследователи связывают подобные сопроводительные ремарки с проявлением средневекового эсхатологизма, заключающего мысль, что переживаемая историческая эпоха приближается к страшному суду, который ожидает человечество в любое время[528]. Для древнерусского книжника и его современников, размышляющих о судьбах мира, грядущие эпохальные события осознавались, как безусловно реальные. На эсхатологический смысл знамений указывал А. Ю. Карпов: «При описаниях знамений летописец может прямо не упоминать о кончине мира, но подразумевание кончины так или иначе присутствует в его тексте»[529].

Не все знамения оканчивались чередой неблагоприятных событий. Иногда автор сопровождал заметки о природных явлениях интерпретацией «на добро». На противоречия летописных текстов, в частности связанные с толкованием небесных знамений, указывал М. Х. Алешковский[530]. По-новому летописец интерпретирует небесные явления 1102 года: **знаменья бо бывають ова назло, ова ли на добро** (183). В добрых последствиях автор усматривает Божественное

вмешательство[531]. При этом летописец подчёркивает неслучайный характер благоприятного исхода целой череды знамений. Поскольку «знамения являются не фатальными знаками, вслед за которыми неизбежно должно последовать то, на что они указывают, а лишь инструментами в руках Бога, который с их помощью хочет вразумить людей и привести их к исправлению»[532], то люди в состоянии изменить ситуацию, с помощью молитв и искреннего покаяния обратить «знамения» **на добро: со въздыханьем моляхуся к Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро** (183).

Огненные столпы, сопровождавшие вскрытие могилы Феодосия Печерского и указывавшие на будущее место его упокоения, снова появляются над Печерским монастырём в 1110 году[533]. По мысли А. С. Дёмина, необычность предметных деталей в рассказе об огненном столпе всё-таки лишь «подразумевалась летописцем, хотя ощущение удивительности события летописец в общем обозначил, назвав произошедшее знамением и подчёркнуто причислив его к явлениям мистическим»: **Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненым, ово же пламенем** (188). Главное, по мысли учёного, в том, что «летописец не столько описал событие во всех подробностях, сколько бегло, но напряжённо («со значением») напомнил о нём», и связано это с «напоминательной» повествовательной манерой летописца»[534]. Для подтверждения особой символической роли знамения летописец обращается к Святому Писанию, проводя аналогии с облачным и огненным столпом, водившим Моисея по пустыне[535]. Огненный столп как видимое присутствие Божие в монастыре играет важную роль для концепции всего текста. Бог водил Моисея, а Моисей свой народ по пустыне в поисках благодатной земли. Соотнося библейский сюжет с описываемыми событиями, можно заключить, что теперь Бог приходит в Киево-Печерский монастырь, который как Моисей ведёт православных всей земли Русской к царству Божию. Эта мысль тем важнее, что она заключает ПВЛ, то есть стоит в одной из ключевых для всего текста позиций. Таким образом, рассказ о знамении включается в общую систему идеологических установок летописи.

Выводы: Анализ аксиологических текстов о «знамениях» показывает повышенный интерес летописца ко всякого рода природным явлениям, которые, с точки зрения средневекового автора, носят знаковый характер и обнаруживают символическую связь с последующими событиями. Вместе с тем, создатели ранней русской летописи от-

личались трезвостью мысли, не увлекались вымыслами, стремились к документальности своих сведений. В рассуждениях о смысле знамений они проявили двойственную позицию. Доминирующей оказывается тот взгляд, что знамения предвещают «недобрые» последствия (**недобро бысть**), иная позиция нашла отражение в двояком истолковании: **знаменья бо бываютъ ова назло, ова ли на добро**. При этом, «добрые» последствия необходимо заслужить, отмолить у Бога. Средствами характеристики явлений выступают: описание, контекстное окружение, оценка-комментарий («на добро» или «на зло»).

г) земных властителей

Преступные деяния, совершённые Святополком, обращают автора к проблеме власти, зависимости князей от Божественного волеизъявления. По мысли религиозного книжника, главный мировой «действователь» причастен к процессу «поставления» земных властителей: **Богъ даетъ власть, єму же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, єму же хощеть, дасть** (95). Учёный XIX века по этому поводу писал: «Любовь отца к детям и детей к отцу, освещенная чувством религиозным, соединяла князя с народом и народ с князем: все упования народа были на князя, которого посылал ему сам Бог; все упования в думе о благе народном князь возлагал на Бога: то был святой союз неба с землею»[536]. Праведного князя, как и «доброе» знамение, нужно было заслужить, отмолить у Бога[537]. Под праведностью подразумевается любовь князя к справедливости и закону, главным, с позиции древнего автора, составляющим миропорядка и благополучия. Летописец наделяет главу земли могущественными полномочиями, ставит благосостояние страны в прямую зависимость от его морально-этических качеств. Только праведный князь способен отвести от своей земли беды и несчастья, избавить от карающей десницы, заслужить милость Божью[538]. В этих рассуждениях, как полагает А. А. Шайкин, можно усмотреть адаптацию архаических представлений о магической роли «царя», с личностью которого связывалось представление о благополучии страны и народа, к системе христианских взглядов[539].

Ссылки на религиозные источники раскрывают новые подробности. Выясняется, что праведность князя проистекает от зрелости лет и мудрости, тогда как **лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники** (95). По мысли книжника, **сяковыя бо Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь** (95). Авторитетное подтверждение летописец находит в книге пророка Исаии[540]. В дальнейшем рассуждения о праведности и

неправедности и наказании за неправедность будут продолжены в Поучениях о казнях Божьих[541].

С размышлениями о земных властителях тесно переплетается тема взаимоотношений между князем и народом. Цитируя слова пророка Исаии о народе Израиля: «**Согрѣшиша от главы и до ногу**», летописец от себя добавляет: **еже есть от цесаря и до простыхъ людий** (95). То есть иерархия взаимоотношений, представленнная в метафорической форме, свидетельствует о том, что князь и народ — это единый организм, в котором всё взаимосвязано и одно отдельно от другого немыслимо. В авторском понимании идеальный (праведный) князь должен осознавать эту цельность и заботиться о своём народе. Эта позиция неоднократно выражена устами Владимира Мономаха в споре о смердах накануне военных операций. На доводы Святополковой дружины, решающей отложить наступательный поход из-за весенних посевных работ, Мономах убедительно отвечает: «**Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ’и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?**» (183). Спустя восемь лет, в 1111 году, когда возникла похожая ситуация, Владимир Мономах почти теми же словами убеждает брата в необходимости военного похода на половцев (190). Ставя жизнь смерда выше феодальных обязательств, Мономах становится выразителем народного (=авторского) взгляда на проблему власти. В этом отношении интересны наблюдения М. И. Сухомлинова: «Будучи истинным и ревностным христианином, Нестор вместе с тем — писатель народный, общее не заглушает в нём частного, народного: он постоянно удерживает двойственный характер — христианина и Русского писателя XI века»[542].

Вывод: В размышлениях о земных властителях проявляется взгляд религиозного мыслителя, считающего князей ставленниками Бога. Идеальный (праведный) князь, с точки зрения средневекового книжника, должен быть зрелым и мудрым, любить справедливость и закон, заботиться о своём народе. Только такой князь может завоевать у Всевышнего всепрощение и избавить страну от всяческих страданий. Такими представлены на страницах летописи первые русские князья и последний из правящей коалиции Владимир Мономах. Не случайно, что размышления о земных властителях помещаются автором вслед за убийством Святослава, в ответ на преступные замыслы Святополка о единовластии, а заверша-

ются рассуждениями о князьях-преступниках, которые по делам своим понесут наказание. Для аксиологических текстов о земных властителях характерны такие формы авторского выражения, как: рассуждения в духе морально-дидактических поучений, а также непрямые формы посредством цитирования из религиозных источников и диалоги действующих лиц.

д) злой природы человека

Летописный рассказ о жестоком убийстве Бориса и Глеба завершается авторским отступлением о злой природе человека: **Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить** (92). Сопоставление злого человека с бесами строится на основе наличия/отсутствия страха перед Богом и крестом. Страх перед Владыкой мира — почти неотъемлемое качество истинного христианина, что подтверждают аналоги-контексты на всём пространстве ПВЛ. Показательна в этом отношении выписка из Амартола, где отчётливо прослеживается мысль о наличии Божьего страха как свидетельства благочестивости племени[543]. Божий страх является необходимым условием божественного познания. Пренебрежение страхом Божьим уводит от Божественной премудрости: **Възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша...** (45). В необходимости покорного служения Богу летописца убеждают книги Священного писания: **Рече бо Давыдъ**: «**Работайте Господеви съ страхом, и радуйтеся ему с трепетом**» (83). Преображённый после крещения Владимир начинает жить **в страсѣ Божьи**, то есть по церковным канонам, по заповедям Божьим. По мысли Яна, не только человек, но и ангелы **предстоять ему** (Богу) **со страхом, не могуще на нь зрѣти** (118). Бегство половцев с поля сражения почти всегда сопровождается ощущением страха[544]. О Божьем страхе как начале всякой добродетели упоминает в своём «Поучении» Владимир Мономах[545]. Таким образом, отсутствие/наличие у людей страха перед Богом является для автора важнейшим критерием их оценки, причём таким критерием, который позволяет сблизить человека с дьяволом. Ведь если вспомнить библейский сюжет, причиной низвержения одного из ангелов явилось высокомерие, т.е. бесстрашие перед Владыкой мира. Однако в сравнительной параллели «злой человек» — «бесы» чаша весов склоняется в пользу бесов, и причина тому — наличие у бесов страха перед Богом и крестом.

Дополнительную смысловую нагрузку несёт прилагательное «злой», которое в пределах одной фразы повторяется четыре раза. Для средневекового книжника категории «добро» и «зло» являются основополагающими. Употребление в отношении человека эпитета «злой», характерного признака тёмных сил, обладающего сугубо отрицательной оценочностью, вводит человека в семантическое поле дьявола. По мысли летописца, **а бѣси на злое всегда ловять** (92), то есть злодеяния делают человека открытым, уязвимым для бесов, которые того и ждут: **на зло слеми скори суть** (92). Дав возможность бесам овладеть собой, злые люди утрачивают связь не только с Богом, но и с себе подобными: **ни человѣкъ ся стыдить** (92), оказываются вне морали, вне общепризнанных норм поведения.

Из всех князей в ПВЛ только Святополк I получает оценочные определения **оканьный и злый** (94), указывающие на сверхзлодейство героя, его преступную сущность и оторванность от мира людей. Даже могила Святополка источает **смрадъ золъ** (98) в значении «зловонный, неприятный запах». В контексте размышлений о предназначении князей «злой» приобретает дополнительный смысловой оттенок — неправедный, недостойный: **аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить Богъ на землю** (95). И хотя древний автор считает, что **Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага** (112), иногда только методом наказания можно достичь исправления и покаяния. Таким образом, «зло» получает новую смысловую нагрузку — справедливое возмездие, наказание за неправедность и грехи. Между тем и сами грехи иногда именуются «злобами»: **нашихъ ради злобъ** (113).

В авторском представлении зло — это женское прельщение, ведущее к грехопадению[546], набеги иноплеменников[547] и поражение от них[548], пролитие христианской крови[549], братоубийство и междоусобица, ведущие к гибели всей Русской Земли[550]. Знамения — предвестники зла (войны, голода и смерти): **знаменья сиця на зло бывають, ли про явленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють** (111).

Таким образом, существительное «зло» и производное от него прилагательное «злой» обладают в тексте ПВЛ ярко выраженной экспрессивностью и отрицательной оценочностью. Исключение представляют случаи, когда понятие «зло» включается в семантическое поле Бога и приобретает смысловой оттенок «справедливого возмездия». По отношению к человеку определение «злой» всегда выражает негативное авторское отношение, ассоциируется с врождённой природной греховностью.

е) пользы книжного учения

Книжное учение и книги вообще приобретают в авторском осмыслении поистине грандиозное, величественное назначение, являются шагом на пути к покаянию, обретению мудрости[551]. Книгам приписываются уникальные свойства воды[552]. Мудрость, заключённая в книгах, открывается не каждому, а лишь тому, кто читает внимательно и вдумчиво, с большим желанием отыскать сокрытое в «неизмеримых глубинах». Способность находить в книгах мудрость помогает обрести душевное равновесие и комфорт[553]. Чтение книг сближает с Богом и оказывает на душу целебное воздействие[554]. Начитанность, мудрость служит положительной характеристикой летописных персон. Любовь Ярослава Мудрого к книгам уравнивается по силе чувств с любовью к церковным уставам, попам и черноризцам[555]. Из всех достоинств митрополита Иоанна на первое место автор ставит осведомлённость в книгах и книжном учении[556].

Важным этапом христианизации Руси становится просвещение, которое в авторском осмыслении обретает символическое звучание и воспринимается как милость Божья[557]. Действительно, с принятием христианства Древняя Русь одновременно получила и письменность и литературу. Как отмечал О. В. Творогов, «древнерусские книжники оказались перед лицом сложнейшей задачи: нужно было в возможно кратчайший срок обеспечить создаваемые на Руси церкви и монастыри необходимыми для богослужения книгами, нужно было ознакомить новообращенных христиан с христианской догматикой, с основами христианской морали, с христианской историографией в самом широком смысле этого слова: и с историей Вселенной, народов и государств, и с историей церкви, и, наконец, с историей жизни христианских подвижников»[558]. Это во многом объясняет характер высказываний о книгах и книжном учении, которые воспринимались средневековыми писателями как источники познания и средства приобщения к новой православной вере.

Общие выводы главы: Аксиологические тексты убеждают в том, что древние авторы не были бесстрастными повествователями о событиях, явлениях, персонах[559]. В каждом историческом факте, поступках государственных, духовных и иных лиц, природных и общественных явлениях они находили «свою» истину и осмысляли в соответствии с христианскими и морально-этическими представлениями «своего» времени. В рамках философских воззрений «исторический процесс» и единичные факты осознавались «как проявление божест-

венной воли»[560]. Вместе с тем, «труд русских летописцев поражает… трезвостью в отборе сведений и их толковании, отсутствием национального тщеславия, свойственного средневековым историческим сочинениям»[561].

Интерес к общерусским событиям соответствовал в летописном изложении киевским интересам, отсюда преобладание киевоцентристской позиции, определившей особое внимание к великим киевским князьям. В меньшей степени летописца интересуют князья удельные, духовные персоны, лица из княжеского окружения, враги, волхвы, тёмные силы. Помимо традиционных способов изображения персон («эпического» и «религиозно-дидактического»), летописец спорадически прибегает к несистемным для средневековой литературы приёмам «остранения», изображения психологического состояния героя, его внутренних переживаний. Не соответствуют нашим наблюдениям выводы предшественников (И. П. Ерёмин, Д. С. Лихачёв) об «однолинейности» в изображении летописных персон, «немотивированных перевоплощениях», «раздвоении героя». В большей мере отвечает летописным текстам точка зрения, согласно которой «летописец стремится, где для этого имеется повод, к постижению реальной сложности человека; его палитра, несомненно, богаче «чёрно-белой», и он вполне умеет «смешивать» краски»[562]. Следует говорить о сложном, многоуровневом, смешанном характере и составе оценки в рамках единой авторской позиции, единых оценочных критериев.

Наиболее употребительными в аксиологических текстах являются непрямые формы авторского выражения: через описание ситуации, поступков, речей персон, цитаты и т. д. Прямые оценки в форме прямого морализирования, эмоциональных реплик, оценочных эпитетов, полемических высказываний звучат в адрес братоубийц, предателей, нарушителей договорных обязательств, разрушителей христианских святынь, «злых советников», волхвов. Важным средством характеристики героев выступают некрологические статьи.

На страницах летописи актуализируются проблемы власти, правомерности выбора христианства, знаковости природных явлений, человеческой природы, книжной мудрости, редко — брака и семьи.

В ходе анализа аксиологических текстов были выявлены следующие авторские проявления: «*мы-позиция*», «*общая позиция-оценка*», «*минус-позиция*».

Глава 3

СЛОВЕСНЫЕ ПРИМЕТЫ ЛЕТОПИСЦА

В семантической классификации мы рассматривали *автора*, проявляющего себя с позиции очевидца и комментатора *событий, персон, явлений*. Но *авторская специфика* может быть обнаружена в словесных формулах, например, в *типах авторских ремарок и пояснений*.

1. Авторские ремарки

Формулы временных указаний, обозначающих протяжённость события или явления от некоторого момента в прошлом до времени работы летописца, встречаются в тексте ПВЛ на всём протяжении повествования. Они существуют в разных словесных формах. К наиболее употребительным относятся следующие: «**до сего дне**», «**до сего дни**», «**до днешнего дне**», «**доныне**», «**идеже ныне**», «**доселе**». А. А. Шайкин, рассматривая подобные словосочетания, называет их связующими мостиками между прошлым и настоящим[563]. Выясняя специфику авторского самовыражения в ПВЛ, В. Ф. Харпалёва отмечает, что для летописца характерна «перекличка» с современным географическим положением описываемых в летописи мест, сопоставление с современной для летописца топографией города, «что делало для читателей места тех или иных исторических событий более конкретными и понятными»[564]. Среди устойчивых, повторяющихся словосочетаний, из которых чаще всего летописец использует «**идеже ныне**» и «**до сего дне**», представилось возможным выделить две группы, куда вошли хроноконструкции, различающиеся по своему функциональному употреблению.

Первую группу можно обозначить как *хронотопосы*. Это могут быть указания на места расселения славянских племён, сохранившиеся до времени работы летописца: **По многѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска** (10). Выделенная хроноконструкция сочетает функции временного определителя и актуализации прошлого. Для летописца, который стремился, говоря словами Д. С. Лихачёва, «показать Русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без рода и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гор-

диться»[565], происхождение и места расселения славянских племён представлялись значительными. Имена первых, названных в ПВЛ персонажей, дали названия известных автору мест[566].

Имена людей, название племён и народов могут переходить на географические объекты, и здесь также отмечаются временные координаты. От Кия, который попытался закрепиться на Дунае, был назван Киевец: **єже и донынѣ наречють дунайци городище Києвець** (12). Именем цезаря Адриана был назван город, который, со слов летописца, **мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ** (31). От угров, проходивших мимо Киева, получила название гора[567]. Угорской стала называться земля, которую эти угры захватили, прогнав волохов и покорив славян[568]. «До сего дня» сохранила название Перунья отмель, куда во время крещения прибило ветром языческий идол Перуна[569]. Место проживания нынешних волынян в прошлом принадлежало дулебам: **Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне** (14). Пространственно-временной ориентир помогает летописцу точнее определить знаковый маршрут апостола Андрея: **И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ** (11)[570].

К группе хронотопосов относятся указания на места расположения различных церквей. К примеру, церкви святого Ильи[571], церкви святого Василия[572]. Местоположение церкви святого Василия в настоящем важно для автора, потому что раньше на этом холме приносили жертвы бесам. Установление церкви — свидетельство Божьей милости. В указании на церковь святой Богородицы[573] хронотопос выполняет функцию актуализации прошлого. Для автора значимо, что на месте дома варяга, погибшего за христианскую веру, в настоящем находится церковь, построенная, кстати, Владимиром, косвенно виновным в гибели варяга. Убийство произошло во время княжения Владимира-язычника, а строительство церкви — уже дело рук Владимира-христианина.

Церкви, возводящиеся на месте тех или иных значительных событий, сохраняют память об этих событиях[574]. Закладка церкви святой Богородицы свидетельствует о Божьей милости, снизошедшей на Мстислава во время борьбы с касожским князем Редедей. В передаче автора-христианина эпизод наполняется религиозным содержанием: искреннее обращение к Богу вознаграждается. На месте военной победы над врагом возводится храм св. Софии в Киеве[575]. Память о святых местах закрепляется церковными строениями[576]. Монастырь возникает там, где остановился святой Антоний Печерский[577]. Наряду с иными ценностями «до сего дня» сохраняются пе-

щеры и келии, которые «ископал» «великий» Антоний с братией, и церковь, устроенная ими под землёй[578].

Много в тексте ПВЛ хроноконструкций, указывающих на культовые захоронения, например, на могилы Аскольда и Дира: **И ѹбиша Асколда и Дира, и несоша на горѹ, и погребоша ’и на горѣ, еже ся ныне зоветь Ѹгорьское, кде ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святаго Николѹ; а Дирова могила за святою Ориною** (19).[579]. Д. С. Лихачёв отмечал, что летописец избирательно подходил к использованию источников. По его мнению, сведения Начального свода о смерти Олега «за морем» составитель ПВЛ не принял и «заставил» Олега умереть в Киеве, поскольку в Киеве **есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова** (29)[580]. В округе Искоростеня сохранилась могила Игоря[581]. Возле Вручева был похоронен Олег Святославич[582]. На смену достаточно точных координат приходит абстрактное описание, когда речь заходит о могиле Святополка Окаянного[583]. Рассматривая концепт «земля» в летописном тексте, А. А. Шайкин говорит о «нечистых местах», к которым относит пустыню, степь и горы[584]. Видимо, пустынное место, где окончил жизнь Святополк, символизирует отчуждение, изолированность от людей и в конечном итоге — забвение, что вполне соответствует авторскому замыслу.

Рассказ об истории создания Печерского монастыря летописец начинает с упоминания о «печерке», выкопанной некогда Иларионом, будущим митрополитом. В этой «печерке» затем поселился «великий» Антоний. По сообщению летописца, Антоний провёл в добровольном заточении 40 лет, а его останки до сих пор покоятся под новым монастырём: **лежать мощѣ его и до сего дне** (105). Обозначенный хронотопос позволяет установить примерное время работы летописца.[585] О близости события времени работы летописца свидетельствует точная дата смерти Романа Святославича[586]. Автор-очевидец перенесения мощей святых мучеников Бориса и Глеба в подробностях рассказывает о новом месте их упокоения[587]. В летописных сообщения о захоронении Яна и дочери Всеволода Евпраксии, схожих по семантике и словесному оформлению, угадывается рука печерца, хорошо осведомлённого в деталях интерьера Печерского монастыря[588].

Стремясь к документальности изложения событий, летописец подробно описывает места стоянок и места для охоты, сохранившиеся со времени посещения Ольгой Древлянской земли[589]. Напоминанием о месте военного противостояния Ярополка и Владимира служит выкопанный некогда ров[590]. Не ушли бесследно в ис-

торию малопримечательные страницы из жизни Владимира-язычника. В народной памяти сохранились места, где проживали его многочисленные жёны и наложницы[591]. Отличные топографические знания помогают летописцу вспомнить местоположение сохранившихся со времён христианизации княжеских палат в Корсуни: **полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ** (76). Не забывает автор напомнить, что на месте столкновения христолюбивого князя с печенегами впоследствии появляется город[592], а захваченные во время совместного похода Ярослава и Мстислава польские территории «до сих пор» остаются владением русских князей[593].

Во вторую группу мы отнесли хроноконструкции, выполняющие в тексте *информативную функцию*. Это может быть сообщение о происхождении племени полян[594] и их современном названии[595]; о сохранившихся племенных обычаях вятичей[596], полян[597]. Некоторые события прошлого нашли отражение в современных автору поговорках. В частности, о горделивых обрах, творивших насилие в отношении дулебов и за это наказанных Богом[598]; о жестоком голоде в Родне во время осады Ярополка Владимиром[599]. Информативную функцию выполняют сообщения об установлении дани хазарам, варягам, радимичам и завоевании некоторых польских городов, которые *до сих пор* находятся под Русью[600]. По мысли Д. С. Лихачёва, «здесь настойчиво повторяется… мысль, что русские, когда-то угнетавшиеся и платившие дань другим народам, ныне сами вершат судьбами своих соседей»[601].

В летописном эпизоде о сватовстве древлянского князя к Ольге сохранилось драгоценное, с точки зрения М. Х. Алешковского, описание топографии Киева[602]. О. В. Творогов в подробностях описания Киева усматривает «след устного предания, когда рассказчик, поддерживая живой контакт со слушателями, готов заранее отмести возможные сомнения в истинности своего рассказа»[603]. А. А. Шайкин считает, что изначально описание Киева в фольклорном сюжете о сватовстве к Ольге и её мщениях не могло присутствовать — «это вставка позднейшего пересказчика давней истории. Но, являясь «отступлениями» в смысле нарушения непрерывности развёртывания сюжета, вставки эти вполне вписываются в текст и по общему смыслу, и стилистически, сохраняя присущий всем этим эпизодам стиль разговорности, устного рассказа»[604].

К информационным ремаркам отнесём также сообщения, указывающие на какие-либо «недостатки» во внешнем облике или с точки зрения морали: **Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ**

его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить ’є до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье (103). Здесь для автора важнее не то, что у Всеслава язвено сохранилось до сих пор, а то, что из-за этого язвена он немилостив на кровопролитие[605]. Если «недостаток» Всеслава — свидетельство скорее Божьего гнева (мать родила его от волхвования), то рана на лице Василька Теребовльского — печать жестокости и коварства со стороны князей-«братьев»[606]. В сообщении о греках автор морализирует по поводу характерного для них качества: **Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни** (49).

Ряд словоформ выполняет в тексте функцию сообщений о последствиях войн, духовно-нравственного разложения. Рассказ о Святославе, разбившем греческие города: **И поиде Святославь... воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты** (49), является своеобразным продолжением высказывания о лживости греков. Но если победа Святослава и установление им дани осознаются как наказание греков за лживость, то разрушение русских городов в результате нашествий иноплеменников осмысляется как батог Божий, направленный на соотечественников летописца, погрязших в грехах[607].

В *особую группу* отнесём словосочетания, которые помимо информативной и пространственно-временной функций используются для усиления какого-либо *качества*. В первом фрагменте речь идёт о трусости печенегов[608], во втором — о трусости торков[609]. Похоже, что в этих примерах хроноконструкции выполняют *художественную функцию* (гиперболизация с элементом юмора).

Таким образом, рассмотренные хроноконструкции различаются по своему функциональному употреблению. Помимо основных функций — хронотопической и информативной, они служат для актуализации прошлого и выполняют задачи художественного плана. Летописца интересовали места возведения церковных строений, культовых захоронений персон, строительные, географические и ландшафтные объекты, примечательные в историческом отношении (их посещали князья, там жили их ближайшие родственники, происходили военные конфликты). Также летописец уделяет внимание происхождению племён, названий городов, земель, гор, племенных обычаев, поговорок. Иногда хронотопосы содержат важные сведения по топографии городов. В некоторых случаях авторские ремарки помогают выяснить примерное время и место работы летописца (в указании на язвено Всеслава, на время и место захоронения Антония, Яна и Евпраксии).

К типам *авторских ремарок*, которые служат для соединения разных фрагментов текста ПВЛ, относятся формулы «**яко же рекохомъ**», «**мы на прежнее возъвратимся**», «**яко же скажем послѣже**», «**се же повѣмь мало нѣчто**» и их варианты. Представляется возможным разбить вышеозначенные формулы на четыре группы. К *первой группе* относём ремарку «**яко же рекохомъ**» и её варианты, которая используется летописцем для напоминания читателям о событиях, действиях, качествах персонажей, описанных ранее в тексте. Ко второй группе — формулу «**мы на прежнее возъвратимся**» и её варианты, к которой автор прибегает, как правило, для возвращения к главной теме, прерванной ситуативными комментариями. К *третьей группе* — формулу «**яко же скажем послѣже**» и её варианты, которую автор использует, сообщая о событиях ещё не произошедших. *Четвёртая группа* представлена ремаркой «**се же повѣмь мало нѣчто**» и подобными, они готовят читателя к восприятию информации.

Наиболее употребительными являются формулы *первой группы*: «**яко же рекохомъ**», «**яко же глаголахъ**», «**яко же рекохом преже**», «**яко же и в прежнее лѣто сказахъ**» и другие. Используя подобные ремарки, летописец отсылает читателя к предшествующему тексту, напоминает о нём или рассчитывает, что читатель помнит о сказанном раньше. По мнению А. С. Дёмина, «склонность летописца к последовательно «подразумевательному» повествованию можно объяснить тем, что летописец ожидал от читателя недюжинной сообразительности, ставил читателя как бы в положение проницательного участника событий. …летописец, проявляя свою памятливость, одновременно так или иначе побуждал читателя к воспоминанию о прочитанном, в том числе к памяти на детали»[610]. Например, летописец напоминает читателям о месте расселения славян[611], о происхождении племени полян[612]. Действительно, о том, что славянский народ жил на Дунае и поляне **же жившемъ особе**, летописец сообщал ранее. А. С. Демин отмечает, что летописец в таких случаях приводил только начало или часть изложенного ранее сообщения[613]. По такому же принципу (краткий пересказ изложенного ранее) строятся и другие эпизоды ПВЛ, где используются формулы напоминания. Так, говоря о заслугах Ярослава[614], летописец апеллирует к изложенному ранее[615]. Напоминание о добродетелях Антония[616] вытекает из предыдущего текста, где подробно рассказывалось о судьбе основателя Печерского монастыря, которому положил Бог на сердце идти странничать, а игумен Святой Горы постриг в монахи, дал имя Антоний и благословил вернуться на Русь для устройства монашеской жизни.

Формула «**яко же рекохомъ**» может служить напоминанием о месте захоронения князя[617]; о месте заточения княжеской особы[618]; о примирении между князьями, или же в форме «**яко же и в прежнее лѣто сказахъ**» отсылает к дате первоначального текста-сообщения (в данном случае к 1097 г.). Иногда летописец делает ссылку на начало погодной записи. Таково напоминание о строительстве Ладоги под 1114 годом: **Се бо и бысть послѣдняя земля, о ней же сказахомь первое** (199).

Как правило, авторские ремарки первой группы употребляются летописцем в особо значимых эпизодах, и, помимо напоминательной, уточняющей и связующей функций, служат своеобразными смысловыми акцентами. Для летописца — первого историографа — значительным представлялось происхождение и местонахождение славянского народа, автономность и выделенность из числа других племени полян. Его интересовала судьба Русской Земли, поэтому он сосредоточивает внимание на заслугах князей, на их сплочённости. Будучи человеком духовного звания, летописец подчёркивает роль добродетельной жизни монахов (см. пример с Антонием), богоизбранности Руси. Дважды летописец напоминает о знамении в Печерском монастыре, которое трактует как явление ангельское[619]. Если первая ссылка на знамение возвращает читателя к началу погодной статьи, то второе упоминание относится к предыдущему году (1110). Знамение в Печерской обители автор связывает с поведением Владимира, которому ангел — посланник Божий вкладывает в сердце мысль поднять всю братию на борьбу с иноплеменниками[620].

Как видно из текста, связка **«яко же рекохомъ»** обычно отсылает читателя либо к началу погодной статьи, либо к предыдущему году. Однако в примере с «теремным двором» она охватывает временной отрезок в 35 лет. В погодной записи под 980 годом в сюжете убийства Ярополка и вокняжения Владимира читаем: **Володимеръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту с вои и съ дружиною своею** (55). О теремном дворе упоминается в период княжения Ольги под 945 годом: **надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ** (40). По такого рода замечаниям историк-текстолог А. Л. Никитин выделяет работу одного из летописцев, которого называет «краеведом»[621]. Оказывается, «краевед» не только краеведческие замечания делал, но и серьёзные сюжеты излагал.

С упоминанием в ПВЛ о Янке — дочери Всеволода связана текстологическая «заковыка». В погодной записи под 1089 годом автор напоминает о Янке: **В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа,**

реченая преже (137). Однако в тексте по Лаврентьевскому списку о Янке нигде «**преже**» не говорится. О ней упоминается в Ипатьевском списке под 1086 годом, где говорится, что Янка организовала при церкви святого Андрея монастырь, где и приняла постриг. Таким образом, в первоначальном варианте о Янке всё же говорилось, и, вероятно, в Лавреньевском списке мы имеем дело с поздней редактурой, удалившей эти, по-видимому, малозначительные сведения.

Отметим, что авторские ремарки типа «**яко же рекохомъ»,** отнесённые нами к первой группе, встречаются перед цитированием из Священных книг, но отсылают читателя не к летописному тексту, а к религиозным источникам, при этом глаголы становятся безличными[622]. Устойчивые обороты в данных примерах служат не напоминанием читателю о чём-либо, а отсылают к источнику цитирования.

Ко *второй группе* отнесём ремарки типа «**мы на прежнее възъвратимся»**, используемые летописцем для возврата читателя к главной теме повествования. Обращение к такого рода формулам А. А. Пауткин связывает с потребностью средневекового писателя «дать оценку происшедшего»: «Последовательность изложения событий сохранялась, так как летописец всегда продолжал прерванный рассказ, крупные и мелкие происшествия вновь «выстраивались» в ряд друг за другом в соответствии с их временной очерёдностью»[623]. Летописец прибегает к формуле «**мы на прежнее възъвратимся»** уже в конце первой датированной статьи 852 года. Завершив хронологическую таблицу, летописец уведомляет: **Но мы на прежнее възъвратимся и скажемъ, што ся здѣя в лѣта си, яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа** (17). Как замечает П. П. Толочко, «автор постоянно держит в уме событийную его канву»[624].

Тема целостности Русской Земли, её богоизбранности не могла не волновать летописца, поэтому сообщение о приходе иноплеменников под 1068 годом и их победе над Ярославичами прерывает авторское отступление о казнях Божьих. Возврат к главной теме осуществляется с помощью ремарки[625]. Аналогичный пример находим под 1096 годом. После сообщения о князьях Святополке и Владимире, понуждающих Олега пойти к Давыду и заключить договор, следует рассказ от первого лица о набеге половцев на Киев и Печерский монастырь, отступление о нечистых, заклёпанных Александром Македонским народах, поучение Владимира Мономаха, рассказ от первого лица о неведомых народах — югре. К основной теме — взаимодействию русских князей — возвращает авторская ремарка[626]. Причём, здесь,

как и в случае с эпизодами, связанными формулой «**яко же рекохомъ**», возвращая читателя к главной теме, летописец кратко пересказывает события, описанные ранее. Особенно показателен пример из статьи 1096 года. В начале погодной статьи автор сообщает о том, что Олег даёт клятвенное обещание князьям помириться с Давыдом[627]. Затем идёт многостраничное повествование, включающее Поучение Мономаха, и через 18 страниц современного типографского издания летописец вновь возвращает читателей к теме перемирия Олега и Давыда[628].

Последовательность событий в статье 1097 года нарушает авторское отступление о любви Владимира к игуменам, митрополитам и монахам. После чего летописец возвращает читателей к теме взаимоотношения князей[629]. О том, что княгиня была у Владимира, уже сообщалось, но летописец, заботившийся о связности текста, ещё раз повторяет: **Княгини же бывши у Володимера** (175).

Зачастую летописец нарушает хронологию событий, забегая вперёд, сообщая о событиях, ещё не произошедших на момент рассказа. Такие ремарки мы условно отнесли к *третьей группе.* Так, во вступительной части ПВЛ автор сообщает: **По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри черниии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ** (14). Действительно, в погодной записи 898 года находим: **Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское** (21). При учёте, что первая запись относится к недатированной части, а вторая — к 898 году, получается, что от момента упоминания об уграх до их реального похода прошло значительное время. В примере с Феодосием Печерским, о котором летописец упоминает в статье под 1051 годом и обещает рассказать позже, с момента обещания до летописного сообщения проходит 23 года[630]. Статья 1074 года, дающая обобщённый портрет игумена, начинается известием о его смерти: **В лѣто 6582/1074. Феодосии, игуменъ печерьский, преставися** (122). Рассказывая о правлении Владимира, когда тот был ещё язычником и поэтому ставил идолы языческим богам (980 г.), автор преднамеренно забегает вперёд — во времена Владимира-христианина: **Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся** (56). Своё обещание он выполняет в статье 988 года, то есть спустя 8 лет[631]. Иногда летописец конкретизирует. В статье 1102 г. читаем: **На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто** (183). Обещание выполняет под следующим годом — 1103.

К *четвёртой группе* отнесём ремарки, используемые автором для подготовки читателя к восприятию информации: **Яко и се скажемъ** и подобные. Они не отсылают к предыдущим текстам, не возвращают к главной теме после отвлечённых рассуждений, не обещают рассказать о том, что будет, а предваряют рассказ летописца сейчас, в настоящем. Значительная часть этих ремарок встретилась на отрезке летописи, относящемся к так называемой Печерской повести. Они готовят читателя к восприятию рассказа о Печерском монастыре[632], о бесовском наущении и деянии[633], о виде бесовском и их наваждениях[634], о «чудных мужах» печерской обители[635].

Много подобных ремарок встретилось в летописных известиях, посвящённых Феодосию. В статье 1074 года автор готовит читателя к восприятию рассказа о кончине своего духовного наставника[636], использует «подготовительную» ремарку в статье 1091 года, повествующей о перезахоронении Феодосия[637], о его сбывшемся пророчестве[638] и добродетелях[639]. Рассказ о югре (статья 1096 г.) летописец начинает с уведомления о своём намерении и, стремясь к достоверности, называет информатора и указывает точную дату — четыре года назад: **Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець** (167).

Таким образом, используемые летописцем устойчивые словесные формулы рассчитаны на внимательного читателя и служат напоминанием о ранее изложенных событиях «**яко же рекохомъ**», возвращают к главной теме повествования «**мы на прежнее възъвратимся**», готовят читателя к восприятию информации «**се же повѣмь мало нѣчто**», отсылают к последующим событиям «**яко же скажем послѣже**». Вместе с тем они соединяют разные фрагменты текста, придавая ему вид цельного произведения. Как верно заметил М. Х. Алешковский, «эти ассоциативные арки, переброшенные от одного текста к другому, от сентенции к сентенции, так называемые перекрёстные ссылки, ссылки на современную действительность и держат всё грандиозное и повествовательное здание»[640]. Кроме того, эти внешние и очевидные проявления наглядно демонстрируют способность летописца охватывать совокупность событий. А. А. Шайкин, не анализирующий специально систему оговорок и отсылок в летописи, отмечал, что «уже только по ним одним можно было бы уверенно заключить, что летописец в своём мышлении вовсе не заизолирован фрагментом, что он одновременно видит, улавливает, сопрягает события разных лет и реализует это своё видение и сопряжение в тексте летописи»[641].

2. Цитации

Комментирование событий с помощью цитации из Священных книг является ещё одним типом авторских ремарок[642]. В обращении древних авторов к книгам Священного писания обычно усматривают характерные черты средневекового мышления — ретроспективность и традиционализм. Вместе с тем, «выписывание библейских цитат», по мысли М. Х. Алешковского, «служит для автора способом выражения собственного мнения»[643].

Из сопоставления цитат с оригинальным текстом можно сделать ряд выводов. Летописец редко дословно передаёт текст первоисточника. Такие примеры имеют место в ранних летописных известиях, например, в характеристике первой русской христианки — княгини Ольги (955 г.)[644]. (Поскольку в приводимых ниже таблицах тексты Священного писания мы даём в переводах на современный русский язык, то и соответствующие фрагменты ПВЛ целесообразнее приводить в переводах Д. С. Лихачёва[645]).

ПВЛ	Книги Священного писания
«Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня»	«Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня» (Притч 7: 17)
Господь сказал: "Приходящего ко мне не изгоню вон"	«приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин 6: 37)

Показательны в этом отношении цитаты, использованные в эпизоде крещения[646].

"Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его", ибо "избавил нас от врагов наших", то есть от языческих идолов.	«Славьте Господа, ибо Он благ; ибо вовек милость Его… и избавил нас от врагов наших» (Пс 135: 1, 24)
И еще: "Древнее прошло, теперь все новое".	«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор 5: 17)

В некоторых случаях летописец даёт цитату, близкую к оригинальному тексту. Так, морализируя по поводу отказа Святослава принимать христианство, автор почти дословно цитирует Псалтырь[647].

"Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме"	«Не знают, не разумеют, во тьме ходят» (Пс 81: 5)

В том же эпизоде крещения древнерусский книжник вместо «племена» употребляет «люди», что, впрочем, не сказывается на смысловом содержании цитаты[648].

<u>И еще скажем вместе с Давидом</u>: "Воспойте Господу песнь новую … Возвещайте в народах славу его, во всех *людях* чудеса его, ибо велик Господь и достохвален"	«Воспойте Господу песнь новую… возвещайте в народах славу Его, во всех *племенах* чудеса Его; ибо велик Господь и достохвален» (Пс 95: 1—4)

Для нашего исследования особый интерес представляют цитаты, дополненные личными замечаниями летописца[649]. В Псалтыри, хотя и подразумевается дьявол, на что указывает выражение «сеть расторгнута», но в тексте не конкретизируется. Средневековый автор, склонный во всех значительных событиях видеть Божий промысел или дьявольские козни, стремится лишний раз подчеркнуть, назвать главного противника христиан.

Мы же воскликнем к Господу Богу нашему: "Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их!.. Сеть расторгнулась, и мы избавились" **от обмана дьявольского**.	«Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!.. сеть расторгнута, и мы избавились» (Пс 123: 6—7)

Сообразно предмету изложения летописец дополняет цитату из Псалтыри личным пояснением[650]. Поскольку языческие идолы олицетворяли варварство, бездуховность, явыческое сознание, то с принятием христианства одной из первоочередных задач была борьба с идолопоклонничеством. Именно поэтому автор ассоциирует врагов, прежде всего, с языческими кумирами.

Сопоставительный анализ цитат с оригинальным текстом выявил склонность летописца к свободному цитированию. Это свидетельствует, по всей видимости, о том, что он приводил тексты первоисточника по памяти. Так, в некрологе, посвящённом Ольге, автор ссылается на Соломона[651]. Если в первоисточнике народ веселится, когда количество праведников возрастает, то в летописи народная радость связана с «похваляемым» праведником.

"Радуется народ похваляемому праведнику"	«Когда умножаются праведники, веселится народ» (Притч 29: 2)

Авторское переосмысление находим в рассказе о книжном обучении[652]. В Книге пророка Исаии говорится о том, что слепые «прозрят», у автора ПВЛ — станет понятным «язык косноязычных».

"В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных".	«И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Ис 29: 18)

В рассказе о нашествии Боняка автор вкладывает библейскую цитату в уста «безбожных сынов Измаиловых»[653]. Интересно, что полная выдержка из Псалтыри, по сути является ответом на поставленный «язычниками» вопрос.

"Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их!"	«Для чего язычникам говорить: «где Бог их?» (Пс 58: 10)

Заменяя причастие «исполнившееся» на оценочный эпитет «благоверных» в отношении княгини Ольги, автор переносит смысловой акцент с абстрактного чувства на конкретный объект[654].

"Желание благоверных приятно для души"	«Желание исполнившееся — приятно для души» (Притч 13: 20)

В некоторых случаях книжник сохраняет искомый смысл религиозного источника, лишь подстраивая содержание под свой объект описания[655].

"Ибо для неверующих вера христианская юродство есть"	«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть» (1 Кор 1: 18)

Иногда несоответствия обнаруживаются не только в семантике высказываний, но и в ссылках на источники, что возможно объяснить многократными переписками летописного текста. К примеру, начиная поучение о казнях Божьих 1068 г. словами пророка Иоиля, следующую цитату летописец предваряет фразой: **Тѣм же пророкомъ нам глаголеть** (112), хотя цитирует пророка Исайю: «**Разумѣхъ, — рече, — яко жестокъ еси, и шия желѣзная твоя**» (112).

"Знаю, — говорит, — что ты жесток и шея твоя железная"	«Я знал, что ты упорен, и что в шее твоей жилы железные, и лоб твой — медный» (Ис 48: 4)

Летописец нередко ссылается на авторов первоисточников. Иногда он конкретизирует[656], а иногда называет авторов заимствованного текста абстрактно[657]. Иногда встречаем ссылку не на автора цитаты, а на сам источник. Так, говоря о духовном богатстве и щедрости Владимира, летописец упоминает Евангелие[658]. Некоторые ссылки летописец делает не от 3 лица, а от 1-го, и тогда, как отмечает В. Ф. Харпалёва, «становится как бы «соавтором» цитируемого лица»[659]: **Рцѣмъ велегласно, Рцѣмъ и со Иовомь** (145), **мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ** (152) и т.д. Много цитат летописец даёт без каких-либо ссылок. Такие выдержки обычно звучат как отдельные реплики внутри авторского текста[660] или включены в состав сложноподчинённых предложений в качестве придаточного[661].

Есть примеры, когда библейские цитаты звучат из уст героев ПВЛ. В одном из эпизодов сказания о грамоте славянской словами из книги «Деяний святых апостолов» говорит папа римский[662]. В некоторых случаях летописец ссылается на библейских персонажей. Сравнивая Святополка с Каином, автор приводит слова Ламеха, сопровождая их личным комментарием[663]. Рассчитывая на «догадливого» (по выражению А. С. Дёмина) читателя, летописец в поучении о казнях Божьих 1093 г. вспоминает одного из осуждённых вместе с Христом разбойников и по-своему излагает евангельский текст[664].

Скажем по примеру того разбойника: "Мы достойное получили по делам нашим".	«и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал» (Лк 23: 41)

Харапалёва обращает внимание, что «при цитации в качестве вводящих слов обычно употребляются глаголы речи — чаще всего — **глаголати**, **речи** — вместо **писати**. По мнению А. С. Львова, это объясняется приёмом изложения летописца — всё передавать как сообщение очевидца»[665]. Скорее как исключение является отсылка к греческому источнику: **яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь** (17)[666].

Выводы: Анализ текстовых фрагментов с применением цитации показал, что автор прибегал к ним в особых случаях (для характеристики князей, их поступков, в связи с главным событием на Руси — принятием христианства, в «поучениях о казнях Божьих»). Как и все древнерусские книжники, летописец цитировал по памяти, большинство изречений подстраивал под конкретные объекты описания, отсюда многочисленные интерпретации и собственные трактовки. Наибольшей эмоциональностью, личным чувством пронизаны цитаты, вводимые глаголами 1-го лица ед. и мн. числа, где автор выступает в качестве «соавтора» цитируемого лица. Такие цитаты используются для комментирования таких знаковых исторических событий, как крещение Руси, или событий, отмеченных живым авторским участием, как нашествие Боняка на Печерский монастырь, встреча с ладожанами 1114 года.

3. Авторские пояснения

Летописец не просто излагал исторические факты и события, но стремился уточнять и объяснять географические определения, старые и новые названия племён, городов и т.д. Многие уточнения были заимствованы из Хронографа и Хроники Георгия Амартола, многие сделаны автором самолично, как, например, уточнение названия Кав-

касийских гор: **Кавкасинския горы, рекше Ѵгорьски** (10). Летописец, говоря о Кавкасинских горах, имел в виду Карпаты, причём это отождествление сделано не произвольно, так как «Карпаты и в XIII веке продолжали называться горами «Кавокасьскими» или «Угорьскими». Кавказские же горы назывались в древней Руси — Ясскими… Таким образом, никакой путаницы русский летописец в эти географические определения не внёс»[667]. Угорские горы станут важнейшим географическим ориентиром: **По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Ѵгорьска земля и Болгарьска** (10). С ними связан проход угров мимо Киева и покорение ими славян[668]. Из какого-то русского источника, общего для ПВЛ и Толковой Палеи, летописец позаимствовал отождествление нориков со славянами[669].

В рассказе о расселении славян автор-толкователь объясняет происхождение и название племён по месту из обитания: **И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.** Моравы произошли от реки Морава (11). Древляне получили название от лесов, в которых поселились (11). Племена, расположенные между Припятью и Двиной, стали называться дреговичами (11). Полочане получили название от реки Полота (11). Те, кто обосновался около озера Ильменя, назвались славянами и построили Новгород (11). От полочан произошли кривичи[670] и северяне[671]. От славянского народа и грамота стала называться славянской[672].

Летописец выделяет племена, которые говорят по-славянски, и те, которые платят Руси дань. В числе славяноговорящих выделяет бужан и объясняет название племени по местности, на которой они проживали[673]. Происхождение радимичей и вятичей от ляхов летописец связывает с именами двух братьев Радимом и Вяткой[674].

Стремление летописца всё объяснять выразилось в пояснении к первой летописной дате[675]. Из греческих исторических источников летописец, видимо, позаимствовал и определение варягов как русь, так как русскими в Византии называли не только славян, но и норманнов[676]. С варягами автор связывает этимологию словосочетания «Русская земля»[677]. Выясняя происхождение новгородцев[678], летописец подчёркивает чужеродность варягов и исконную принадлежность русских городов славянам, кривичам и другим славяноязычным племенам[679].

Так объясняет летописец, почему учителем славян является апостол Павел: **Тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ словѣнескъ и поставилъ есть епископа и намѣсника по себѣ Андроника словеньску языку** (23). Назва-

ние «русь» славянский народ получил от варягов[680]. Поляне — предки киевлян названы по месту проживания[681], хотя для автора намного важнее, что был един язык славянский. Проводится также мысль о единстве славянского народа, к которому относятся русские.

На страницах ПВЛ немало сведений о происхождении названий городов[682]. Весь текст за исключением последней фразы заимствован летописцем из Продолжателя Амартола. Уточнение в виде приписки «**мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ**» — свидетельство авторского дополнения к тексту первоисточника. С именем Кия связано название городища Киевец[683]. В эпизоде сватовства Владимира к Рогнеде есть отступление, объясняющее происхождение и получение власти Рогволодом — отцом Рогнеды и название Турова: **Бѣ бо Рогъволодъ пришел изаморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася** (54). В комментариях к ПВЛ Д. С. Лихачёв по этому поводу отмечал: «За этим кратким замечанием летописца, очевидно, скрывается какая-то этимологическая легенда, объясняющая происхождение названия Турова и княжеской династии в нём сидевшей (вроде того, как объясняется название Киева и происхождение местных киевских князей от Кия, или радимичей и вятичей от Радима и Вятко)»[684].

Название города Переяславль летописец объясняет тем, что на месте будущего города юноша кожемяка «переял славу» у печенежского богатыря[685]. По мысли Д. С. Лихачёва, «легенда об основании Переяславля не была первоначально приурочена к княжению Владимира, так как Переяславль упоминается задолго до княжения Владимира (в договоре с греками 907 года). Это поздняя вставка, которая появилась в начале XII века, когда слагалась ПВЛ и связывалась с именем Владимира I Святославича»[686].

Следуя своему обычному стремлению объяснять происхождение названий, летописец истолковывает название Печерского монастыря от пещеры, в которой жили чернецы[687]. Описание расположения Белгорода дается относительно Киева[688]. Название местечка Перунья отмель автор-толкователь объясняет тем обстоятельством, что во время избавления от языческих идолов, Перуна, выброшенного в Днепр, прибило ветром на отмель[689].

Помимо названий племён, городов, географических объектов, летописец растолковывает происхождение пословиц и поговорок. Так, пословицу, или дразнилку русских над радимичами: **Пищаньци волъчья хвоста бѣгають** (59), автор связывает с победой воеводы Владимира по прозвищу Волчий Хвост над своими врагами на реке Пищане. Наказанные за жестокость и притеснения славян обры были

истреблены Богом, поэтому сохранилась на Руси поговорка: **погибоша аки обрѣ** (14).

Иногда автор излагает своё понимание поведения летописных персон. Например, поясняет, почему назначение нового епископа вызвало у людей радость[690]. Бегство Владимира от печенегов автор оправдывает тем обстоятельством, что он был **с малою дружиною**» (85). Мученичеством и заступничеством Бориса и Глеба объясняет летописец необходимость достойно восхвалять этих страстотерпцев и прилежно им молиться[691]. Ужас, охвативший митрополита во время церемонии перенесения мощей святых Бориса и Глеба, летописец соотносит с его нетвёрдой верой[692]. Поход Владимира Мономаха на Глеба Всеславича 1116 года автор связывает с необузданной строптивостью Глеба[693].

Таким образом, авторские пояснения в ПВЛ указывают на исторические факты и явления, особенно нуждающиеся, с точки зрения средневекового книжника, в разъяснении, толковании. А это названия племён, городов, географических объектов, пословиц, поговорок, поступков персон. Авторские пояснения призваны не только информировать читателей, иногда они заключают в себе идеологическую компоненту: утверждают единство славянского языка и народа, его богоизбранность, независимость от Византии. Когда пояснения касаются исторических персон, они окрашиваются авторской оценкой. «Малая дружина» служит оправданием для бегства Владимира Святого, а буйство Глеба снимает ответственность с Мономаха, затеявшего военный наступательный поход против своего родича, оценочный элемент содержит указание на поведение митрополита. Наличие в тексте авторских пояснений, большинство их которых относятся к историко-этнографическому введению, можно объяснить стремлением древнего автора к достоверности, документальности изложения событий и в то же время склонностью к размышлениям, историческим разысканиям и догадкам.

Общие выводы главы: Словесно выраженным авторским «присутствием» в летописном тексте являются многочисленные ссылки, оговорки, пояснения, которые выполняют в тексте пространственно-временную, информативную, соединительную функции, служат для актуализации знаковых событий и явлений, решают задачи художественного плана. В некоторых случаях авторские ремарки помогают выяснить время и место работы книжника. Летописная система оговорок позволяет говорить о целостном авторском восприятии текста, умении «сопрягать события разных лет», сочетать документальность с личными наблюдениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы летописного автора как текстовой категории потребовало решения методологических задач, направленных на определение способов обнаружения, фиксирования авторских экспликаций. Наиболее актуальным представился метод семантического и лексического отбора текстовых сообщений, обладающих признаками оценочности, субъективности, включённости авторской позиции в структуру повествования. Маркирующим признаком выступил «сам градус письма»[694], который в зависимости от объекта описания, ситуации, авторских интенций «повышался» или «понижался». В качестве вспомогательного методологического подхода, помогающего уточнить авторскую интенцию, использовался метод «аналогов-контекстов», предложенный А. С. Дёминым.

В виду расплывчатости понятий «авторского комплекса» представилось целесообразным использовать в качестве ключевого определение «автора» как «*авторской позиции*», под которой понимаем художественное выражение авторского сознания в произведении и шире — степень «присутствия»/«отсутствия» автора в тексте.

Включенность автора в структуру произведения может принимать разные формы[695]. Применительно к средневековому автору принято говорить о его ориентированности на традицию, его жанровой маске, растворенности автора в социальной среде и иных формах внеличностных позиций. Наши наблюдения показали достаточно многочисленные случаи преодоления летописцем позиций «вненаходимости» (М. М. Бахтин), «метапозиции» (М. Н. Виролайнен) и непосредственного личностного включения автора в изображаемое. Даже А. А. Шахматов, акцентировавший внимание на текстовой стороне «Повести временных лет», обмолвился как-то о «просторе», который предоставляла летопись «личному чувству автора»[696].

В ходе изучения текста «Повести временных лет» обнаружились *прямые* (очевидные) формы авторских экспликаций, которые были объединены нами в группу «очевидческих» текстов. *Косвенные* (неявные) формы, выявленные в оценках, интонациях и т. д., вошли в группу «аксиологических» текстов. Еще одну группу составили *внешние* (словесные) формы. На основе разных форм авторских экспликаций составлено две классификации: *семантическая и внешних (словесных) форм*.

«Очевидческие» тексты свидетельствуют о высокой степени авторского присутствия и характеризуются рядом признаков, которые позволяют говорить о ярко выраженной личностной позиции («*аз-позиции*») и позиции «*внутри события*». В числе наиболее употребительных отметим:

- прямые сообщения автора о себе;
- высказывания от 1-го лица;
- «корыстные» самоупоминания;
- субъективно-эмоциональные отклики на происходящее;
- полемическая запальчивость;
- апелляция к свидетелям для утверждения достоверности/ложности факта;
- «художественное настоящее» как форма авторского присутствия.

Характерной для такого типа текстов является форма авторского сознания, при которой автор выступает как непосредственный участник описанных событий и герой произведения. Заметим, что «введение автором… в качестве персонажа самого себя»[697] впоследствии, в литературе Нового времени, стало традиционным для творчества многих писателей. Конечно, означенный приём не входил в сознательный замысел древнего книжника. Его задачей было документировать события, «следовать фактам, писать о том, что было»[698]. Именно этим обусловлен характер изложения материала с позиции «самовидца», участника, «послуха». При этом сам летописец отдаёт предпочтение информации, полученной по личным впечатлениям. Авторское «я» эксплицируется в основном в эпизодах, связанных с Киево-Печерским монастырём и его игуменом Феодосием Печерским, реже — в рассказах о диковинных чудесах и экстремальных природных явлениях.

Проявление эмоционального авторского начала соответствует в «очевидческих» текстах переключению в план 1-го лица, смене пространственно-временных точек зрения (от внешнего наблюдателя к непосредственному участнику), употреблению бытовой лексики, эмоциональной реакции на события, усиленной детализации изображения, увеличению заимствований из Священного Писания, служащих для выражения личных чувств. Мы согласны с О. В. Твороговым, что «художественность» летописных сообщений во многом определяется целями повествователя: «информирует ли летописец о происшедших событиях или рассказывает о них, создавая сюжетное повествование»[699]. Выполняя изобразительную, художественную функции, «очевидческие» тексты призваны сделать описание не

только достоверным, но и представляемым, даже если событие удалено от авторского времени на несколько веков.

Следует заметить, что «анонимность» как специфическая черта древнерусских памятников, есть следствие более широкого явления — некоего коллективного авторского сознания, позиции не столько «аз», сколько «мы». Такая коллективная точка зрения, или «*мы-позиция*» в большей степени свойственна «аксиологическим» текстам, характерной чертой которых является наличие безусловной оценочности, внутренней авторской сопричастности. Летописец не просто сообщает, «что было», а стремится указать, «хорошо» или «плохо» то, что было.

В центре внимания летописца — событие. В изображении событий прошлого в летописи имеет место своеобразная модернизация, выраженная введением христианского критерия в оценку языческих этносов, объяснение событий с точки зрения религиозного провиденциализма, опора на «двойственное самосознание» (см. выше соображения В. М. Живова), а также способность адаптировать греческую схему и методологию для оценки своих реалий. По мере приближения летописных сообщений к авторскому времени увеличивается количество комментариев-ссылок на Божественное волеизъявление. Единичные замечания переходят в развёрнутые рассуждения в духе христианского провиденциализма, открытое проявление чувств. С этой точки зрения характеризуется центральное событие ПВЛ — крещение, междоусобные конфликты, договорные обязательства, печерские события, нашествия иноплеменников, победы русских князей. В Поучении о казнях Божьих авторская позиция облекается в форму прямого морализирования, и текст может быть рассмотрен как прямое выражение личной (при учёте коллективистского «мы») позиции летописца. Маркирующими признаками текстов выступают цитации, вводимые местоимениями и глаголами в форме 1-го лица, субъективно-эмоциональные высказывания «от себя» и оценки (**грѣхъ ради нашихъ**).

Киевоцентристская позиция, соответствующая в авторском представлении общерусской, обусловила повышенное внимание к великим киевским князьям. Исследование способов изображения летописных князей подтверждает доводы учёных о наличии двух ведущих способов: «эпического» и «религиозно-дидактического». Первый способ, в основном, используется в изображении князей довладимирова периода и характеризуется нейтральным освещением фактов и событий, авторским взглядом, приемлющим мир, косвенным характером оценок. В изображении же князей послевладимирова периода

появляются императивные интонации, речь становится пристрастной и взволнованной, авторское отношение и оценки прямыми.

Наряду с характерными способами комментирования должно констатировать приёмы, не укладывающиеся в рамки «традиционалистского типа художественного сознания» (выражение Е. Л. Конявской). К их числу отнесём изображение «психологического состояния» персонажей, «внутренних переживаний», переключение внимания с внешних, подвижных проявлений героя на внутреннюю, скрытую сторону его поведения, т.е. перемещение авторского внимания с «поступка» как конечного результата на «процесс», на «путь к поступку» (выражение А. А. Шайкина).

Проведенные в работе наблюдения побуждают нас внести коррективы в выводы И. П. Ерёмина и Д. С. Лихачёва об «однолинейности» в изображении летописного человека, «немотивированных перевоплощениях», «раздвоении героя». Авторское отношение к персонам не замыкается рамками погодной статьи, а выстраивается в соответствии с существовавшими морально-этическими нормами при учёте реальных качеств исторических деятелей.

Сложная гамма авторских отношений присутствует в оценке князей. Ещё более эмоциональны по силе выражения комментарии-оценки лиц из княжеского окружения, уличённых в измене, совершивших тяжкие злодеяния. Враждебное отношение к волхвам обусловлено идеологическими соображениями, отсюда стремление связать их деяния с бесовским наущением, а их веру и богов объявить негативной частью христианских представлений. Индивидуализированные портреты церковных иерархов плохо согласуются с преобладающим в науке мнением о повторяемости и стереотипности портретов людей и их качеств в древнерусской литературе. Объективность, учёт реальных свойств исторических личностей отразились даже в комментировании врагов. И здесь уместно сказать об известной амбивалентности древних авторов в оценках изображаемого.

Таким образом, изображение летописного человека имеет многоуровневый характер, нередко отличается немалой сложностью, черты личности могут иметь смешанный характер. Цельность изображения достигается устойчивыми идеологическими, нравственными и эстетическими критериями, выражающими авторскую позицию.

Наиболее употребительными в аксиологических текстах являются непрямые формы авторского комментирования и оценок: описание ситуации и поведение в ней персоны, описание заслуг, поступков; диалоги, монологи, реплики персонажей; тайные помыслы и реакции; детали события; отождествления отечественных

героев с библейскими персонажами; цитаты из Священных книг; указания на связь с «первыми» князьями, с высшими силами, народом, Печерским монастырём, Феодосием и др. Авторский голос бывает слышен даже в нейтральных, на первый взгляд, сообщениях, и здесь его особый тембр позволяют различить выстраиваемые им же внутритекстовые связи.

Важным средством характеристики героев являются некрологические статьи, в которых основными критериями оценки выступают: «ратные подвиги», «христианские добродетели», «книжная образованность» (определения А. А. Пауткина). По наличию или отсутствию некрологов, по их характеру и тону можно судить об отношении летописца к тому или иному князю[700]. Маркирующие признаки: объём статьи, степень распространённости, портрет, обстоятельства смерти, реакция людей на неё, контекстуальное окружение. Отсутствие традиционного плача, похвалы, т.е. так называемые умолчания в сообщениях о смерти киевских князей могут быть рассмотрены как форма негативного авторского отношения. При отсутствии маркированного автора достаточно ярко представлена авторская позиция, которую можно определить как «*минус-позиция*».

Прямые формы авторского комментирования в виде инвектив звучат в адрес нескольких категорий персонажей: князей-узурпаторов; князей, пренебрегающих интересами отчины; не желающих креститься; прелюбодеев и некоторых других. Объёмные лирические отступления посвящены князьям-праведникам, князьям-просветителям, готовым пожертвовать личными интересами во благо государственных, следовать заветам отцов и дедов, способствовать консолидации усилий в борьбе с внешними врагами и внутренними распрями. Прямые оценки в форме морализирования, эмоциональных реплик, оценочных эпитетов, полемических замечаний высказываются в адрес братоубийц, предателей, нарушителей договорных обязательств, разрушителей христианских святынь, «злых советников», волхвов.

Не только события и персоны нуждались в авторских комментариях, но и всякого рода явления. С позиции христианской морали осмысляются проблемы власти, нашествий иноплеменников, правомерности выбора христианства, знаковости природных явлений, человеческой природы, книжной мудрости, редко — брака и семьи. Причём это не отдельные размышления на тему, а целостные художественные построения, составляющие единый сюжет с предшествующими сообщениями. Авторские отступления и комментарии разнообразны по

форме и эмоциональной окраске. Развёрнутые комментарии-размышления обрамляют летописные сообщения о нашествии иноплеменников, которые осмысляются как наказание Господне за грехи. Знаковый характер обретают природные явления, которые обнаруживают символическую связь с последующими событиями. Доминирующей оказывается тот взгляд, что знамения предвещают «недобрые» последствия **не добро бысть**, но иногда **знаменья бо бывають ова назло, ова ли на добро**. При этом, «добрые» последствия необходимо заслужить, отмолить у Бога.

В форме авторских отступлений-размышлений представлены летописные сообщения о юном и мудром князе, о злых людях, добрых и злых жёнах. Широкими полномочиями наделяет летописец князей. Являясь ставленниками Бога, они способны завоевать у Всевышнего прощение и избавить страну от всяческих страданий. Между тем, рядовому человеку предоставлено лишь право выбора между добром и злом. Люди, злые по самой своей природе, ограничены и в этом, вседозволенность и отсутствие страха перед Богом, крестом и людьми делает их опаснее бесов. Злыми чертами наделяется зачатый вне брака плод. В форме прямого морализирования выражено авторское отношение к женскому прельщению и греху прелюбодеяния.

Взгляд автора-христианина, стремящегося показать явные превосходства своей веры, проявился в рассуждениях о разных «законах» (религиях). В описании впечатлений русских послов от службы в Софии летописец воспользовался приёмом «остранения», его авторскую позицию можно обозначить как «*общую позицию-оценку*». Идеологическое задание обслуживает внесённая в «Повесть временных лет» «Корсунская легенда».

В целом, аксиологические тексты выступают в функции комментариев к событиям, явлениям, поступкам персон; отражают религиозные, политические, идеологические предпочтения древнерусского автора, служат проводником его мыслей, настроений, чувств. Между тем, говоря словами М. И. Сухомлинова, «чувства его небезотчётны, они основываются на верном взгляде на вещи»[701]. При этом личные впечатления древнерусского автора соответствовали «коллективному опыту общества»[702].

Действительно, в аксиологических текстах преобладает коллективная точка зрения — «мы-позиция», но она включает в себя и «личную позицию», которая проявляется в отборе сведений о Кие, Рюрике, о месте крещения Владимира, в амбивалентном отношении к Ольге и древлянам, к убийству Игоря, к Боняку, в изображении внут-

реннего состояния Святополка и во многих других случаях, рассмотренных нами в соответствующих главах диссертации.

К числу внешних (словесных) авторских проявлений нами были отнесены авторские ремарки, цитации, пояснения, которые выполняют в тексте пространственно-временную, информативную, соединительную функции, служат для актуализации знаковых событий и явлений, решают задачи художественного плана. Летописная система оговорок не согласуется с утверждениями И. П. Ерёмина и Д. С. Лихачёва о «фрагментарном», «допрагматическом» мышлении летописца, а, напротив, позволяет говорить о целостном авторском восприятии текста, умении обозревать совокупность событий и последовательно их выстраивать, сочетать документальность с личными наблюдениями.

Как показывает наше исследование, в «Повести временных лет» наряду с характерной для летописного жанра формой выражения авторского сознания, определяемого в современном литературоведении как объективный повествователь[703], достаточно активно присутствуют иные формы авторского самовыражения. Проанализированный материал продемонстрировал, что довольно часто автор-летописец относится к описываемым событиям, персонам, явлениям не бесстрастно, а заинтересованно, эмоционально, ему свойственна субъективность восприятия настоящего. Наиболее явственно авторский голос звучит в эпизодах, где автор — составитель летописи — оказывается участником описываемых событий, выступая в тексте как субъект и объект речи одновременно. Такое выражение авторского сознания можно обозначить как форму «автор-рассказчик»[704]. Характерной для «очевидческих» текстов является употребление местоимений 1-го лица ед. числа, подчёркивающих не только документальность и подлинность летописного изложения, но и авторскую субъективность, индивидуальность, независимость. В нашем исследовании мы называем такую позицию «*аз-позицией*» («личностной» позицией).

Ещё одним способом выражения усиленного авторского начала в «Повести временных лет» являются различные виды отступлений-комментариев, в том числе пространные рассуждения в духе христианского провиденциализма, полемические замечания, комментарии-размышления, как правило, морально-дидактического содержания. Своеобразными способами авторского самовыражения и организации структуры летописи в единое целое служат короткие замечания, близкие по форме к ремарке в драматическом произведении. В «аксиологических» текстах автор выступает в роли субъекта речи и

субъекта сознания. В данном случае речь идёт о такой форме выражения авторского сознания как автор-комментатор (оценщик) изображаемого. Его личностная точка зрения сливается с коллективной, образует с ней неразрывное единство, закреплённое в тексте использованием местоимения «мы». Отсюда определение «*мы-позиция*» в отношении «аксиологических» текстов.

Таким образом, в «Повести временных лет» доминируют три основные формы выражения авторского сознания: автор-повествователь, автор-очевидец (участник) описываемых событий, автор-комментатор. Авторская позиция представлена в следующих разновидностях: «*аз-позиция*» («личностная» позиция), «*мы-позиция*» (коллективная позиция), имеет место также «*общая позиция-оценка*» (автор=герой), позиция «*внутри события*», «*минус-позиция*».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Кожевникова Н. А.* Типы повествования в русской литературе XIX — XX вв. — М., 1994; *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994; *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М., 1989; *Шмид В.* Нарратология. — М., 2003; *Орлова Е. И.* Образ автора в литературном произведении: Учебное пособие. — М., 2008.

[2] *Аверинцев С. С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994. — С. 105—125. Сходные мысли высказывает А. М. Ранчин: В древнерусской литературе «ценилось прежде всего не авторство, а авторитет пишущего». — *Ранчин А. М.* Своеобразие древнерусской литературы. — Апрель, 2010 // http://www.portal-slovo.ru/philology/42393.php.

[3] *Конявская Е. Л.* Автор в литературе Древней Руси (XI — XV в.). — М., 2000. — С. 3.

[4] Кроме работ, указанных выше, см.: *Виноградов В. В.* Проблема образа автора в художественной литературе // *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. — М., 1971; *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986; *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975; Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // *Корман Б. О.* Избранные труды по теории и истории литературы. — Ижевск, 1992; *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. — СПб., 2000; *Хализев В. Е.* Теория литературы. — М., 1999 и др.

[5] Постановка этой проблемы и её решение находятся в поле зрения исследований А. А. Шайкина. См.: *Шайкин А. А.* «Се повести времяньных лет…» От Кия до Мономаха. — М., 1989; Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI — XVI веков. — М., 2005; «Повесть временных лет»: История и поэтика. — М., 2010. Структурное единство ПВЛ в последнее время подчёркивается *А. А. Гиппиусом, В. Я. Петрухиным, А. Тимберлейком, А. М. Ранчиным*.

[6] *Конявская Е. Л.* «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. — М., 2005. — С. 250.

[7] *Орлова Е. И.* Образ автора в литературном произведении. — С. 4.

[8] Современное издание: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн.1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 2002; Т. I. Кн.2: Раннее русское летописание XI — XII вв. — СПб., 2003.

[9] *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб., 1902.

[10] *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские Жития. — М., 1915.

[11] *Воронин Н. Н.* Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ. Т. 13. — М.-Л., 1957.

[12] *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI — XV вв. — М.-Л., 1940.

[13] *Лихачёв Д. С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет.ч.2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л., 1950 и ряд других работ.

[14] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи. — М., 1963.

[15] См.: *Кусков В. В.* История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. 5-е изд., испр. и доп. — М., 1989.

[16] *Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объёме литературной деятельности преподобного Нестора // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Т. 19 Кн.1. — СПб., 1914.

[17] *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания // Известия ОРЯС. Т. 26. — Л., 1921; Т. 27 — Л., 1922.

[18] *Черепнин Л. В.* Повесть временных лет, её редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. — М., 1948.

[19] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и её источник. — М., 1957.

[20] *Насонов А. Н.* История русского летописания X — начала XVII в. Очерки и исследования. — М., 1969.

[21] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977.

[22] *Мюллер Л.* О принципах реконструкции и перевода Несторовой летописи // Средневековая Русь Вып. 4 / Отв. ред. А. А. Горский. — М., 2004. — С. 50—65.

[23] *Поппэ А. В.* К чтению одного места в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. 27. — Л., 1969.

[24] *Милов Л. В.* Кто был автором «Повести временных лет»? // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. — М., 1994.

[25] *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореви: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics, 2001.

[26] *Михеев С. М.* К истории рукописи Печерской летописи в XII в. // Древняя Русь. — №3. — М., 2009. — С. 76—78.

[27] *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. — М., 2003. — С. 8.

[28] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения Древней Руси. — М., 1971. — С. 103.

[29] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // СОРЯС. Т. 85, №1. — СПб., 1908.

[30] *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI — XII столетие. — Киев, 1878.

[31] *Ерёмин И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). — М.; Л., 1960.

[32] *Творогов О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI — XIII вв. // Истоки русской беллетристики. — Л., 1970 — С. 34—44.

[33] *Ерёмин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // Ерёмин И. П. Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). — М.-Л., 1960. — С. 98—131.

[34] См.: *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»: История и поэтика. — М., 2010.

[35] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»: История и поэтика. — С. 8.

[36] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…» От Кия до Мономаха. — С. 213.

[37] Из рукописного архива *А. А. Шайкина*.

[38] *Лихачёв Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.-Л., 1947; «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). — М.-Л., 1950. — С. 5—148.

[39] *Ерёмин И. П.* Повесть временных лет. Проблемы её историко-литературного изучения. — Л., 1946.

[40] *Лихачёв Д. С.* Поэтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI — XVII века. — М., 1996. — С. 60—61.

[41] *Лихачёв Д. С.* «Повесть временных лет». — С. 48.

[42] *Ерёмин И. П.* Повесть временных лет. Проблемы её историко-литературного изучения. — С. 9.

[43] Критический пересмотр их концепций предпринял А. А. Шайкин. — *Шайкин А. А.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI — XVI веков. — С. 25—66.

[44] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). — М., 2000. — С. 5.

[45] *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. — №2. — М., 2000.— С. 65—76.

[46] *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора ПВЛ // Из истории русской культуры. Т. I. — М., 2000. — С. 441—447.

[47] *Живов. В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М., 2002. — С. 170—186.

[48] *Харпалёва В. Ф.* Специфика авторского самовыражения в «Повести временных лет» (К вопросу об образе автора в древнерусской литературе) // Филологические науки. — №4. — М., 1992. — С. 104—108.

[49] *Харпалёва В. Ф.* Специфика авторского самовыражения в «Повести временных лет». — С. 107, 104.

[50] *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры Т. I (Древняя Русь). — М., 2000.

[51] *Пиккио Р.* Смысловые уровни в древнерусской литературе // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. — М., 2003.

[52] *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004.

[53] *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет». — С. 266—272.

[54] *Дёмин А. С.* «Подразумевательное» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика Древнерусской литературы. Сб. 12. — М., 2005; Поэтика рассказа о ва-

вилонском столпе в «Повести временных лет» и умонастроение летописца // Вестник славянских культур. №3 (XIII). — М.: ГАСК, 2009. — С. 64—76.

[55] *Срезневский И. И.* Чтения о древний русских летописях // ИОРЯС за 1903 г. Т. VIII, Кн. 1. — СПб., 1903. — С. 153.

[56] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. — СПб., 2003.

[57] М. Н. Виролайнен, исследуя проблему соотношения литературы и истории, назвала основную массу средневековой словесности историческим постбиблейским преданием, которое «является не чем иным, как самоописанием, самоинтерпретацией, собиранием в слове основных жизненных смыслов. И за редкими исключениями это собирание смыслов осуществляется как раз не из метапозиции профессионального историка, а исходя из включенной в описание субъективности настоящего». «Метапозиция» в данном контексте означает, видимо, позицию вненаходимости. Применительно к ПВЛ можно говорить о позиции включённости, которую занимал летописец, воспроизводя жизненный материал. — См.: *Виролайнен М. Н.* Филология в информационном обществе // Русская литература. — №1. — СПб., 2008. — С. 78.

[58] Основания и принципы этой классификации выявятся далее в конкретных наблюдениях.

[59] *Повесть* временных лет. ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачёва и Б. А. Романова / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л., 1950. — С. 108. Далее страницы в тексте в скобках.

[60] «...**приꙗтъ же быхъ въ нь прпдбныимь игоуменъмь стефанъмь. и ꙗко же ѿ того остриженъ бывъ. и мьнишьскыꙗ одежа съподобленъ**». При нем же Нестор стал диаконом. К Стефану Нестор преисполнен величайшего почтения. — *Житие* Феодосия Печерского // Успенский сборник XII — XIII вв. / Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон / под ред. С. И. Коткова. — М., 1971. Л. 67б. — С. 134—135.

[61] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 19, 20.

[62] Там же. — С. 22.

[63] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. — СПб., 2003. — С. 50, 51.

[64] См.: *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника. — С. 22, 23.

[65] *Толочко А.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. Київ. Т. VII. — 2008. — С. 155.

[66] *Чернин С. Б.* Повествовательная структура Слова о черноризце Исакии в составе ПВЛ // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. — С. 82—95 // http://medievalrus.narod.ru/chernin.htm.

[67] *Чернин С. Б.* Там же // http://medievalrus.narod.ru/chernin.htm.

[68] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника. — С. 48—49.

[69] Следует заметить, что позиция Е. Л. Конявской не совпадает с позицией А. А. Шахматова, который считал, что отличия между Житием Феодосия и сведениями о нём в ПВЛ объясняются тем, что ПВЛ Нестор писал через 20 лет после Жития. — *Конявская Е. Л.* Там же. — С. 47.

[70] *Чернин С. Б.* Там же // http://medievalrus.narod ru/chernin.htm.

[71] *Чернин С. Б.* Там же // http://medievalrus.narod.ru/chernin.htm.

[72] В комментариях к ПВЛ Д. С. Лихачёв пишет: «В ведении рассказа от первого лица можно видеть характерную манеру Нестора». *Повесть* временных лет. Ч. 2.

Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л., 1950. — С. 416. Вопреки этому распространённому мнению, В. Н. Русинов считает, что «…ведение рассказа от первого лица…вовсе не является какой-то специфической чертой стиля Нестора, а свойственно большинству (до 85%) агиографических текстов, бытовавших в обращении в то время». *Русинов В. Н.* Особенности организации текста в сочинениях Нестора Киевопечерского (в связи с проблемой Нестора — летописца) // Языковая культура Древней Руси / Межвузовский сб. — Нижний Новгород, 1991. — С. 65.

[73] А. А. Шайкин достаточно подробно анализирует статью 1091 года с позиции автора-участника и отмечает: «Преодоление летописного лаконизма, подчёркнутое внимание к деталям можно объяснять тем, что перед нами рассказ очевидца-участника события, но всё же главное, конечно, в том, что это — рассказ «о чудесах святого», а для братии Феодосий уже и в это время — святой. Чудо надлежит описать как можно достовернее и точнее, а это несколько бытовизирует событие». — *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»: История и поэтика. — М., 2010. — С. 270.

[74] Здесь подходит методика поиска автора, предложенная А. С. Дёминым. — См.: *Дёмин А. С.* Поэтика рассказа о вавилонском столпе в «Повести временных лет» и умонастроение летописца // Вестник славянских культур. №3 (XIII). — М.: ГАСК, 2009. — С. 64—76.

[75] *Срезневский И. И.* Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. В 3-х тт. Т. 3. — СПб., 1912. — С. 1161—1163.

[76] Аналогичные примеры: **И Богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ** (184), **Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити** (186), **Глѣбови же, узрившю, оужасеся сердцемь, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы** (201).

[77] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 270.

[78] **На другый же день собрашася епископи: Єфрѣмъ Переяславьскый, Стефань Володимерьскый, Иоан Черниговьскый, Маринъ Гурьгевьский, игумени от всѣхъ манастыревъ с черноризци; придоша и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Феодосьевы с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесше положиша ’и в церкви своей ему, в притворѣ на десной странѣ, месяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта... И праздноваша свѣтло въ тъ день** (139).

[79] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника… — С. 44—45.

[80] *Гимон Т. В., Гиппиус А. А.* Русское летописание в свете типологических параллелей // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. — М., 2005. — С. 182—183.

[81] Именно таким представляет процесс составления статьи 6599/1091 Ю. А. Артамонов. При этом автору-участнику исследователь отводит роль составителя ПВЛ. — *Артамонов Ю. А.* К вопросу о времени и истории написания летописного рассказа статьи 6599 (1091) г. о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского // Древняя Русь — №3. — М., 2008. — С. 11—12.

[82] Исследователь конца XIX века атрибутировал автору статьи 1096 года создание ПВЛ. — *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI — XII столетие. — Киев, 1878. — С. 29—30.

[83] **Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху в кельи; посемь въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородице, и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроении, и вторыя же к сѣверу, и влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашь** (151—152).

[84] Именно так понимает структуру статьи 1096 года А. А. Пауткин: «Здесь словно переплетаются наблюдения ратника, хорошо осведомленного относительно военных событий, и монаха, испуганного и удрученного бесчинствами половцев. Налицо как бы два автора: первый создает подробное бесстрастно-эпическое описание переговоров, движение войск, сражений; второй — вносит в рассказ эмоциональное начало». — *Пауткин А. А.* Батальные описания Ипатьевской летописи (проблемы жанра и стиля) // Дисс.... канд. филологических наук. — М., 1982. — С. 35—36.

[85] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 170—171.

[86] А. Л. Никитин усматривает в Василии единого автора всех эпизодах от первого лица, которые другие исследователи приписывают Нестору или Сильвестру. — *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. — М., 2003. — С. 163.

[87] **Се слышю, оже мя хочетъ дати ляхом Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азъ бо ляхом много зла творихъ, и хотѣлъ есмь створити и мстити Руськѣй земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье** (176).

[88] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет.ч. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. — Пг., 1916. — С. XXII. О поповстве Василия говорила и В. П. Адрианова-Перетц: «Это — поп Василий, близкий к князю и Выдубецкому монастырю, о котором упоминает как о резиденции Василька в ту пору, когда замышлялось над ним насилие. Явная симпатия к Мономаху и причастность попа Василия к Выдубецкому монастырю, где игуменствовал Сильвестр, говорят за то, что его сказание было включено в Повесть временных лет не Нестором, а Сильвестром». — *История* русской литературы. Т. I. Литература XI — начала XIII века. — М.-Л., 1941. — С. 287.

[89] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. — М. 1974. — С. 49.

[90] Некоторые учёные придерживаются мнения, что история ослепления написана со слов Василька Ростиславича. — См.: *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI — XII столетия. — Киев, 1878. — С. 39.

[91] Такой же точки зрения придерживается А. А. Шайкин: «…там нет прямого употребления первого лица потому, что он (Василий — ОИ) не был вовлечён в действие, это позволило ему сохранить позицию внешнего, «стороннего» (в смысле авторской точки зрения) наблюдателя». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…» От Кия до Мономаха. — С. 184.

[92] По мысли исследователя, автор «чужд агиографической риторики, он не помещает в свой рассказ молитвы и плача Василька (что косвенно свидетельствует о его непричастности к духовенству)…». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 180.

[93] **И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща ’и поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи** (173).

[94] **И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша ’и рамяно, яко персем троскотати** (173).

[95] Существуют и иные версии. Так, И. П. Хрущов считает, что Василий не мог быть очевидцем ослепления и последующих событий, о случившемся ему рассказал Василько. В качестве подтверждения своей мысли исследователь приводит следующий аргумент: «После первой мучительной боли Василько лишился чувств и очнулся только в другом городе — Здвижени. И мы ничего не знаем, что происходило в этот

промежуток времени. С тех пор, как очнулся князь, мы опять знаем все то, что он чувствовал, слышал, говорил…». *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях… — С. 39.

[96] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 216.

[97] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. Посвящается памяти А.Н. Пыпина. — СПб., 1904 / Отд. оттиск из ИОРЯС. Т.9. кн.4. — С. 25, 28. Та же точка зрения проведена в работе: *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира /Оттиск из сборника статей в честь В.И. Ламанского. — СПб., 1906. — С. 104.

[98] *Шахматов А. А.* Нестор-летописец // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 117—118 за 1913 г. — Львов, 1914. — С. 38—40.

[99] *Перевощиков В.* О русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории Российской словесности. — СПб., 1836.

[100] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. — С. 49.

[101] *Цыб С. В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»: Монография. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1995. — С. 41.

[102] *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях…. — С. 35.

[103] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 79.

[104] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 164, 165.

[105] *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания. — С. 167.

[106] Д. С. Лихачёв отмечал: «Судя по известию 1114 г., он ездил вместе со старшим сыном Владимира Мономаха — Мстиславом — в Ладогу на закладку каменной стены. Следовательно, это летописец, близкий Мстиславу, а, возможно, как предполагал М. Д. Присёлков, и сам Мстислав». — *Повесть* временных лет (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — СПб., 1996. — С. 346.

[107] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет… — С. 12.

[108] Л. Мюллер: «…мы не знаем, когда и как долго находился летописец на севере Руси, мы точно не знаем когда и даже не знаем, где он беседовал с Гюрятой Роговичем, и потому летописные рассказы под 1096 г. и 1114 г., изложенные от первого лица, мало что дают нам для датировки работы летописца и вовсе не могут служить доказательством существования редакции ПВЛ 1118 г.». — *Мюллер Л.* О принципах реконструкции и перевода Несторовой летописи. Средневековая Русь. Выпуск 4 / Отв. ред. А. А. Горский. — М., 2004. — С. 171.

[109] Используем терминологию В. Шмида. — см.: *Шмид В.* Нарратология. — М., 2003.

[110] **Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, иде же лежить тѣло его, положено мѣсяца иуня въ 24** (186).

[111] Д. С. Лихачёв: «Служебные неудачи Вышаты и его сына Яна Вышатича, их воззрения на политические события своего времени превосходно объясняют характер сообщенных ими сведений о своих предках. С упорством обиженных подчеркивают Вышата и Ян Вышатич свое родство роду киевских князей. Выяснение этого родства через Малушу составляет один из существенных моментов летописных известий о Добрыне». — *Лихачев Д. С.* «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. — Л., 1986. — С. 131—132.

[112] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. — СПб., 2003. — С. 46.

[113] Так, когда после смерти Всеволода возникла половецкая угроза, отягощённая внутренними распрями между Владимиром и Святополком (1093 г.), словами Яна автор обращается к князьям: «**Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью**» (143).

[114] *Лихачёв Д. С.* «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — С. 134.

[115] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 159.

[116] *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания. — С. 164.

[117] **Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ лъзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою** (47).

[118] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы… — С. 19.

[119] Там же. — С. 20.

[120] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 354.

[121] *Шайкин А. А.* Функции времени в «Повести временных лет» // Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI — XVI веков: Учебное пособие. — М., 2005. — С. 143.

[122] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 351. В аспекте изучения темпоральных проявлений летописного текста исследователь анализирует рассказ о смерти Олега 912 г.; о мщениях Ольги 945 г., эпизод испытания Святослава дарами 971 г.; рассказ о первом братоубийственном междоусобье 977 г.; о крещении и браке Владимира Святославича в Корсуни 988 г.; посещении Владимиром церкви Пресвятой Богородицы в 996 г.; о Любечской битве Ярослава со Святополком 1016 г. Из летописных известий более позднего происхождения, в которых используется приём «изобразительного настоящего», анализируются рассказы об избиении половецких послов во главе с Итларем 1095 г. и об ослеплении Василька Теребовльского1097 г. — см.: Там же. — С. 351—356.

[123] **Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, и постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ новгородци; и сташа пред градомь** (101).

[124] **И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иваньъ Творимиричь, воевода Ярославль. Прочии же вои Володимери выверження быша на брегъ, числомь 6000, и хотящемъ поити в Русь, и не идяше с ними никто же от дружины княжее** (103—104).

[125] Подробнее о способах изображения параллельных временных рядов в ПВЛ см.: *Шайкин А. А.* Функции времени в «Повести временных лет»... — С. 129—143.

[126] «События эти уже настолько близки летописцу, что он различает детали, вовсе не существенные для хода и понимания событий, но оживляющие их… Летописец «видит», в каком порядке шли князья: впереди Изяслав, за ним Всеслав, а сзади, как бы конвоируя, остальные князья. Деталь эта ещё ничего не дополняет ни в характеристике участников драмы, ни в общем смысле событий, но она вдруг делает эти события «представляемыми», переводит их из информационного ряда в изобразительный». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 118.

[127] …**людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша ’и средѣ двора къняжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы** (114—115).

[128] **И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче** (115).

[129] **И пришед Мьстиславъ, исѣче кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ** (116).

[130] **Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ гроблю мостъ ко вратомъ градныимъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци** (53).

[131] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 355.

[132] **И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста ’и два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ** (55).

[133] **Ночью же межю двема клѣтми проимавше помость, обертѣвше в коверъ ’и, ужи съвѣсиша на землю; възложьше ’и на сани, везъше поставиша ’и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ** (89).

[134] **Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою Богу, в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша ’и Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. …и принесшее положиша ’и, в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ** (108—109).

[135] **Изяслава же вземше, положиша ’и в манастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша ’и Новугороду, и положиша ’и у святыѣ Софьѣ, на лѣвѣй сторонѣ** (168).

[136] **Яко быша въ дверех, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: “Господи помилуй”, и повезоша ’и. И положиша ’я, месяца мая 2 день.** (121).

[137] **И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболокошася у святительскыя ризы и свѣща въжгегъ с кадѣлы благовоньными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ’и на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, черньцемъ упрѣдъ идущими съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, та же игумени, та же епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ** (199).

[138] Аналогичные наблюдения над «авторской позицией» на примере Галицкой летописи позволяют А. А. Пауткину сделать выводы, которые могут быть применены и к ПВЛ: Реальная физическая позиция автора, его личные наблюдения, «а не книжные познания образованного и чуткого к красоте хрониста придают рассказу… особую достоверность и наглядность». — *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего летописания. — М., 2002. — С. 56.

[139] **В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний** (110)

[140] Ещё М. И. Сухомлинов отмечал: «Не только в событиях исторических, в действиях людей, но и в явлениях внешней природы летописец не допускает случайности. По его понятию, различные явления на земле и на небе происходят не сами по себе, не лишены всякой связи с судьбою человека: напротив, их таинственный смысл может быть разгадан только наблюдением дел человеческих». — *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // СОРЯС. Т. 85, №1. — СПб., 1908.— С. 168.

[141] Исследователь отмечал: «Опасность ошибки заставляла летописцев руководствоваться определенными принципами отбора фиксируемых знамений. Критерием истинности знамения они считали его подчеркнутую явственность (это не сон и не видение), открытость для наблюдения большому количеству людей. На то, что знамение было воспринято многими людьми, составители летописей обращают внимание

часто и подчас нарочито». — *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI — XIII вв. // Русское средневековье. 1998 год. Вып. 1. — М., 1998. — С. 35.

[142] **Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ** (187).

[143] **В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от въстока и юга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы от луны полны свѣтящься. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дугы, и быша другыя дугы хребты к собѣ** (182—183).

[144] **В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга кресть, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемь кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образом, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в нощь в лунѣ по 3 нощи** (185).

[145] **Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ** (141).

[146] **В се же лѣто придоша прузи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днехъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша** (148).

[147] В понимании «события» мы исходим из следующего определения: «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни». — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — М., 2006. — С. 727; Между тем Е. Г. Водолазкин сомневается в «событии» как структурной единице повествования. — См.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI — XV веков) // Автореферат… д. ф. н. — СПб., 2000.

[148] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. — С. 135.

[149] *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего летописания. — М., 2002. — С. 213.

[150] *Кусков В. В.* История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. — М., 1989. — С. 51.

[151] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. — С. 101.

[152] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…» — С. 9—10.

[153] *Ерёмин И. П.* Повесть временных лет. Проблемы её историко-литературного изучения. — Л., 1946 (на обложке: 1947). — С. 19—20.

[154] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 10.

[155] Между тем, Д. С. Лихачёв писал: «Нестор не следует литературной манере своих источников, или, если и следует, то лишь в некоторых случаях. Он использует византийские произведения не как литературные образцы, а как исторические источники». — *Лихачёв. Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.-Л., 1947. — С. 165—167; А. А. Гиппиус указывал на самобытность древнерусского летописания. — см.: *Гиппиус А. А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. — М., 2003. — С. 36; Р. Пиккио подчёркивал, что в отличие от византийской литературы, где единый сверхобразец отсутствует, для древнерусской литературы текст Священного писания выступает как абсолютный образец,

обладающий полнотой смысла. — *Пиккио Р.* Смысловые уровни в древнерусской литературе // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. — М., 2003. — С. 448—449; О фундаментальных отличиях культур Древней Руси и Византии см.: *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М., 2002. — С. 73—115.

[156] К проблеме влияния византийских хроник и Священного писания на «Повесть временных лет» обращались как исследователи XIX века (В. Перевощиков, М. И. Сухомлинов), так и современные учёные (И. П. Ерёмин, О. В. Творогов, А. Г. Кузьмин, Е. Г. Водолазкин). Наиболее полной работой остаётся незавершенный труд: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и её источники // ТОДРЛ. Т. 4. — М.-Л., 1940.

[157] Начиная историю с дележа земли сыновьями Ноя, «летописцы справедливо рассудили, что славяне должны быть потомками Иафета. Так была найдена исходная точка в необозримых просторах всемирной истории. Допотопные же времена оставлены за пределами рассказа — там летописцы не нашли ничего, откуда можно было бы начать историю славян. …Обращением к Библии достигалось включение славян в общемировую семью народов, утверждался их равноправный с другими народами статус». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 12—13.

[158] См.: *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. — СПб., 1995. — С. 166.

[159] **Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривь на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица** (12—13).

[160] На наш взгляд, спорным является утверждение о том, что «…основная цель написания летописей — создание своеобразного документа, который будет фигурировать на Страшном суде в качестве важного доказательства оправдания — и спасения — либо осуждения конкретной человеческой души». *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004. — С. 272. Если бы это было так, то приоритетной задачей для летописца была бы история князей и княжений, а не государственный интерес и история Русской земли, а ПВЛ как раз отражает противоположные тенденции. Полемику со взглядами И. Н. Данилевского см.: *Шайкин А. А*. Заглавия и вводные тексты двух старших русских летописей: идеология и повествование (в печати в ТОДРЛ).

[161] *Дёмин А. С.* Поэтика рассказа о вавилонском столпе в «Повести временных лет» и умонастроение летописца // Вестник славянских культур. №3 (XIII). — М.: ГАСК, 2009. — С. 70. Итоговый вывод учёного гласит: «Скрытость ассоциаций и экспрессивных оттенков была вызвана прежде всего… «напоминательной» повествовательной манерой летописца, особенно в первой половине летописи. Причины преобладания такого литературного явления, как «напоминательность», пока не ясны. Возможно, и тут присутствовала политика: летописец ориентировался преимущественно на традиции внешне простого, безыскусного, не книжного, а устного рассказа своего времени, много чего подразумевающего, но не разъясняющего, то есть писал лишь для узкого круга политически опытных (и что-то знающих из истории) читателей и слушателей, — для княжеской и церковной «верхушки». — Там же. — С. 74.

[162] **По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ** (11).

[163] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 13.

[164] **Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское**…(11).

[165] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. Т. 1. — М., 1987 — С. 109—110.

[166] *Горский В. С.* Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в. — Киев, 1988. — С. 140—141.

[167] См. *Словарь* древнерусского языка (XI — XIV вв.): В 10 т. — М., 2004. — Т. 7. — С. 449—450.

[168] **Полем же жившемь особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ** (12).

[169] **Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отець обычай имуть кротокъ и тихъ** (15).

[170] См.: *Шайкин А. А.* Поэтика начал и концовок в тексте «Повести временных лет» // Шайкин А. А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI — XVI веков. — М., 2005. — С. 158, 178—180.

[171] *Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. — Ч. 1-ая. — СПб., 1861. — С. 33. К мысли о существовании «старинной повести о полянах-руси» приходил и Л. В. Черепнин. — *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ 1948, №25. — С. 333.

[172] **Тако и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; яко же и бысть: володѣють бо козары руськии князи и до днешнего дне** (16—17).

[173] «Эта христианизация фольклора, имеющая вид провиденциализма, но провиденциализма, так сказать, задним числом, безусловно вносилась в устную историю летописцами. Изложив фольклорное сказание, летописцы давали в конце его религиозное объяснение событий, иногда прямо и определённо, так сказать, декларативно, иногда религиозное объяснение могло содержаться в композиционном расположении материала». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 24—25.

[174] «Апостол впервые видит баню и описывает её так, как Толстой описывает оперную сцену глазами Наташи, впервые посетившей театр. Таким образом, использование приёма «остранения» в русской литературе можно передатировать: собственно, отчёт следует начинать даже не со времени составления летописи — в неё этот сюжет пришёл из фольклора, временная глубина которого вообще с трудом поддаётся точному измерению». — *Шайкин А.* Эпические герои… // Поэтика и история. — С. 95—96.

[175] *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М., 2002. — С. 172.

[176] Там же. — С. 173—174.

[177] **Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривь на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. …бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне** (12—13).

[178] **Ини же, не свѣдуще**, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. **Аще бо бы перевозникъ Кий**, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари (13).

[179] См.: *Шайкин А. А.* Поэтика начал и концовок в тексте «Повести временных лет». — С. 179.

[180] *Душечкина Е. В.* Художественная функция чужой речи в Киевском летописании // Дисс. … уч. ст. канд. филол. наук. — Тарту, 1973.

[181] *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — М., 1970. — С. 323.

[182] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 27.

[183] *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца. — С. 176.

[184] **И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много ѹбийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имахѹ плѣнникы, овѣхъ посекахѹ, дрѹгаиа же мѹчахѹ, иныя же растреляхѹ, а дрѹгыя в море вметахѹ, и ина многа зла творяхѹ рѹсь грекомъ** (24).

[185] **И рече Олегъ: «Исшийте парѹсы паволочиты рѹси, а словеномъ кропиньныя», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показѹа победѹ, и поиде от Царяграда. И воспяша рѹсь парѹсы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра ’а вѣтръ; и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны сѹть словѣном прѣ паволочиты»** (25).

[186] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 34—35.

[187] Там же. — С. 30.

[188] Несостоятельность «теории фрагментарности», разработанной И. П. Ерёминым, убедительно доказывает А. А. Шайкин. — см.: *Шайкин А. А.* Поэтика и истории… — С. 25—65.

[189] Не отрицая этого, И. П. Ерёмин между тем отмечал: «Изложение он (летописец — ОИ) часто сопровождал комментариями и оценками событий и тем самым заявлял о своём отношении к излагаемому, о своём авторском «я». Но эти оценки и комментарии прямого отношения к самому способу изображения жизни не имели». — *Ерёмин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. — Л., 1987. — С. 61.

[190] М. И. Сухомлинов писал: «…при всем достоинстве западных летописцев у них нет такой последовательности в объяснении событий сомнительных, какою отличается наша древняя летопись». — *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. — С. 164—165.

[191] Например, Е. Л. Конявская отмечает: «Менталитет летописца во многом близок к менталитету историка Нового времени. По крайней мере, близки их субъективные установки. И тот, и другой стремятся выстроить известные им факты в единую ось истории, быть в этом максимально точным и объективным. Но вместе с тем, ими владеет стремление истолковать исторические события, интерпретировать известное, додумать неизвестное, установить закономерности исторического поступательного движения». — *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания в летописи (XI — XII вв.). — С. 75.

[192] Между тем, вслед за И. П. Ерёминым Д. С. Лихачёв говорит об «эпическом презрении» к событиям, которое якобы испытывает летописец, и пренебрежении им прагматическими связями и объяснениями. — *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. — М., 1979. — С. 257—261. Сходные мысли впоследствии высказывал В. И. Мильдон. На его взгляд, авторы летописей просто сообщали «о всяком событии как таковом, а не в зависимости от его роли в подготовке будущего или в подтверждении былых пророчеств. Летописец не придавал значения… логике, организованности, убедительности». Летописец даже «не пробует понять, что он пишет и переписывает». — *Мильдон В. И.* «Земля» и «небо» исторического сознания: Две души европейского человечества // Вопросы философии. — №5. — 1992. — С. 90—95. Мы

разделяем позицию А. А. Шайкина, который считает, что «летописец всегда (или почти всегда) даёт достаточное количество событий для того, чтобы читатель сам мог уловить их внутреннюю связь, их объективный смысл даже в тех случаях, где он не по соображениям литературного стиля или метода, а по вполне понятным опасениям человека, подвластного своим правителям, не мог дать своего авторского комментария к событиям». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 223—224.

[193] В лѣто 6523/1015. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; **но Богъ не вдасть дьяволу радости.** Володимеру бо разболѣвшюся (89).

[194] Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и сей бяшеть ему аки тернъ въ сердци, и тъщашеся потребити оканьный, и наусти люди (58).

[195] «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ. А Богъ есть единъ, ему же служать грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и дал есть ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ» (58).

[196] По мысли А. А. Шайкина, «Русь приобщалась к мировой религии, что, с одной стороны, теснее сближало её с иными странами христианского региона и увеличивало возможность культурных влияний, с другой стороны — способствовало консолидации племён и народностей, находящихся в сфере влияния Киева. Племенная Русь всё более перерастала в Русь государственную». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 71.

[197] Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху (81).

[198] Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, **но по Божью строю и по милости своей помилова Богъ**, яко же рече пророкъ: «Помилую, его же аще хощю». Помилова бо ны «Пакы банею бытья и обновленьем духа», **по изволенью Божью, а не по нашим дѣлом** (81—82).

[199] Благословенъ Господь Исус Христос, иже возлюби новыя люди, Русьскую землю, и просвѣти ’ю крещеньем святымь (82).

[200] См. аналогичный пример: **Мы же възопьемъ к Господу Богу нашему**, глаголюще: Благословень Господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ!.. Сѣть скрушися, и мы избавлени быхом от прельсти дьяволя (83).

[201] **Реку** же съ Давыдомь: «Придѣте, възрадуемъся Господеви, въскликнѣмъ Богу и Спасу нашему. Варимъ лице Его въ исповѣданьемъ» (82).

[202] Тѣм же долъжни есмы работати Господеви, радующеся ему. Рече бо Давыдъ: «Работайте Господеви съ страхом, и радуйтеся ему с трепетом» (83).

[203] В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь **по дьяволю наущенью и бѣсованью**, глаголюще, яко си держать гобино (99).

[204] В лѣто 6581/1073. **Въздвиже дьяволъ** котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава (121).

[205] Антоний же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, **Богу не хотящю**. И поча ходити по дебремъ и по горамъ, **ища, кдѣ бы ему Богъ показалъ** (105).

[206] И приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: «Отче! Умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити в печеру; **да бы Богъ повелѣлъ** и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры» (106).

[207] **И нача Богъ умножати черноризцѣ молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомь поставити манастырь** (106).

[208] В несторовом «Житие Феодосия» выборы нового игумены представлены иначе: Феодосий предложил монахам выбрать нового игумена, они избрали Стефана, и Феодосий благословил нового избранника. Конфликт, который имеет место в ПВЛ, в ЖФ отсутствует. — См.: **Библиотека литературы Древней Руси.** Т. 1. XI — XII вв. — СПб., 1997. — С. 428. Различное освещение одного и того же события в двух текстах даёт лишний повод усомниться в авторстве Нестора — летописца, по крайней мере для данного фрагмента ПВЛ.

[209] **В лѣто 6583/1075. Почата бысть церкы Печерьская надъ основаньемь Стефаномь игуменомь; изъ основанья во Феодосии почалъ, а на основании Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день** (131).

[210] Об этой теории и её генезисе см.: *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. — СПб., 2000. — С. 50—61.

[211] *Лаврентьевская* летопись // Полное собрание русских летописей. Том I. — М., 1997. — С. 469.

[212] *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. — С. 51.

[213] **Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, брато-ненавидѣнье, клеветы** (112).

[214] По мысли А. А. Шайкина, «летописец в рамках общей религиозной интерпретации земных событий проводит любопытную дифференциацию:…иноплеменников наводит бог, наказывая людей, но для их же блага, а внутренние войны, междоусобья разжигает дьявол, творя зло людям. Таким образом, поражение Ярославичей от иноплеменников-половцев надо понимать как прямое божественное вмешательство — наказание за нарушение обета крестоцелования». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 118—119.

[215] **Земли же согрешивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны Богъ велить жити** (112).

[216] **Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно каляющеся, и тако пребываемь** (112).

[217] «**Будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ». Взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемь моим; да того ради затворяется небо…** (113).

[218] **Си слышаще, въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемь, постомъ, и рыданьем, и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша** (113).

[219] **Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть?** (114).

[220] **Видим бо игрища утолочена, и людий много множьство на них, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви** (114).

[221] Б. А. Рыбаков, сравнивая статьи 1068 и 1093 гг., отмечает, что «в отличие от 1065—1068 гг., когда в числе согрешений был обозначен целый ряд социальных моментов, здесь человеческое, житейское чётко отделено от церковного — здесь глухо

говорится только об отвлечённой греховности». — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. — М., 1963. — С. 251.

[222] **Праведно и достойно есть, тако да накажемься, тако вѣру имем, кажеми есмы: подобаше нам «Преданымь быти в рукы языку странну и безаконьнѣйшю всея земля»** (146).

[223] **Яко же створихом, тако и стражем: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемь поля, идеже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тъще нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша** (146).

[224] **О неиздреченьному человѣколюбью! якоже видѣ вы неволею к Нему обращающася. О тмами любве, еже к намъ! понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий его. Се уже не хотяще терпим, се с нужею, и понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье?** (147).

[225] **...и люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимь и сродником своимъ; мъного роду хрестьяньска; стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщевахуу другъ къ другу, глаголюще: Азъ бѣхъ сего городага, и друти: Язъ сея всига; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к вышнему, сведущему тайная** (147).

[226] **Аще ли кто речеть**, **яко аньела нѣсть у поганыхъ**, **да слышить**, **яко Олександру Макидоньскому, ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и побидившю землю всю от въстокъ и до западъ, и поби землю Єгупетьскую, и поби Арама, и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Єрусалимъ, побидити жиды, зане же бяху мирни со Дарьемь...** (188—189).

[227] **Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, и ту перебродистася, и не очютиша ихъ половци, Богу схраншю ихъ**...(151).

[228] **Русскиѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и Матери Єго, овъ кутьею, овъ же милостынею убогым, инии же манастырем требованья** (184).

[229] **И бывшю же соступу и брани крѣпцѣ, Богъ вышний возрѣ на иноплеменникы со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменьници, и падоша мнози врази, наши супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя** (191).

[230] **И князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородици** (191).

[231] **Князи же наши въЗложише надежю свою на Бога, и рекоша: "Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко". И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго** (191).

[232] **Тѣм же достойно похволяти англы, яко же Иоанъ Златоустець рече: ибо ти творцю безначално поють, милостиву ему быти и тиху человекомъ** (192).

[233] На безосновательность таких предположений указывал Д. С. Лихачёв. — см.: *Повесть* временных лет. Часть 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва. — М.-Л., 1950. — С. 397—398.

[234] *Кусков В. В.* История древнерусской литературы... — С. 55.

[235] *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3-х тт. Т. 3. Человек в литературе Древней Руси. — Л., 1987. — С. 27.

[236] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы её историко-литературного изучения. — Л., 1946. — С. 3—4, 49—52, 56—57, 75, 91.

[237] *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе древней Руси. — М., 1970. — С. 29.

[238] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»... — С. 278.

[239] **И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ** (18).

[240] *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. — С. 67—70.

[241] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 135.

[242] **Въ лѣто 6390882. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои** (20).

[243] **…и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ** (20).

[244] **В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой** (31).

[245] **Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. …И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити»** (46).

[246] *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. — С. 69.

[247] См. например: *Костомаров Н. И.* Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях //Собр. соч. — Т. 13. — СПб., 1904. — С. 95; *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII — XVI веков. — М.-Л., 1960 — С. 38; Истоки русской беллетристики. — Л., 1970. — С 38.

[248] **Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но все то льжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ»** (29—30).

[249] **И приде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?»** (30).

[250] «Смех как похвальба — характеристика всегда отрицательная и в фольклоре, и в средневековой литературе. …Смех-похвальба — признак гордыни, гордыни необоснованной». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 36.

[251] Д. С. Лихачёв связывает выражение «стать на костях» (в значении «одержать победу») с «каким-то церемониальным моментом». Правда, Лихачёв имеет в виду «стояние на костях» противника, а Олег становится на кости коня, но смысл «попрания», восходящий к языческому ритуалу, видимо, сохранился и в этом рассказе. — *Лихачёв Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978. — С. 185.

[252] *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. 13. — СПб., 1904. — С. 38.

[253] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 38.

[254] Объективное отношение к древлянам исследователь объясняет древлянским происхождением предания, которое привлекло киевского летописца «как поучительный пример того, к каким пагубным последствиям может привести неуёмная алчность и жестокость князя, возомнившего о вседозволенности. Князьям — современникам летописцев, для которых писалась ПВЛ, — здесь было над чем задуматься». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 42.

[255] «**Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою**» (50).

[256] На родство эпизодов посольств со сказочным сюжетом о сватовстве к неприступной царевне, испытывающей женихов «трудными задачами», указывали многие исследователи. Глубокий анализ поступков и речей Ольги предложил Д. С. Лихачёв — см.: *Лихачёв Д. С.* Возникновение русской литературы. — М.-Л., 1952.

[257] «Несение в ладьях — первая загадка Ольги, она же и первый обрядовый момент похорон, баня для покойника — вторая загадка Ольги — второй момент похо-

рон, тризна по покойнику — последняя загадка Ольги — последний момент похорон». — *Лихачёв Д. С.* Возникновение русской литературы. — С. 46.

[258] **…и приде к нему Ольга, и видѣвь 'ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами»** (44).

[259] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»: Проблемы её историко-литературного изучения. — Л., 1946 // www.wasp.kz

[260] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 136—137.

[261] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 60.

[262] Сходные мысли высказывает А. А. Шайкин. — *Шайкин А. А.* Эпические герои «Повести временных лет» и способы их изображения // Поэтика и история. — С. 116—117.

[263] **Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ** (56).

[264] **И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье** (81).

[265] **И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири** (81).

[266] **И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ** (83).

[267] **Въ лѣто 6497/989. Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица** (83).

[268] **По сих же придоша печенѣзи к Василеву, и Володимирь с малою дружиною изыде противу. И съступившимся, и не мог стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостом, одва укрыся противных** (85).

[269] *Шайкин А. А.* Эпические герои «Повести временных лет»… — С. 120.

[270] Подробнее об этом см.: *Гуревич А. Я.* История и сага. — М., 1972. — С. 84—95; *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 74.

[271] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[272] *Шайкин А. А.* Эпические герои «Повести временных лет»… — С. 120, 121.

[273] *Лихачёв Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978. — С. 78. Сходные мысли ещё раньше высказывал М. И. Сухомлинов: «Сообразно с судьбой Русской земли, в летописи представляется две стороны: светлая — в изображении минувшего, и тёмная — в описании печальной действительности, современной летописцу». — *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи… — С. 217.

[274] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 139.

[275] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… //www.wasp.kz.

[276] **Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый яко «Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, ему же хощеть, дасть»** (95).

[277] **…исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ принмъ, посылая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамь ти»; а льстя под нимь, како бы 'и погубити** (90).

[278] Современный исследователь отмечает, что моральные суждения летописца «распределяются отнюдь не по нормативным признакам, не в простом соответствии с добрыми и злыми поступками, как то можно было бы предположить по морализующей риторике, — летописец знает что-то ещё, нечто особенное и решающее, что по-

зволяет ему выбирать между возможностями осуждать своих протагонистов или оправдывать. Владимир I и Святополк I совершают братоубийство, но первый получает ореол святого, второй — печать окаянного, первый становится несравненным светочем русской истории, второй — её мрачнейшим злодеем. …во всём этом можно увидеть единый принцип, руководящий выбором самых разнообразных тактических приёмов для оправдания и осуждения различных князей: определяющей является принадлежность князей к старшей и младшей ветви». — *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры Т. I (Древняя Русь). — М., 2000. — С. 491.

[279] *Ерёмин И. П.* Повесть временных лет… // www.wasp.kz; *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе древней Руси. — С. 25—30.

[280] **И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть 'и на носилѣхъ. Принесоша 'и къ Берестью, бѣгающе с нимь. Онъ же глаголаше: Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ. Отроци же его всылаху противу: Єда кто женеть по насъ? И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь** (98).

[281] См. также: *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 86.

[282]См.: *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси: (на материале хронографического и палейного повествования XI — XV веков). 2-е изд. — СПб., 2008. — С. 52—53, 61.

[283] **Се же Богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь примуть; но и больши сее, понеже, вѣдая се, сътворять такоже зло убийство** (98). Интересные мысли высказал по этому поводу А. А. Шайкин: «Прочитав *такой* рассказ о последних днях Святополка, о смерти и посмертных муках князя-братоубийцы, нынешние князья должны были ужаснуться и оставить злокозненные замыслы. Поэтому не так уж важно, что в реальности могло быть иначе: русская традиция прочно связала убиение Бориса и Глеба с именем Святополка, и летописец извлекает из этого необходимый его времени этический и политический смысл». — *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 142.

[284] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… //www.wasp.kz.

[285] *Душечкина Е. В.* Художественная функция чужой речи в русском летописании // Учёные записки Тартуского университета. Вып. 306. Труды по русской филологии. XXI. Литературоведение. — Тарту, 1973. — С. 65—104.

[286] **«Господи Иисусе Христе! Иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и примъ страсть грѣхъ ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть»** (91).

[287] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[288] Своеобразное «удлинение» сцены преступления, показ его в два этапа, И. П. Ерёмин связывал со стилистической особенностью описания злодеяний у древнерусских авторов. — *Ерёмин И. П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). — М.-Л., 1966. — С. 26—27.

[289] **Уведѣвъ же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два варяга прикончатъ его. Онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, проньзе 'и къ сердцю** (91).

[290] **И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець примъ от Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водваряяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ** (91—92).

[291] **«…Да аще еси получили дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ. Луче бы ми было с тобою умрети неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь жити»** (92—93).

[292] **Принесеся на жертву Богови, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь** (93).

[293] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 92.

[294] *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М., 2002. — С. 91.

[295] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz

[296] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 164.

[297] Там же. — С. 164—165.

[298] **И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, и обльстивъ ’я исѣче** (95).

[299] По замечанию исследователя, «как и в фольклоре, в летописи похвальба перед боем — всегда отрицательная характеристика. Нахвальщик непременно терпит поражение как бы в расплату за необоснованную гордыню». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 95.

[300] **«Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь». Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы** (97).

[301] **В лѣто 6532/1024. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславь ис Тъмутороканя Кыеву, и не пряяша его кыяне. Онъ же, шедъ, сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда** (99).

[302] **Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ** (101).

[303] **И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли** (100).

[304] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 159.

[305] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[306] **«Не я почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ Богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную. Еда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго»** (96).

[307] **«Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, Владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь»** (97).

[308] **Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго»** (97).

[309] Или, как отмечает И. П. Ерёмин: «Герой мог у летописца, раз попав у него в тот или иной план повествования, приняв «новый» для себя образ, в этом образе и остаться». — *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[310] **И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ’е часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго** (102).

[311] **Ярославъ же сей, якоже рекохом, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ’ю златомь и сребромь и сосуды церковными, в ней же обычныя пѣсни Богу въздають в годы обычныя** (103).

[312] **Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтоваше́ться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми** (103). Исследователь отмечал: «Перед читателем рисуется во весь рост портрет первого по существу христианского правителя новой христианской державы, и летописец не скупится на щедрые похвалы, светлые и золотые тона. …Этот новый облик самодержца как бы перекрывает, заслоняет то негативное, что прежде было высказано в адрес князя». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 100.

[313] Там же. — С. 105.

[314] Правда, как замечает А. А. Шайкин, об этом событии говорится без особого пафоса, а весьма скупо и сдержанно, поскольку Судислав, будучи братом Ярослава, по праву старшинства мог претендовать на княжеский трон. Однако после освобождения он почему-то не вступает в борьбу за свои права, а постригается в монахи. Видимо, не последнюю роль в этом сыграли Ярославичи. — *Шайкин А. А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 177—178.

[315] **Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию, хотя створити вышний сего манастыря, надѣяся богатьству** (107).

[316] «**Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своею? Не блудилъ ли бѣх по чюжимъ землям, имѣнья лишень, не створих зла ничто же? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будеть нама причастье в Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою за тя**» (132—133).

[317] **Велий бо есть грѣх преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье прияша от Бога, от племене бо Сифова суть еврѣи, иже избивше Хананѣйско племя, всприяша свой жребий и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего** (122).

[318] **Сице ся похвали Иезекий, цесарь июдѣйскъ, к посломъ цесаря асурийска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно** (131).

[319] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Князь Святослав и царь Иезикия (к интерпретации статей «Повести временных лет» под 1075 и 1076 г.) // Древняя Русь. — №2. — М., 2008. — С. 9—10. А. А. Шайкин соотносит эпизод похвальбы Святослава с известным эпизодом на пиру у Владимира, когда тот охотно заменяет по требованию своей дружины деревянные ложки серебряными, и усматривает здесь языческий взгляд на природу и назначение богатства. — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 122. Сходные мотивы присутствуют в скандинавских сагах: «Щедрость — определяющее качество вождя, не менее существенное, чем военная удача. Щедрость считалась признаком благородства, неизбежно присущим всякому знатному человеку». — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1972. — С. 198—199.

[320] **И удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября** (115).

[321] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 124.

[322] «**Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с миромь, то в малѣ придеть дружинѣ**» (116).

[323] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[324] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 139.

[325] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[326] Так, после неудачной попытки Ярополка пойти войной на Всеволода, не великий киевский князь, а его сын «**створи миръ**» с мятежным владимирским князем.

[327] «**Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Руськую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью**» (143).

[328] **Половци же видѣвше сдолѣвше, пустиша по земли воююче, а друзии възвратишася к Торцьскому** (144).

[329] Подробный анализ «Повести об ослеплении Василька» см.: *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 209—214.

[330] Обращая внимание на фразу «**смятеся умом**», А. А. Шайкин отмечает: «Здесь, может быть впервые в русской литературе, внимание с конечного результата переключается на процесс, уже не поступок в его конечной значимости является характеристикой человека, а его путь к поступку». — *Шайкин А. А.* Там же. — С. 209.

[331] «**Да аще право глаголеши, Богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ**» (171).

[332] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 210.

[333] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 176.

[334] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 181.

[335] **Такъ бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонивъся у гроба Феодосиева и молитву веземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой** (186—187).

[336] **И радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати по всѣм епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати 'и на всѣх соборехъ** (187).

[337] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[338] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 293.

[339] «**Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Руськую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани**» (148).

[340] **Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Руськѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла»** (174).

[341] **Се слышавъ Володимеръ расплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Руськую, а мы хочем погубити»** (175).

[342] **И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть 'ю акы матерь, отца ради своего, бѣ бо любим отцю своему повелику, и в животѣ и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его** (175).

[343] **Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитом, и къ епископомъ и къ игуменом, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше и утешаше** (175). А. А. Шайкин заметил по этому поводу: «Таких по тональности и стилистике характеристик летописные князья удостаивались лишь в некрологах». — *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»: История и поэтика. — С. 298.

[344] По мысли И. У. Будовниц, именно Владимиру Мономаху принадлежала идея о необходимости замены тактики пассивной обороны на тактику активных наступательных походов. — *Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. — Т. 22. — М., 1947. — С. 89.

[345] **«Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить 'и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?»** (183).

[346] **Се бо, яко же рекохомъ, видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, та же преступѣ на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни. И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, яко же рекохомъ** (192).

[347] **Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ Мѣньску съ сынъми своими и с Давыдомъ Святославичемъ, и Олговичи** (200).

[348] **Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узривше, оужасеся сердцемь, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы** (201).

[349] **Володимеръ же съжали си тѣмь, оже проливашеться кровь въ дьни постъныя Великого поста, и вдасть ему миръ** (201).

[350] По этому поводу исследователь замечал: «Одновременно, как и во времена Святослава, на эти территории претендовала и Византия. Кажется, эта акция Мономаха особого успеха не имела, так как посланные в том же году сын Владимира Вячеслав с Фомою Ратиборовичем возвратились с Дуная ни с чем. Но показательна сама попытка! Владимир действительно, с точки зрения летописца, стремится вернуть времена и славу «отцов и дедов». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 199.

[351] **Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома и трудишася варязи секуще сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варяги** (100).

[352] **И посла Мьстиславъ по Ярослава, глаголя: «Сяди в своемь Кыевѣ: ты еси старѣйшей брать, а мнѣ буди си сторона»** (100).

[353] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 213.

[354] *Творогов О. В.* Литература Древней Руси: Пособие для учителя. — М., 1981 // http://old-rus. narod.ru/paper.html.

[355] **«Ци я се створилъ, ци ли в моем городѣ? Я ся сам боялъ, аще быша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в совѣть, ходяче в руку»** (177).

[356] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 209.

[357] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[358] **Се уже третьее наведе поганыя на землю Руськую, его же грѣха дабы 'и Богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям** (148).

[359] **И не послуша Изяславъ словес сих, надѣяся на множство вой. Олег же надѣяся на правду свою, яко правь бѣ в семь, и поиде к граду с вои** (168).

[360] При этом исследователь Д. С. Леонардов по-иному трактует рождение Всеслава, считая, что родился он «в сорочке» («язвено» — плёнка, рубашка), то есть в околоплодном пузыре, который мать Всеслава, по предложению волхвов, «надела», «повязала» на ребёнка в качестве амулета. — *Леонардов Д. С.* Полоцкий князь Всеслав и его время // Полоцко-Витебская старина. — Вып. 2. — Витебск, 1912. — С. 150—173.

[361] Там же. — С. 214—215.

[362] **В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховь вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ** (109).

[363] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[364] **Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну** (177).

[365] **Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, да бы Богъ отместник былъ, и взложити было на Бога мщенье свое** (177).

[366] **Василко възвыси кресть, глаголя, яко «Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестъ сь»** (178).

[367] *Творогов О. В.* Литература Древней Руси… // http://avorhist.narod.ru/publish/tvorogov2.htm.

[368] Ср.: *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 226.

[369] «Чувство летописца, как бы сильно оно ни было, никогда не переступает меры справедливости, не переходит в пристрастие». — *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи… — С. 173.

[370] *Ерёмин И. П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). — С. 53.

[371] Говоря об отношении к князьям, имеем в виду отношение, прежде всего, к ситуации и поступку, поскольку летопись рассказывает про жизнь, а не про литературу. А жизнь сложнее и не укладывается в схемы, в том числе художественные.

[372] Некоторые способы выражения авторской позиции в летописях выделяет современная исследовательница. — См.: *Конявская С. В.* Дискурс и жанр в диахроническом исследовании // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. — М., 2005 — С. 261—269.

[373] О. В. Творогов, подразделяющий прямую речь в ПВЛ на документальную, иллюстративную и сюжетную, характеризуя сюжетную прямую речь, отмечал, что она во всех случаях является «одним из важнейших компонентов сюжетного повествования». И далее: монологи действующих лиц «создают пусть иллюзорный, искусственный, но в то же время воспринимаемый, видимый и слышимый читателем мир. Этикетный монолог князя сюжетен, поскольку он раскрывает нам князя с той стороны, с какой мы не знали его по действиям, он показывает нам его доброту, его благочестие и братолюбие, он является средством его самохарактеристики». — *Творогов О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI — XIII вв. // Истоки русской беллетристики. — Л., 1970. — С. 58—61.

[374] По мысли А. А. Шайкина, «по их наличию или отсутствию, по их характеру и тону можно судить об отношении летописца к тому или иному князю». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 153.

[375] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет» как средство характеристики героев летописи // Жанрово-стилевые искания и литературный процесс / Тематический сб. научных трудов. — Алма-Ата, 1998. — С. 10—20.

[376] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика Древнерусской литературы / Сборник 1 (XI — XVI века). — М., 1989. — С. 231—246.

[377] *Шайкин А. А.* Эпические герои «Повести временных лет»… — С. 111.

[378] **И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжениа его 33** (30); **И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне** (40).

[379] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 14.

[380] *Лихачёв Д. С.* Повесть временных лет // Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. — М., 1975. — С. 62.

[381] **Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся**… (49).

[382] **Защитилъ бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола** (49).

[383] **Аще бо бе и преже на скверньную похоть желая, но послѣ же прилежа к покаянью, яко же апостолъ вѣщеваеть: «Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать»** (89).

[384] **Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью.** Ведь **Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша** (89).

[385] **Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новии людье, просвѣщени Святымь Духомь, чающе надежи великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ** (89—90).

[386] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 14.

[387] «**Радуйтася, страстотерпца Христова, заступника Руськыя земля, яже ицѣленье подаета приходящим к вама вѣрою и любовью… Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра восходящии**» (94).

[388] **…избавляюща от усобныя рати и от пронырьства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжьство, вь вся вѣкы до скончанья** (94). Исследователь предположил, что «это завершение похвалы требованиями к святым сделано автором рубежа XI — XII веков. …политический летописец этого времени не мог не использовать столь важный момент для пропаганды и воплощения своих основных государственных идей». — *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 15.

[389] **Тѣм же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Исуса Христа, нескудно подаваета недужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему** (200).

[390] **Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою Богу, в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша 'и Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немь людье; и принесшее положиша 'и, в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. И плакася по немь Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣт 70 и 6** (108—109).

[391] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 16.

[392] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 240.

[393] «**Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ от людий и от братья своея? Се же погыбе не от брата, но за брата своего положи главу свою**» (133).

[394] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 241—242.

[395] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 125—126.

[396] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 241—242.

[397] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 130.

[398] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 239—240.

[399] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[400] Сходные мысли высказывает А. А. Шайкин: «здесь отчётливо видно не простое, отнюдь не либо «чёрное», либо «белое» изображение князя. Скорее, краски эти перемешаны, и при общем сочувственном отношении летописец не может удержаться от справедливых, с его точки зрения, упрёков князю». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 130.

[401] **И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалмы и пѣснми проводиша ’и до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честью положиша ’и в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день** (136).

[402] **Многы бѣды примъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приятъ, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися** (136). В этом отношении справедливо суждение учёного: «Для летописца — принципиального и страстного противника распрей между князьями — жертвы этих распрей предстают как самые возвышенные и благородные люди». — *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 12.

[403] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах. — С. 236—237.

[404] **«Господи боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, от чюжею руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, и избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии»** (136).

[405] **Его же прошенья не лиши его благый Богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его** (136).

[406] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 244.

[407] **В лѣто 6560/1052. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль старей, Новѣгородѣ, и положенъ бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ** (108).

[408] **В лѣто 6565/1057. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолиньскѣ, и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше** (109).

[409] **Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше** (101).

[410] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 237.

[411] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»... — С. 12.

[412] **Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; и вземше принесоша ’и Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. И собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша ’и у церкви святыя Софьи у отца своего** (144—145).

[413] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[414] *Пауткин А. А.* Характеристика личности в летописных княжеских некрологах… — С. 235.

[415] Там же. — С. 235.

[416] **В се же лѣто преставися Олегъ Святославличь, мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребенъ бысть у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава** (200).

[417] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 170.

[418] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и её источник (Опыт анализа). — М., 1957 — С. 111.

[419] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — С. 203—204.

[420] Ряд наблюдений наводят М. Д. Присёлкова на мысль, что «удалённый по требованию греков неудачливый первый митрополит Киева Илларион» впоследствии скрывался «в своей былой пещерке» под именем «великого Никона». — *Присёлков М. Д.* Нестор — летописец. — СПб., 2009 — С. 48.

[421] **И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то чересъ день, и воды в мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, в трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и в молитвахъ** (105).

[422] **Антоний же прославленъ бысть в Руськѣй земли; Изяславъ же, увѣдѣвъ житье его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы** (105).

[423] Исследователь начала XX века отмечал: «Введение забытого в самой Византии общинножитного устава, оживлённое личным высоким примером игумена Феодосия, создало из Киево-Печерского монастыря живой укор для греческой митрополии, не сумевшей и не подумавшей взять в свои руки возрождения монашества, тогда сильно упавшего в Греции и в этом именно упадочном виде насаждённого у нас на Руси». — *Присёлков М. Д.* Нестор — летописец. — С. 51.

[424] **И сице поучивъ братью, цѣлова въся по имени, и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижекъ; и вшедъ в печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никому же** (123). Общеизвестно, что в игуменство Никона был поднят вопрос о канонизации Феодосия, к которой должно было быть приурочено и составление несторова «Жития».

[425] **Се же сбысться прореченье блаженаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с расмотреньемь, блюда ихъ и бдя за ня, моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьяньскыя, за землю Руськую, иже и по отшествии твоемь от сея жизни молишися за люди вѣрныя и за своя ученикы, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, и прославляють Бога** (140).

[426] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 271.

[427] **Но се реку мало нѣчто: «Радуйся, отче нашь и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, Богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомь житьи, всяко собѣ принесенье. …Радуйся, укрѣплься надежею вѣчныхъ благъ, их же примъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бѣсовьскых козней избѣгъ и от сѣти…»** (140).

[428] *Присёлков М. Д.* Нестор — летописец. — С. 66.

[429] **В се же лѣто кончаша верхъ Святыя Богородица на Кловѣ, заложенѣй Стефаном игуменом печерьскым** (187).

[430] **…такы черньцѣ, яко светила в Руси сьяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ с водою, ини зелье варено, друзии сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемь и с послушаньем великымъ. Тако же и старѣйшии имяху любовь к меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая** (125).

[431] **Яко се первый Демьянъ презвутеръ, бяше тако постникъ и въздержник, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея** (126).

[432] **Сему бѣ даръ дарованъ от Бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше в помышленьи, обличаше и втаинѣ, и наказаше блюстися от дьявола** (126).

[433] **Єдиною єму стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ єсть игуменъ** (127).Это ещё одно существенное отличие летописи от несторова ЖФ, где о Никоне автор отзывается восторженным образом и называет великим.

[434] **Он же не разумѣ бѣсовьскаго действа, ни памяти прекреститися, выступивъ поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣйству** (126).

[435] **Феодосий же моляше Бога за нь, и молитву творяше над нимь день и нощь, …тако научися ясти и тако избави 'и Феодосии от козни дьяволя** (129).

[436] **И тако живущю єму, скончa житье своє. И разболѣся в печерѣ, и несоша 'и болна в манастырь, и до осмаго дне о Господѣ скончася. Игумен же Иоанъ и братья спрятавше тѣло єго, и погребоша 'и** (131).

[437] **Таци ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую братью, и за приносящая въ манастырь, в нем же и донынѣ добродѣтелное житье живуть, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему, и Феодосьевами молитвами сблюдаеми, єму же слава в вѣки, аминь** (131).

[438] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 269.

[439] **Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ** (137).

[440] *Шайкин А. А.* Некрологические статьи в «Повести временных лет»… — С. 11. К аналогичным выводам приходил Ю. М. Лотман: «Молчалив» и «речист» не суть взаимопротиворечащие характеристики. Молчалив как действователь, «от себя». Речист же не «от себя», а как носитель высшей мудрости, ее орудие». — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — М., 1970. — С. 294.

[441] В. Ю. Франчук относит такие отрицательные конструкции к грамматическим формам, выступающим в тексте летописи в функции сравнений со значением высшего качества. — *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом отношении. — Киев, 1986. — С. 37.

[442] **Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси** (137).

[443] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 264.

[444] Там же. — С. 271—273.

[445] Подробная классификация, анализ групп и отдельных представителей из окружения князя см.: *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 224—245.

[446] Там же. — С. 224.

[447] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 228.

[448] **О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой възвеличилъ єсть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, Боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ изрини 'а, яко прогнѣваша тя, Господи»** (54—55).

[449] **Се єсть совѣть золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии** (55). Сопоставление с бесами и исключительно «чёрное» изображение Блуда сходно, по мысли исследователя, с летописным

изображением Святополка. — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 2002. — С. 321—322.

[450] **О сяковыхъ бо Соломонъ рече: «Скори суть пролити кровъ... бес правды. Ти бо обьщаются крови, сбирають собѣ злая. Сихъ путье суть скончавающих безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють»** (90).

[451] **И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша 'и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь** (91).

[452] **Оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно. Принесеся на жертву Богови, в воню благоуханья, жертва словесная** (93).

[453] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[454] **Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить** (92).

[455] **Бѣ бо сей любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угъресекъ, именемь Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимь** (91).

[456] *Дёмин А. С.* Архаическая персонология «Повести временных лет» // Автопортрет славянина. — М., 1999. — С. 16.

[457] *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора ПВЛ // Из истории русской культуры. — Т. I. — М., 2000. — С. 446.

[458] Подробный анализ эпизодов см. в предыдущих параграфах.

[459] **Ищьли бо суть си от пустыня Етривьскыя, межю встокомь и сѣвером; ищьли же суть ихъ колѣнъ 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонь, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. …И по сихъ 8 колѣнъ к кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы** (152—153).

[460] *Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. — №2. — М., 2002. — С. 6—7.

[461] **Бонякъ погнаше сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако множицею убивая сбита ѣ в мячь. Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ. И побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану** (179).

[462] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 423.

[463] «Государственный уровень самосознания» реализуется, по мысли В. М. Живова, «прежде всего в понятии «Русская земля», которая в последней части летописи выступает в «политическом контексте». — *Живов В. М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца. — С. 181—183.

[464] **И побѣгоша печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, и овии бѣгаюш, е тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне** (102).

[465] **Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша** (186).

[466] **Се слышавще торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ** (109).

[467] **Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземь варяжьскым, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ** (100).

[468] *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — С. 293.

[469] Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и сей бяшеть ему аки тернъ въ сердци, и тъщашеся потребити оканьный, и наусти люди (58).

[470] …сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка, глаголяща: «И нареку не люди моя люди моя» (59).

[471] …а дьяволъ стеня глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ» (81).

[472] Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ… Суть же образом черни, крилаты, хвосты имущее… Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь (119—120).

[473] Тѣм же прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершеными вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и тако волхвують наученьем бѣсовьским (120).

[474] Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако в си роди много волхвують жены чародѣйством, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми (120).

[475] Но и мужи прелщени бывають от бѣсовъ невѣрнии, яко се въ первыя роды, при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ… (120).

[476] Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются ввергъше 'и в пропасть смертную, научивше глаголати (117).

[477] *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — С. 293.

[478] Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскыя, но влагають помыслъ въ человека, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже; суть бо немощни и худа взоромь (119).

[479] Понеже велика есть сила крестная: крестомь бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ ограждаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть от напастий призывающим его с вѣрою. Ничего же ся боять бѣси, токмо креста (115).

[480] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[481] *Повесть* временных лет. ч.2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва. — С. 281.

[482] Та же и вся ослабленьемь Божьимъ и творением бьсовьским бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть и крѣпка, пребывающи Господеви и не влекома врагом мечетных ради чюдес и сотонинъ дѣлъ, творимыхъ от враг и слугъ злобы (31).

[483] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения… — С. 27.

[484] …отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко не врежатися человѣком от них; ярость коньскую обуздавъ, егда ссхожахуся боаре (30).

[485] Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародейство (30); и не на достойных благодать действует многажды (31).

[486] В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино (99).

[487] *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. — М.; СПб., 1995. — С. 128.

[488] Она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отъимашета собѣ (117).

[489] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[490] …створилъ Богъ человѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немь ничто же (118).

[491] Они же поимше, убиша 'я и повѣсиша 'я на дубѣ: отмьстье примша от Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, в другую нощь медведь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемь бѣсовьским, инѣмъ ведуща, а своеа пагубы не вѣдуче (119).

[492] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 253—254.

[493] Термин «явление» понимается нами широко, «как всякое проявление чего-нибудь», «то, в чём сказывается, обнаруживается сущность» (во 2-м значении по словарю С. И. Ожегова). — см.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — М., 2006. — С. 892.

[494] В науке эти эпизоды известны под названиями «Испытание вер» Владимиром; «Речь философа»; Посольство Владимира для испытания вер на местах; «Корсунская легенда».

[495] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 256.

[496] «Летописец (или источник, которым он пользовался) пересказывает здесь явно простонародные представления о магометанстве, отмечая внешние, бросающиеся в глаза особенности этого вероисповедания, точнее, лишь относящиеся к быту его уложения». — *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 68.

[497] Но се ему бѣ нелюбо, обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь, рька: «Руси есть веселье питье, не можемь бес того быти» (60).

[498] Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажются, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушають (60—61).

[499] …ихъ же вѣра маломь с нами разъвращена: служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити, и преда апостоломъ приемъ хлѣбъ …си же того не творять, суть не исправили вѣры (61).

[500] И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже (75).

[501] «То како вы инѣх учите, а сами отвержени от Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не быстe расточени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ тоже мыслите прияти?» (60).

[502] «На сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не покаяшася, и посла на ня римляны; грады ихъ разбита и самы расточиша по странамъ, и работають въ странах» (61).

[503] И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамъ сде быти (75).

[504] Отвѣщавше же боляре рекоша: «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя приялa, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «Гдѣ крещенье приимемъ?». Они же рекоша: «Гдѣ ти любо» (75).

[505] Володимеръ же, се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася (76).

[506] **«Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих»** (76).

[507] **По Божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничто-же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити** (77).

[508] *Виролайнен М. Н.* Автор текста истории. Сюжетообразование в летописи: сборник статей под ред. В. М. Марковича и В. Шмидта. — СПб., 1996. — С. 41, 46—47. Павлианские уподобления Владимира, прежде всего, на материале Илариона и Похвалы Владимиру, исследовал: *Сендерович С.* Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. — Т. 49. — СПб., 1996. — С. 310—312. Н. Серебрянский указал на известную близость обстоятельств крещения Владимира и царя Амира (Девгениево деяние). Н. Серебрянский рассматривает, прежде всего, материал житий Владимира, но совпадения распространяются и на ПВЛ в части её «корсунской легенды». — См.: *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. — М., 1915. — С. 288—289. Можно указать и на более далёкую параллель с заболеванием и исцелением царя Алиатта: *Геродот.* История: В девяти книгах. — Л., 1972. — С. 16—17.

[509] **Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажють** (77).

[510] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 70—71.

[511] **«Не вънимай злѣ женѣ, медъ бо каплеть от устъ ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, послѣди же горчае золчи обрящеши... Прилѣпляющиися ей вънидутъ съ смертью въ вадъ»** (57).

[512] **«Дражайши есть каменья многоцѣньна. Радуется о ней мужь ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши волну и ленъ, творить благопотребная рукама своима… Жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо Господню да похвалить»** (57—58).

[513] **В лѣто 6419911. Явися звѣзда велика на западе копейным образом** (25); **в лѣто 65361028. Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли** (101); **в лѣто 66161108. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ** (187).

[514] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения… — С. 26.

[515] *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI — XVII вв. — Л., 1983.

[516] *Ранчин А. М.* Статьи о древнерусской литературе. — М.,1999.

[517] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения… — М., 1998.

[518] *Шайкин А. А.* "Оставим все, как есть…"// Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 2003. Т. 54. — С. 337—369; «Се повести времяньных лет…» От Кия до Мономаха. — М. 1989; «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. — №3. — 2002. — С. 105—109.

[519] *Шайкин А. А.* «Сица знаменья не на добро». — С. 105—109.

[520] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 449—450.

[521] А. Г. Кузьмин связывает возможность двоякого истолкования событий с разными культурными традициями: «в летописи просматривается неодинаковое отношение к знамениям. Одно… видит в нем лишь предвестника зла, другое — возможность альтернативы — либо на добро, либо на зло. Первое связано с "западным" пониманием провидения, второе — собственно православное». — *Се Повести* временных лет (Лаврентьевская летопись) / Сост., авторы примечаний и указателей А. Г. Кузьмин, В. В. Фомин; вступ. статья и перевод А. Г. Кузьмина. — Арзамас, 1993. — С. 329.

[522] *Шайкин А. А.* «Сица знаменья не на добро» — С. 105.

[523] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения… — С. 40.

[524] Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье (110).

[525] В лѣто 6621/1113. Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне; бысть видити всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Якожь бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчю смерть (196).

[526] Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю (110).

[527] В се же лѣто преставися епископъ Володимерский Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю (148).

[528] По замечанию, В. А. Плугина, средневековая эсхатология «не имела формы какого-то абстрактного ожидания. Она властно вторгалась в повседневную жизнь, тревожа сознание постоянной возможностью осуществления». — *Плугин В. А.* Мировоззрение Андрея Рублева. (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. — М., 1974. — С. 34.

[529] *Карпов А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI — начале XII века // Отечественная история. — №2. — М., 2002. — С. 6.

[530] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет… — С. 20; 23—25.

[531] На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ (183).

[532] *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения… — С. 40.

[532] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 85.

[533] Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ (187—188).

[534] *Дёмин А. С.* Поэтика рассказа о вавилонском столпе… — С. 74.

[535] …яко и Моиси великый не взможе видѣти ангелскаго естьства: водяшеть бо ’я въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше пред ними в нощи и въ дне (188).

[536] *Пассек В.* Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. Кн. 3. — М., 1870. — С. 157.

[537] Аще бо кая земля управится пред Богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть, и судью, правящаго судъ (95).

[538] Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить Богъ на землю, понеже то глава есть земли (95).

[539] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 85.

[540] «Отъиметь Господь от Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива. Поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими» (95).

[541] Подробный анализ Поучений см. в параграфе «Комментирование событий».

[542] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи… — С. 128.

[543] Закон же и у вактриянъ, глаголеми врахманеи островьници, еже от прадѣдъ показаньемь и благочестьемь мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, **страха ради многа Божия** (15).

[544] И Богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскых вой (184); Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша (186).

[545] **Первое, Бога дѣля и душа своея, страх имѣйте Божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру** (153); **Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего** (158).

[546] **Зло бо есть женьская прелесть** (57).

[547] **Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ** (109).

[548] **Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Исуса Христа, мѣсяца мая въ 26** (144).

[549] **Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Руськѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску** (132).

[550] **Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская** (174).

[551] **Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ** (102).

[552] **Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью** (102).

[553] **Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей** (103).

[554] **Иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть с Богомь... въсприемлеть души велику ползу** (103).

[555] **И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ’е часто в нощи и въ дне** (102).

[556] **Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ**… (137).

[557] **Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны дни услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых»...по Божью строю и по милости своей помилова Богъ** (82).

[558] *Творогов О. В.* Литература Древней Руси // http://avorhist.narod.ru/publish/tvorogov2.htm.

[559] «На протяжении семи веков русская летопись никогда не была бесстрастным констатированием виденного и слышанного или только записью документов и преданий: летописец, кто бы он ни был, в какую бы эпоху он ни писал, неизменно являлся живым участником событий, публицистом, стремящимся внушить читателю своё понимание, свою оценку событий, лиц и поступков». — *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. Том 1. — М., 2006. — С. 312.

[560] *Ерёмин И. П.* «Повесть временных лет»… // www.wasp.kz.

[561] *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 281.

[562] Там же. — С. 324.

[563] *Шайкин А. А.* Функция времени в «Повести временных лет» // Шайкин А. А. Поэтика и история: на материале памятников русской литературы XI — XVI веков. — М., 2005. — С. 135.

[564] *Харпалёва В. Ф.* Специфика авторского самовыражения в «Повести временных лет» (К вопросу об образе автора в древнерусской литературе) // Филологические науки. — №4. — М., 1992. — С. 104—105.

[565] *Лихачёв Д. С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // «Повесть временных лет». Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. — СПб., 1996. — С. 333.

566 **Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривь на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица** (12).

567 **Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и устремишася чересъ горы великия яже прозвашася горы Угорьскиа** (20).

568 **Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту и сѣдоша съ словѣны, покоривше 'я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска** (20).

569 **Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже 'и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть** (79).

570 Современный исследователь полагает, что если даже Андрей «не дошел до «скифских» земель, наши предки не ошиблись, приписав ему благословляющий жест в сторону Русской земли. Ибо когда Первозванный апостол умирал на косом кресте, она (Русская земля — АШ) мистическим образом омывалась его искупительной кровью». — *Цветков С. Э.* Русская история: книга первая. — М., 2003. — С. 56.

571 **…а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ** (38).

572 **Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть** (55).

573 **Бяше варягъ единь, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ** (57).

574 **И пришедъ** (Мстислав) **Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда 'ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани** (98).

575 **Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣсте, иде же стоить нынѣ святая Софья, митрополья русьская: бѣ бо тогда поле внѣ града** (100).

576 **И хожаше** (Илларион) **с Берестоваго на Днѣпрь, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый** (104).

577 **И есть ту манастырь святое Богородици, на Болдиных горахъ, и до сего дни** (127).

578 **ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь** (105).

579 По мнению А. А. Шайкина, «факт их убийства не вызывает осуждения со стороны летописца», так как «они не по закону, не по рождению заняли княжеский стол. Однако убитых погребли, должно быть с честью. На местах их захоронений впоследствии возникли церкви, что косвенно указывает на возможное крещение Аскольда и Дира; во всяком случае, это свидетельствует о том, что о них осталась добрая память среди киевлян». — *Шайкин А. А.* Поэтика и история… — С. 101.

580 См.: *Лихачёв Д. С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). — С. 351.

581 **И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне** (39).

582 **И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего** (52).

583 **…и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте… Есть же могыла его в пустыни и до сего дне** (97).

584 *Шайкин А. А.* «Повесть временных лет»… — С. 433.

[585] Антоний умер в 1073 году, а летописец сообщает о его смерти в погодной записи 1051 года, следовательно, статья 1051 г. или запись о смерти Антония в ней была сделана не ранее 1073 года.

[586] **И възвратися Романъ с половци въспять, и убиша 'и половци, месяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ** лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля (134).

[587] **И поставиша 'я в комару тою, на деснѣй странѣ, где ныне лежита.** Принесена же бысть святая мученика, мания въ вторый день, из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ (199).

[588] ...его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, **иде же лежить тѣло его**, положено мѣсяца иуня въ 24 (185); Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском манастырѣ у дверий, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, **иде же лежит тѣло ея** (186).

[589] И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; **и суть** становища еѣ и ловища (42); и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и **до сего дьне**, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и **доселе** (42).

[590] ...и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, **и есть ровъ и до сего дне** (53).

[591] Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, **иде же ныне** стоить сельце Предъславино; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, **еже зоуть ныне** Берестовое (55—56).

[592] Володимеръ же поиде противу имъ, и срете 'я на Трубежи на бродѣ, **кде нынѣ** Переяславль (83).

[593] Ярославъ посади своя по Ръси, **и суть до сего дне** (101).

[594] ...бяху мужи мудри и смыслени, **нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне** (12).

[595] ...**яже нынѣ зовомая Русь** (20).

[596] **И радимичи, и вятичи, и северъ одинъ обычай имяху**: живяху в лѣсѣ, яко же и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отьци и предь снохами, ...**еже** творять вятичи **и нынѣ** (14).

[597] **Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своих**: кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, и ядуще мерьтвечину и всю нечистоту (15).

[598] **И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ**; их же нѣсть племени ни наслѣдъка (14).

[599] Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладь великъ в немь, **и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ** (55).

[600] Тако и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; яко же и бысть: **володѣють бо козары русьскии князи и до днешнего дне** (15—16); Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, **повозъ везуть и до сего дне** (58); Иде Володимерь к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, **иже суть и до сего дне подъ Русью** (57); ...и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, **еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ** (19). В последнем примере указывается конкретный временной определитель: до смерти Ярослава, то есть до 1054 года.

[601] *Лихачёв Д. С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). — С. 335.

[602] Градъ же бѣ Киевъ, **идеже есть нынѣ** дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, **идеже есть нынѣ** дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ

внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, **идѣже есть** дворь демьстиковъ за святою Богородицею (39). Авторские ремарки позволяют исследователю сделать заключение о том, что в Киеве первоначально господствовали жрецы, а князь жил вне града. И только с уничтожением святилища, с введением христианства и изгнанием жрецов крепость была расширена и стала княжеской. — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет… — С. 125.

603 *Истоки* русской беллетристики. — Л., 1970 — С. 36—37.

604 *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 50.

605 Авторская ремарка помогает определить время работы летописца. Статья датируется 1044 годом, но в ней говорится, что Всеслав до сих пор ещё «носит» язвено, а поскольку Всеслав умер в 1101 году, то, стало быть, статья 1044 года написана не позднее 1101 года.

606 … перерѣза ему лице, **и есть рана та на Василкѣ и нынѣ** (172).

607 …городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемь поля, идеже пасома бѣша стада конь, овця и волове, **все тъще нонѣ видимъ**, нивы поростъше звѣремъ жилища быша (146).

608 И побѣгоша печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, и овии бѣгаюш,е тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, **а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне** (100—101).

609 Се слышавше торци, убояшася, **пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимь гнѣвомь гоними** (109).

610 *Дёмин А. С.* «Подразумевательное» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика Древнерусской литературы. Сб. 12. — М., 2005. — С. 561, 565.

611 Словѣньску же языку, **яко же рекохомъ**, живущю на Дунаи (14).

612 Поляномъ же жиущемь особѣ, **яко же рекохомъ**, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне (14).

613 *Дёмин А. С.* «Подразумевательное» повествование в «Повести временных лет» — С. 522.

614 Ярославъ же сей, **якоже рекохом**, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ (103).

615 И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ’е часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго (102).

616 Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньем, **яко же глаголахъ** (107).

617 И собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простии людье, и вземше тѣло его (Всеволода, сына Ярослава Мудрого, внука Владимира), со обычными пѣснми положиша ’и въ святѣй Софьи, **яко же рекохом преже** (142).

618 Василкови же сущю Володимери, **на прежереченѣмь мѣстѣ**, и яко приближися пость великый, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ (175).

619 Под 1110 годом: **Якоже рекохомь** прѣже зьнаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18 (190); и под 1111 годом: Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, русьскии князи. Се бо, **яко же рекохомъ**, видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, та же преступѣ на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни (192).

620 И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, **яко же рекохомъ** (192).

[621] *Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. — М., 2003. — С. 3.

[622] Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша аньгели, **яко же речено бысть**: «Егда раздѣляше вышнии языкы, ихъ же расия сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ Божий; ны и вѣрнымъ человекомъ комуждо достася ангелъ» (193); Се бо людемъ работати персямъ нужаше, **яко же речено бысть**, се же раздрушити пленьныя тщашеся (194) и т.п.

[623] *Пауткин А. А.* Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси: Учебно-методическое пособие. — М., 1990. — С. 19.

[624] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. — СПб., 2003. — С. 41.

[625] **Мы же на предълежащее паки возвратимся.** Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву» (114).

[626] **Но мы на предняя взвратимся, яко же бяхом преже глаголали** (168).

[627] И вылѣзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста єму миръ, рекуща сице: «Иди к брату своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отець наших и дѣдъ наших, яко то єсть старѣйшей град въ земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити». Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ (150).

[628] **Но мы на предняя взвратимся, яко же бяхом преже глаголали.** Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолиньску, и прити з братом своим Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити (168).

[629] **Но мы на свое възвратимся.** Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и кияном, яко миръ будеть (175).

[630] Феодосьеви же живущю в манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему… **А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ** (107—108).

[631] И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье (81).

[632] **И се да скажемъ**, чего ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящю Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в них же бѣ презвутеръ, именемь Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ (104—105).

[633] Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются ввергъше 'и в пропасть смертную, научивше глаголати. **Яко же се скажемъ бѣсовьское научщенье и дѣйство** (117).

[634] **Яко и се скажемъ** о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него (119).

[635] Таци бо бѣша любовници, и въздержьници, и постници, **от них же намѣню нѣколико мужь чюдных** (126).

[636] Феодосии, игуменъ печерьскый, преставися. **Скажемъ же о успеньи его мало** (122).

[637] …его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидець, **еже скажю**, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ (138).

[638] **Се же повѣмь мало нѣчто**, еже ся събысть прореченье Феодосьево (139).

[639] **Но се реку мало нѣчто**: «Радуйся, отче нашь и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ...» (140). Повторяющиеся наречия «мало» следует рассматривать как этикетную формулу. Убеждает в этом реальный текст, в котором, вопреки обещаниям, содержится объёмная информация о кончине и заслугах Феодосия.

[640] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет… — С. 103.

[641] *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 224.

[642] Большим подспорьем в работе над определением источников цитат оказались исследования предшественников, в частности, пометы на полях, сделанные А. А. Шахматовым в его издании текста «Повести временных лет». — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Том 1. Книга 2 // Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Раннее русское летописание XI—XII вв. — СПб., 2003.

[643] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет… — С. 96—97.

[644] «**Азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящуть мя**». **Господь рече**: «**Приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ**» (44).

[645] *Повесть* временных лет.ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачёва и Б. А. Романова. — М.-Л., 1950. — С. 205—404.

[646] «**Исповѣдающеся Єму, яко благъ, яко в вѣкы милость Єго**», **яко** «**избавил ны єсть от врагъ наших**», **рекъше от идолъ суетных… И пакы**: «**Ветхая мимоидоша, и се быша новая**» (80).

[647] «**Не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии**» (44).

[648] **И пакы рцѣмъ съ Давыдомь**: «**Въспойте Господеви пѣснь нову… Възвѣстите во языцѣх славу Єго, въ всѣхъ людехъ чюдеса Єго, яко велий Господь и хваленъ зѣло**» (80).

[649] **Мы же възопьемъ к Господу Богу нашему, глаголюще**: «**Благословень Господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ!.. Сѣть скрушися, и мы избавлени быхом**» **от прельсти дьяволя** (82).

[650] «**Исповѣдающеся Єму, яко благъ, яко в вѣкы милость Єго**», **яко** «**избавил ны єсть от врагъ наших**», **рекъше от идолъ суетных** (82).

[651] **Праведныхъ бо душа не умирают, яко же рече Соломанъ**: «**Похваляему праведному възвеселятся людье**» (48).

[652] **Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее**: «**Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых**» (80).

[653] **Богъ же терпяше, еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмь глаголаху**: «**Кдѣ есть Богъ ихъ? Да поможеть имъ и избавить 'я!**» (152).

[654] «**Желанье благовѣрныхъ наслажаетъ душю**» (44).

[655] «**Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть**» (44).

[656] **Рече бо Соломань** (44), **О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше** (48), **апостолъ Павелъ глаголеть** (81) и т.д.

[657] **Пророкъ рече** (81), **другий пророкъ рече** (81), **свершая апостола, глаголюща** (134).

[658] **Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою, еуангелье чтомо**: «**Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть**» (85).

[659] **Харпалёва В. Ф.** Специфика авторского самовыражения… — С. 105.

[660] **Велий еси, Господи, чюдна дѣла твоя! Вчера чтимь от человѣкъ, а днесь поругаемъ** (80).

[661] **Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый яко** «**Богъ даетъ власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, ему же хощеть, дасть**» (94).

[662] **Вси възъглаголють языки величья Божья, яко же дасть имъ святый духъ отвѣщевати** (22).

[663] **Ламехъ уби два брата Єнохова, и поя собѣ женѣ єю; сей же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть** (97).

664 Рцѣмъ по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхом» (146).

665 *Харпалёва В. Ф.* Специфика авторского самовыражения… — С. 106. А. С. Львова цитируем по В. Ф. Харпалёвой.

666 Т. В. Рождественская связывает оппозицию *речи — писати* в летописном тексте «с оппозицией дохристианского устного и христианского письменного текста». — *Рождественская Т. В.* Об отражении устной и письменной традиции в договорах Руси с греками X в. // Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. — М., 2001. — С. 337.

667 *Повесть* временных лет.ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачёва. — С. 210.

668 Въ лѣто 6406/898. Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское… Посемъ же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту и сѣдоша съ словѣны, покоривше 'я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска (21).

669 *Повесть* временных лет.ч. 2. Приложения. — С. 213. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне (11).

670 От нихъ же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи (13).

671 Таже сѣверъ от нихъ (13).

672 И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская (11).

673 Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь: си суть свой языкь имуще, от колена Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ (13).

674 …радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх,—Радим, а другий Вятко,—и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятько сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи (14).

675 Въ лѣто 6360852, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь. Тѣм же отселе почнем и числа положимъ (17).

676 *Повесть* временных лет.ч. 2. Приложения. — С. 243. И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Рѣша русь, чюдь, словѣни, и кривичи (18).

677 И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля (18).

678 …новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни (18).

679 И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ (18).

680 И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ (18).

681 Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а язык словенски единь (23).

682 Семионъ же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во 3-хъ реках купався недуга избы, ту, сего ради град во имя свое нарече. Последи же Андрианъ кесарь 'и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ (32).

[683] Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевець (13).

[684] *Повесть* временных лет.ч. 2. Приложения. — С. 322.

[685] Володимеръ же радъ бывь, заложи городъ на бродѣ томь, в нарече 'и Переяславль, зане перея славу отроко тъ (85).

[686] *Повесть* временных лет.ч. 2. Приложения. — С. 347.

[687] И оттолѣ почася Печерскый манастырь, имь же бѣша жили черньци преже в печерѣ, а от того прозвася Печерскый манастырь (107).

[688] И на ту ночь ведоша 'и Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 версть в дале (173).

[689] Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже 'и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть (80).

[690] …бѣ бо пред нимъ епископъ боленъ и не моги служити, и лежа в болести лѣтъ 25; тѣмь же князь и людье жадаху епискуплѣ службѣ и радовахуся, славяще Бога (195).

[691] И еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людех. Тѣм же и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова молящеся прилѣжно к нима (93).

[692] И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима; и падь ниць, просяше прощенья (121).

[693] Приходи Володимеръ на Глѣба: Глѣбъ бо бяше воевалъ дрѣговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголюще, укаряя 'и (200).

[694] *Медарич М.* Автобиография / автобиографизм // Автоинтерпретация. Сб. статей. — СПб., 1998. — С. 10.

[695] См.: *Гинзбург Л.* О лирике. — Л., 1974. — С. 7.

[696] *Шахматов А. А.* Разбор сочинений И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — СПб., 1899. — С. 6.

[697] *Могилянский А. П.* Писемский. Жизнь и творчество. — Л., 1991. — С. 99.

[698] *Конявская Е. Л.* О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. — №2. — М., 2003. — С. 76.

[699] *Творогов О. В.* Литература Древней Руси. — М., 1981 // http://avorhist.narod.ru/publish/tvorogov2.htm.

[700] См.: *Шайкин А.* «Се повести времяньных лет…». — С. 153.

[701] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Учёные записки Второго Отделения АН. Кн. 3, отд. 2. — СПб., 1856. — С. 173.

[702] *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов». — М., 2004. — С. 139. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — М., 1970 — С. 323.

[703] По терминологии Е. И. Орловой, это тот, кто ведет повествование от 3 лица, не называет себя (не персонифицирован). Такое употребление терминов встречается у большинства исследователей. — см.: *Орлова Е. И.* Образ автора в литературном произведении: Учебное пособие. — М., 2008.

[704] По терминологии Е. И. Орловой, это тот, кто ведёт повествование от 1-го лица.